

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

- 31** *Канашевский В. А.*
Способы преодоления санкционного давления:
от внешнего управления до выплаты компенсаций
согласно правилам международных договоров

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 41** *Мажорина М. В.*
Международное частное право как искусство
- 52** *Шахназаров Б. А.*
Параллельный импорт и реализация принципа
исчерпания исключительных прав в контексте
договорных отношений хозяйствующих субъектов
- 86** *Терентьева Л. В.*
Установление судебной юрисдикции
по трансграничным делам о защите чести,
достоинства и деловой репутации
- 108** *Луткова О. В.*
Правовое регулирование участия
искусственного интеллекта и других генераторов
в процессе создания результатов,
сопоставимых с произведениями
- 199** *Цзя Шаосюе, Гун Нань*
Перспективы, дилеммы и верховенство права
для цифровой торговли в рамках «Пояса и пути»

№ 9 (109)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского государственного университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦЮПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ТЕРЕНТЬЕВА Людмила Вячеславовна — профессор кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 13.12.2023 Объем 27,61 усл. печ. л. (17,22 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева

Корректор А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 9 (109)
2023

Edition
PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPA University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

TERENTEVA Liudmila Vyacheslavovna — Professor of the Chair of Private International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.	
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361	
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)	
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year	
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)", 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru	
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month	
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
SIGNED FOR PRINTING	13.12.2023 Volume: 27.61 conventional printer's sheets (17,22 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper	
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>		
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader A. B. Rybakova	Computer layout D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	10
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	12
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Канашевский В. А. Способы преодоления санкционного давления: от внешнего управления до выплаты компенсаций согласно правилам международных договоров	31
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Актуальные вопросы международного частного права	
Мажорина М. В. Международное частное право как искусство	41
Экономические санкции в международном частном праве	
Шахназаров Б. А. Параллельный импорт и реализация принципа исчерпания исключительных прав в контексте договорных отношений хозяйствующих субъектов	52
Викторова Н. Н. Иностранные инвестиции в Российской Федерации в период санкций: введенные ограничения и их соотношение с правами иностранных инвесторов	66
Засемкова О. Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой	76
Споры в международном частном праве	
Терентьева Л. В. Установление судебной юрисдикции по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации	86
Алимова Я. О. Спор из трансграничного контракта с китайским контрагентом: особенности признания и исполнения решений	98
Информационно-коммуникационные технологии в международном частном праве	
Луткова О. В. Правовое регулирование участия искусственного интеллекта и других генераторов в процессе создания результатов, сопоставимых с произведениями	108

Кутузов И. М.

О ценностном содержании международного
договорного денежного обязательства
в условиях цифровизации платежных средств 118

Шулаков А. А.

Позитивная оговорка о публичном порядке — основа защиты
конституционно значимых ценностей государства 128

Крылепова А. О.

Соотношение экстерриториальной охраны исключительных
прав на товарные знаки с охраной прав на доменные имена 138

Пузырева Е. Н.

О развитии международных стандартов
раскрытия информации о ESG 147

Договорные обязательства
в международном частном праве

Скачков Н. Г.

Институциональная система исполнения
трансграничных договоров лизинга.
Правовая оценка условий бербоут-чартера 155

Савенко О. Е.

Международные механизмы защиты
прав детей и семейных прав в условиях
трансформации межгосударственного сотрудничества 165

Панкова М. Н.

Наименование места происхождения товара
и географическое указание: сравнительно-правовой аспект 174

Пирцхалава Х. Д.

Нормы этики в инновационной медицине 182

Ситников С. Л.

Некоторые аспекты углеродного
ценообразования и его особенности 188

Зарубежный опыт

Цзя Шаосюе, Гун Нань

Перспективы, дилеммы и верховенство права
для цифровой торговли в рамках «Пояса и пути» 199

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Антисанкционные оговорки
в международных контрактах 210

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Варлен М. В.

- Информационный, технологический,
экономический и финансовый суверенитет
как новейшие типы автономности 214

Трибуна молодого ученого

Карандашева Н. Н.

- Исполнение иностранного судебного решения
в рамках исполнения судебного поручения 223

ПРОБА ПЕРА

Скопцова Е. И.

- Влияние санкций на формирование
российского подхода к правовому регулированию
трансграничной несостоятельности 231

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ..... 241

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Шулаков А. А.

- Международное частное право: от прошлого к настоящему 248

ПОСТСКРИПТУМ

Шпаковский Ю. Г.

- Русь крепостная, или История крепостного права в России 256

NOTE TO THE READERS	10
UNIVERSITY CHRONICLE	12
AUTHORITATIVE OPINION	
Kanashevsky V. A.	
The Ways to Overcome Sanction Pressure: from External Management to Payment of Compensation under the Rules of International Treaties	31
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
Topical Issues of Private International Law	
Mazhorina M. V.	
Private International Law as Art	41
Economic Sanctions in Private International Law	
Shakhnazarov B. A.	
Parallel Import and Implementation of the Principle of Exhaustion of Exclusive Rights in the Context of Contractual Relations of Economic Entities	52
Viktorova N. N.	
Foreign investments in the Russian Federation during the period of sanctions: restrictions imposed and their correlation with the rights of foreign investors	66
Zasemkova O. F.	
Application of para. 4 of Article 248.1 of the Arbitrazh Procedural Code of the Russian Federation: issues raised by the court practice	76
Disputes in private international law	
Terenteva L. V.	
Jurisdiction in Cross-Border Defamation Disputes	86
Alimova Ya. O.	
Disputes from a Cross-Border Contract with a Chinese Contractor: Features of Recognition and Implementation of Decisions	98
Information and Communication Technologies in Private International Law	
Lutkova O. V.	
Legal regulation of the participation of artificial intelligence and other generators in the process of creating results comparable to works	108

<i>Kutuzov I. M.</i>	
On the Value Content of the International Contractual Monetary Obligation in the Context of Digitalization of Means of Payment	118
<i>Shulakov A. A.</i>	
Positive Clause on Public Order is the Basis for the Protection of Constitutionally Significant Values of the State	128
<i>Krylova A. O.</i>	
Correlation of extraterritorial protection of exclusive rights to trademarks with protection of rights to domain names	139
<i>Puzyreva E. N.</i>	
About Development of International ESG Disclosure Standards	147
Contractual Obligations in Private International Law	
<i>Skachkov N. G.</i>	
Institutional system of execution of cross-border leasing agreements; legal assessment of bareboat charter conditions	155
<i>Savenko O. E.</i>	
International mechanisms for the protection of children's rights and family rights in the context of the transformation of interstate cooperation	165
<i>Pankova M. N.</i>	
Appellation of Origin and Geographical Indication: Comparative Legal Aspect	174
<i>Pirtskhalava Kh. D.</i>	
Ethical Standards in Innovative Medicine	182
<i>Sitnikov S. L.</i>	
Certain aspects of carbon pricing and its peculiarities	199
Foreign experience	
<i>Jia Shaoxue, Gong Nan</i>	
Prospects, dilemmas and ways of the rule of law for digital commerce in the framework of the Belt and Road	210
STANDPOINT	
Anti-Sanctions Clauses in International Contracts	210

SCIENTIFIC RESEARCH

Varlen M. V.

- Informational, technological, economic and financial
sovereignty as the newest types of autonomy..... 214

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Karandasheva N. N.

- Enforcement of a Foreign Judgment
within the Framework of the Execution of a Letter Rogatory 223

PEN TEST

Skoptsova E. I.

- Impact of Sanctions on Formation of the Russian
Approach to the Legal Regulation of Cross-Border Insolvency 231

BOOKSHELF OF THE DEPARTMENT 241

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

Shulakov A. A.

- Private International Law: From the Past to the Present 248

POSTSCRIPT

Shpakovsky Yu. G.

- Serfdom Russia, or the History of Serfdom in Russia 256

Слово к читателю

Уважаемые читатели!

С момента последнего выпуска журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» с публикациями профессорско-преподавательского коллектива кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло два года. За это время в России и в мире случилось множество масштабных событий: пандемия COVID-19, специальная военная операция и последовавшие за ней беспрецедентные санкции, принятые против России, российских граждан и юридических лиц, а также усилившаяся тенденция к распаду существующей мировой торговой и валютной системы на отдельные региональные кластеры. Влияние данных процессов на развитие трансграничных частноправовых отношений очевидно, в связи с чем перед специалистами международного частного права открывается серьезный пласт проблем, требующих научно-практического решения.

В связи с этим в настоящем выпуске освещаются вопросы неправомерности санкций, принятых недружественными странами, их противоречия международному праву. Являясь, по сути, односторонними принудительными мерами, они направлены на ущемление суверенных прав Российского государства, незаконное ограничение прав российских граждан и организаций. Наряду с указанными вопросами, авторами поднимаются проблемы ответных ограничений, принятых Россией в отношении иностранных инвесторов, оговорок о публичном порядке и сверхимперативных норм.

В выпуске традиционно уделено значительное внимание вопросам интеллектуальной собственности, в частности проблемам исчерпания исключительных прав, организации параллельного импорта, охраны исключительных прав на товарные знаки, обладающих экстерриториальным потенциалом, охраны произведений, созданных не обладающими правосубъектностью сущностями — животными, техническими устройствами, системами искусственного интеллекта.

Поднимается в журнале и весьма чувствительный для всех вопрос — о защите прав ребенка в условиях происходящей трансформации международного сотрудничества государств.

В настоящем выпуске рассмотрены также проблемы формирования и изменения ценностного содержания договорных денежных обязательств в международных коммерческих договорах, вопросы исполнения трансграничных договоров лизинга, а также проблемы гармонизации углеродного регулирования.

Ряд статей посвящен вопросам международного гражданского процесса, касающимся исполнения иностранного судебного решения с использованием механизма исполнения иностранного судебного поручения; сложностей, связанных с признанием и исполнением решений российских государственных судов в Китае; ограничения доступа подсанкционных лиц к правосудию, позволяющего «перевести» спор под юрисдикцию российского арбитражного суда; злоупотребления истцами юрисдикцией, позволяющего осуществлять «клеветнический туризм».

И в заключение приглашаем читателей на просмотр известных картин бельгийского художника Рене Магритта, через призму которых можно образно представить специфику регулирования трансграничных частноправовых отношений.

*В. А. Канашевский,
заведующий кафедрой
международного частного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

Главные события месяца

Вячеслав Володин посетил Центр мониторинга законодательства и правоприменения в МГЮА

12 сентября 2023 г. Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Вячеслав Володин посетил Центр мониторинга законодательства и правоприменения в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Вячеслав Володин отметил, что Государственную Думу и Университет связывают давние партнерские отношения. Университет активно проводит научно-экспертную работу для Государственной Думы, востребованную во фракциях и комитетах.

Председатель Государственной Думы подчеркнул, что партнерство с Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в вопросах анализа законотворчества и правоприменительной практики крайне важно для Государственной Думы.

Вячеслав Володин предложил Центру проанализировать правоприменение принятых недавно законов о запрете продажи вейпов несовершеннолетним, а также о запрете работы так называемых наливаяк — точек круглосуточной продажи

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

алкоголя в многоквартирных домах. Председатель Государственной Думы отметил, что взаимодействие с Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) дает депутатам обратную связь с профессиональным сообществом правоведов: *«Вы как юристы можете нам дать рекомендации, какая норма закона не работает или неэффективна. И через это мы можем повышать качество принимаемых решений»*.

Кроме того, по мнению Вячеслава Володина, важно, что в аналитической работе принимают участие студенты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — будущие юристы: *«Студентов вовлекают в практику правоприменения, с их участием проводится анализ законодательства. Это повысит их компетенцию и, возможно, где-то в будущем повлияет на выбор специальности»*.

Исследования Центра мониторинга законодательства и правоприменения, напомним, ранее были использованы депутатами для подготовки антисанкционных законов и мер поддержки граждан и экономики.

Развитие Университета

Торжественное открытие лекционного зала ПАО «ВТБ»

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось торжественное открытие лекционного зала банка «ВТБ» (ПАО). В церемонии открытия приняли участие ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев и вице-президент, начальник Управления банка «ВТБ» (ПАО) Илья Ермаков.

«Наши взаимоотношения с Университетом начались еще в далеком 2011 г., и я рад, что мы продолжаем сотрудничество. Интерес банка в работе с вузами заключается не только в развитии розничного бизнеса, но и в корпоративной социальной ответственности. В рамках проекта “Образованная страна” мы участвуем в образовательных проектах, развиваем инфраструктуру вузов. Убежден, что в этом светлом зале будет проходить свободный, творческий, образовательный и практический процесс», — отметил Илья Ермаков.

«Банк “ВТБ” — ведущий банк России и надежный партнер. Я очень рад, что компания реализует такие проекты в сфере образования и дарит вузам полезные пространства. Уверен, что созданная атмосфера будет способствовать тому, чтобы студенты чувствовали свою востребованность и стремились продолжить свою профессиональную карьеру, в том числе и в банке “ВТБ»», — подчеркнул ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев.

Оформление лекционного зала выполнено с использованием символики ПАО «ВТБ» и Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). На стенах размещены мотивационные слоганы. Установлено современное звуковое и проекционное

оборудование. Помещение рассчитано более чем на 170 мест и будет использоваться для лекционных и практических занятий студентов.

МГЮА и Социальный фонд России заключили соглашение

1 сентября 2023 г. ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев и председатель Социального фонда России Сергей Чирков подписали соглашение о сотрудничестве в области образовательной, научной, просветительской и культурно-досуговой деятельности. Также планируется взаимодействовать по вопросам трудоустройства выпускников и подготовки кадров для Социального фонда России.

«Подписание соглашения с Социальным фондом России — залог для нашего дальнейшего сотрудничества по всем направлениям, и в первую очередь в сфере науки и образования. Особенно это актуально для студентов, обучающихся в Университете по программам среднего профессионального образования,

где мы готовим специалистов в области социального обеспечения. Конечно, соглашение будет способствовать и успешной работе в области последующего трудоустройства наших выпускников», — отметил ректор Университета Виктор Блажеев.

Подписано соглашение между МГЮА и Среднерусским банком ПАО «Сбербанк», а также ООО «Сбер Лигал»

6 сентября 2023 г. состоялось торжественное подписание соглашений о сотрудничестве между Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Среднерусским банком ПАО «Сбербанк», а также ООО «Сбер Лигал». Подписантами выступили ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев, а также заместитель председателя Среднерусского банка ПАО «Сбербанк» Асылхан Сыздыков, генеральный директор ООО «Сбер Лигал» Татьяна Мачкова.

Соглашения определяют сотрудничество сторон в сфере научно-исследовательской, научно-консультационной и научно-организационной деятельности, включающей в себя, среди прочего, проведение научных исследований, экспертных, аналитических работ и научных мероприятий.

«В соглашении определяем и закрепляем основные направления нашей работы — это образовательная и научная деятельность, проведение

фундаментальных исследований, подготовка экспертных заключений и обобщение правоприменительной практики. Также рады сотрудничеству со Сбербанком и «Сбер Лигал» в вопросах реализации магистерских программ, особенно специальной направленности, например, такой, как «Правовое сопровождение бизнеса (бизнес-юрист)», — подчеркнул Виктор Блажеев.

Заместитель председателя Среднерусского банка ПАО «Сбербанк» Асылхан Сыздыков отметил: «Качество образования в стране является одним из основных факторов ее развития. Наша работа с ведущими вузами — это инвестиции в общее будущее. Сбербанк, обладая большим опытом в области экономики и права, готов делиться своими знаниями и навыками, помогая улучшать образовательные программы в университетах, подготавливать квалифицированные кадры и создавать условия для успешного начала карьеры молодых специалистов».

В свою очередь, генеральный директор ООО «Сбер Лигал» Татьяна Мачкова подчеркнула: ««Сбер Лигал» является юридической компанией нового поколения, оказывая услуги физическим и юридическим лицам с использованием передовых LegalTech-решений, а также внедряя альтернативные внесудебные способы урегулирования споров — онлайн-медиацию. Понимая важность коллаборации науки и практики, «Сбер Лигал» принимает активное участие в поддержке образовательных юридических программ и студенческих мероприятий. Уверена, что заключение соглашений с Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выпускницей которой являюсь и я, откроет новые возможности для сближения бизнеса, науки и образования».

Экспертный ситуационный центр Ассоциации НОМ и Мониторинговой рабочей группы президентского СПЧ начал работу на площадке МГЮА

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) начал работу Экспертный ситуационный центр Ассоциации независимого общественного мониторинга и Мониторинговой рабочей группы президентского Совета по правам человека.

В течение трех дней голосования — 8, 9 и 10 сентября — студенты-юристы принимали данные от наблюдателей, поступающие на «Карту сообщений» НОМ, а эксперты давали правовую оценку сигналам о возможных проблемах.

Экспертный ситуационный центр НОМ и СПЧ создается для каждого единого дня голосования. На связь с центром выходят наблюдатели и региональные эксперты, которых консультируют электоральные юристы, разбирающие ситуации на избирательных участках.

На площадке Университета студенты МГЮА в специально организованном колл-центре принимали звонки с избирательных участков и проверяли сообщения, поступающие на «Карту сообщений» НОМ. В режиме

реального времени ресурс отражал только проверенную информацию о том, как проходило голосование во всех регионах России.

Ректор Университета Виктор Блажеев в этой связи сказал: *«В работе ситуационного центра по наблюдению за ходом выборов принимают участие более 80 студентов Университета, которые перед этим прошли специальную подготовку. Таким образом, ребята получают возможность на практике применить полученные знания в области избирательного права».*

Университет в общественной жизни

Заседание Комиссии по профессиональным юридическим стандартам Ассоциации юристов России

25 сентября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Комиссии по профессиональным юридическим стандартам Ассоциации юристов России под председательством сопредседателя Ассоциации юристов России ректора Университета Виктора Блажеева.

Комиссия является консультативно-совещательным органом, созданным с целью оказания содействия поэтапного внедрения профессиональных стандартов в юридической деятельности, осуществления мониторинга практики разработки и применения профессиональных стандартов в юридической деятельности.

Заседание Общественного совета при Росимуществе

27 сентября 2023 г. под председательством ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктора Блажеева состоялось заседание Общественного совета при Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом. Мероприятие прошло в формате видео-конференц-связи. На заседании рассмотрели представление Счетной палаты Российской Федерации по результатам контрольного мероприятия, а также обсудили мониторинг качества оказания услуг Росимуществом.

«Общественная оценка деятельности органов государственной власти важна, потому что она подчеркивает публичность процессов. В действующем составе Общественный совет завершает свою деятельность, благодарен коллегам за конструктивную работу. Уверен, что наш опыт будет полезен и учтен в деятельности Росимущества», — отметил Виктор Блажеев.

Конференции, круглые столы, семинары

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) обсудили перспективы принятия Цифрового кодекса Российской Федерации

15 сентября 2023 г. в зале Ученого совета Университета при участии представителей федеральных органов государственной власти, научных и образовательных организаций состоялся круглый стол «Цифровой кодекс в России: за и против».

Необходимость разработки и принятия Цифрового кодекса РФ рассматривается в России с 2017 г. В рамках Международного юридического форума 2023 г. в Санкт-Петербурге, а также на нескольких научных площадках стали вновь активно обсуждать данную идею. Вопросы систематизации, в том числе кодификации, информационного законодательства являются уже традиционными в науке информационного права, но в последние годы все больше данная проблема стала рассматриваться применительно к Цифровому кодексу.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ подготовило проект концепции федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации» в соответствии с п. 19 Перечня поручений Председателя Правительства

Российской Федерации М. В. Мишустина от 10 июля 2023 г. по итогам стратегической сессии по направлению «Развитие отрасли связи» 20 июня 2023 г.

Основной идеей Цифрового кодекса РФ является установление системного и функционально полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при использовании цифровых технологий, включая определение основных принципов и направлений развития и использования информационно-коммуникационных технологий и связи.

Целями проекта Кодекса стали упорядочение объективно существующих общественных отношений, комплексная модернизация законодательства РФ, связанная с цифровизацией, унификация правовых норм, регулирующих процессы использования информационно-коммуникационных технологий и связи, а также создание прозрачной и эффективной системы, способствующей развитию цифровой экономики, обеспечению безопасности информационных ресурсов и защите прав и свобод граждан.

Новый виток обсуждений и постановка задач по разработке проекта Цифрового кодекса РФ стали результатом активизации законопроектной деятельности в этом направлении в соседних государствах. Так, обнародован проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики. Цифровой кодекс разрабатывается в Азербайджанской Республике. В Республике Узбекистан подготовлен проект Информационного кодекса.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратился проректор по научно-исследовательской деятельности МГЮА Владимир Синюков, доктор юридических наук, профессор. Он отметил, что очень важно ответить на методологические вопросы, которые неизбежно возникнут по поводу предмета Цифрового кодекса России, важно проектировать правовые режимы, в которые вписывались бы развитие тех или иных цифровых технологий.

Также была отмечена необходимость обратить внимание на современную архитектуру регулирования цифровых отношений. Обсуждение идей Цифрового кодекса России во многом будет способствовать развитию новой парадигмы развития отечественного законодательства.

В ходе круглого стола были обсуждены основные проблемы и сложности разработки и принятия Цифрового кодекса РФ, его возможные модели.

II Кутафинский бизнес-форум

С 22 по 24 сентября 2023 г. на базе загородного комплекса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «Малюшина дача» прошел молодежный юридический слет — II Кутафинский бизнес-форум. В мероприятии приняли участие студенты, которые были разделены на 10 команд.

На протяжении трех дней более 100 студентов развивали в себе предпринимательские навыки и создавали стартап-проекты, которые впоследствии будут направлены в партнерские акселераторы для доработки совместно с экспертами. За дни образовательного интенсива участники разработали 10 стартап-проектов, многие из которых в дальнейшем будут реализованы в партнерских акселераторах.

С приветственным словом к собравшимся обратилась первый проректор Университета Инна Ершова: *«Мне очень импонирует программа форума, поскольку она позволяет погрузиться во весь жизненный цикл бизнес-проекта, начиная с идеи, разработки проекта и его внедрения и коммерциализации. Желаю вам провести дни форума с пользой».*

Также на открытии выступил начальник Управления по молодежной политике и воспитательной деятельности Антон Журков: *«Мы собрались здесь для того, чтобы в будущем вам было легче проявить себя в предпринимательской сфере, чтобы вы научились работать в команде и возглавлять эту команду. Это неоценимый опыт, осмыслить который можно уже сейчас».*

На значение форума для студентов-юристов обратил внимание директор Института бизнес-права Андрей Петраков: *«Предпринимательство — это отличный трек. Опыт наших выпускников говорит о том, что юрист — хороший бизнесмен и управленец. Мы надеемся, что Кутафинский форум зажжет в вас идеи и откроет новые карьерные траектории».*

Мероприятие было реализовано Центром компетенций «Бизнес-право», кафедрой предпринимательского и корпоративного права, Институтом бизнес-права и Управлением по молодежной политике и воспитательной деятельности в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Цель мероприятия — развитие молодежного предпринимательства в системе высшего образования в целом и в Университете в частности.

Знания и опыт, полученные в рамках II Кутафинского бизнес-форума, можно назвать уникальными, поскольку, совмещая интенсивное образование с грамотным досугом, удалось оформить бизнес-идеи в реалистичные стартап-проекты, которые можно запустить и коммерциализировать в ближайшее время.

VI Международный форум юристов и экономистов «Современные проблемы права и экономики»

С 21 по 22 сентября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел VI Международный форум юристов и экономистов «Современные проблемы права и экономики». Основная тема мероприятия — обсуждение проблем доверия в праве в условиях цифровизации и международного сотрудничества.

В шестой раз международный форум объединил на одной площадке ведущих экспертов в области права и экономического регулирования. По итогам форума по основным направлениям работы панельных дискуссий подготовлены практические рекомендации и предложения по совершенствованию законодательства и юридической практики. В числе спикеров форума ведущие эксперты из России, Бразилии, Китая, Италии, Индии, Никарагуа, Камеруна, Словакии, Бурунди, Таджикистана, Республики Беларусь, Армении.

На пленарном заседании с приветственным словом выступила первый проректор Университета Инна Ершова, отметив: *«Доверие в праве — это взаимоотношения между людьми, которые строятся на взаимной уверенности и верности. Доверие — это основа всех социальных институтов и это та составляющая, без которой эти институты работать не будут».*

Также участников приветствовал проректор по научно-исследовательской деятельности Владимир Синюков: «Форум сегодня выполняет главную задачу — объединить истинных приверженцев науки, представителей гражданского общества из разных стран. Очень важно, что мы сохраняем веру в общие ценности, которые получают более детальную конкретизацию на форуме!»

На пленарном заседании форума выступил председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Сергей Кабышев: «Переживаемый сегодня кризис миропорядка связан с концепцией однополярности, основанной на деструктивных представлениях о превосходстве одного государства над другими. Такая концепция не может обеспечивать взаимную уверенность, доверие друг к другу. Однако невозможно остановить естественный процесс движения к миру и справедливости. Мы с вами должны разработать научное обоснование для эффективно-го взаимодействия и партнерства членов международного сообщества, непреложного единства судьбы человечества. Именно доверие важно определить как основу нового миропорядка».

Среди участников были представители бизнеса, международных организаций, науки и образования, органов государственной власти, фондов и ассоциаций.

В рамках форума прошли панельные дискуссии, посвященные таким актуальным вопросам, как обеспечение биологической и промышленной безопасности, использование цифровых двойников и аватаров в условиях цифровой экономики, устойчивое развитие России и зарубежных стран, правовые меры противодействия гринвошингу, нейроправо, состояние доверия как комплексного конституционно-правового института и др.

В рамках панельной дискуссии, посвященной сравнительному правоведению, состоялась презентация монографии «Право в культурном измерении: новые векторы развития» под общей редакцией Владимира Синюкова и Марии Егоровой.

В МГЮА обсудили правовое регулирование традиционных семейных ценностей

25 сентября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся Всероссийский научно-практический круглый стол «Традиционные семейные ценности: конституционная модель и опыт правового регулирования в России и странах СНГ», организованный совместно кафедрой конституционного и муниципального права, кафедрой философии и социологии, кафедрой семейного и

жилищного права в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (кластерный проект «Социоправо»).

Мероприятие прошло в контексте проводимого кафедрой конституционного и муниципального права и кафедрой философии и социологии исследования в рамках проекта «Правовое обеспечение государственной семейной и жилищной политики» подпроекта «Конституционная модель сохранения и популяризации традиционных семейных ценностей в Российской Федерации».

Партнерами круглого стола выступили депутаты Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, Научный центр правовой информации при Минюсте России, Общероссийская общественная организация «Ассоциация историков права», Уполномоченный по правам ребенка в городе Москве.

Открывая мероприятие руководитель и модератор мероприятия Олег Рыбаков, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обозначил основные направления работы круглого стола.

С приветственными словами к участникам мероприятия выступили члены президиума. Первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор Инна Ершова обратилась к Указу Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», заметив, что легальное определение традиционных ценностей подчеркивает многообразие приоритетов, имеющих значение для государства. *«Традиционные семейные ценности, которые могут дать и социальный, и экономический*

эффект, сегодня обретают новые смыслы», — подытожила первый проректор.

Выступления приглашенных экспертов началось с приветствия первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Татьяны Буцкой, которая обратила внимание на важность формирования мировоззрения ребенка с самого детства в фарватере добрых традиций и конструктивных идей, а также выразила готовность сотрудничества с учеными Университета на экспертных площадках Комитета.

Ее коллега — депутат Государственной Думы VIII созыва, член Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Татьяна Ларионова подчеркнула приоритеты создания российских семей, привела статистические данные о положении семей с детьми, акцентировала внимание участников на

мерах государственной поддержки, которые способствуют улучшению качества жизни, укреплению традиционных семейных ценностей. Спикер отметила, что в современной России 1,5 млн семей имеют по 3 ребенка, более 300 тысяч — по 4 ребенка, порядка 6 000 семей — от 8 до 10 детей, 11 и более детей воспитывают свыше 500 семей.

Мероприятие прошло в смешанном формате, в котором приняли участие около 100 человек из ведущих российских вузов и научных организаций: Alikhan Vokeihan University г. Семей Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции РФ, Международного университета Кыргызской Республики, Московского городского педагогического университета, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Московского гуманитарного университета, Российского государственного социального университета, Российского государственного университета правосудия, Тюменского государственного университета, Университета Правительства Москвы.

II Международная школа интернет-БЕЗопасности молодежи «Цифровой рывок»

28 сентября 2023 г. прошло торжественное открытие II Международной школы интернет-БЕЗопасности молодежи «Цифровой рывок».

Школа была организована Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» совместно с командой Молодежного цифрового омбудсмана. Генеральными партнерами стали Альянс по защите детей в цифровой среде, АНО «Россия — страна

возможностей» и Мастерская управления «Сенеж». Технологическими партнерами выступили компания VK и Платформа «Мой голос» ГК «Росатом». Партнерами школы стали АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет» и федеральный проект «Цифровая Россия».

Участие в школе приняли 200 студентов и молодых специалистов более чем из 10 стран, в том числе студенты МГЮА. В течение пяти дней они обсуждали проблемы обеспечения психологической безопасности детей и молодежи в информационном пространстве и построения в нем когнитивного суверенитета, составили собственные прикладные проекты.

К участникам обратилась проректор по стратегическому и международному развитию МГЮА Мария Мажорина: *«Вы получили возможность не просто посетить школу, но и взять для себя те знания, которые помогут как развиваться самому, так и развивать нашу страну. Я желаю вам продуктивной работы, подружиться и по итогам школы вынести максимум ценностей для себя!»*.

«Школа создана молодежью для молодежи. Все лекции предусматривают формат разговора на равных. Главная наша задача — взаимно обогатиться опытом, компетенциями и навыками», — отметил Дмитрий Гуляев, директор Центра по обеспечению прав молодежи в цифровом пространстве МГЮА, Молодежный цифровой омбудсмен, руководитель школы.

С приветственным словом также выступили Татьяна Матвеева, начальник Управления Президента Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи, кандидат технических наук, и Елизавета Белякова, председатель Альянса по защите детей в цифровой среде.

30 сентября 2023 г. первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации Сергей Кириенко посетил II Международную школу интернет-БЕЗопасности молодежи и провел открытую лекцию на тему «Вызовы и возможности в сети Интернет», в рамках которой рассказал участникам школы об

информационном противостоянии и борьбе с фейками, а также отметил, что одним из ключевых направлений государственной политики является воспитание молодежи.

Научно-практическая конференция «Конкуренция и антимонопольное регулирование в современных условиях»

29 сентября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась научно-практическая конференция «Конкуренция и антимонопольное регулирование в современных условиях», организованная МГЮА совместно с ФАС России.

В мероприятии приняли участие представители антимонопольных органов, научно-образовательного и судейского сообщества. Участники конференции обсудили актуальные вопросы антимонопольного регулирования.

В приветственном слове ректор Университета Виктор Блажеев сказал: *«Символично, что сегодняшнее мероприятие проходит именно в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). С ФАС России мы не только географические соседи, мы взаимодействуем по ряду направлений. У нас была создана первая модельная кафедра конкурентного права, которая в прошлом году стала базовой, делая образовательные программы предметными и практикоориентированными. Уверен, что сегодняшняя дискуссия будет очень интересной, полезной и продуктивной! Желаю успехов!»*

В приветственном слове руководителя Федеральной антимонопольной службы Максима Шаскольского прозвучало: *«Мы благодарны Университету имени О.Е. Кутафина (МГЮА) за организацию сегодняшней конференции и многолетнее сотрудничество с ФАС России. Вуз является основной кузницей высокопрофессиональных юристов в области конкурентного права».*

С приветственным словом также обратился председатель Арбитражного суда Московского округа Вячеслав Кресс: *«Тема конференции имеет особенную значимость в современных условиях усложнения рыночных отношений в связи с санкционным давлением и цифровой трансформацией. Проводимая сегодня конференция очень важна, так как позволяет создать площадку для конструктивного обсуждения актуальных аспектов антимонопольного регулирования, обеспечить взаимодействие судов с ФАС России с целью выработки единых подходов к постоянно возникающим проблемным аспектам».*

Мероприятия ректората

Заседание Ученого совета

25 сентября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета. В рамках мероприятия коллектив Университета принял решения по текущим кадровым вопросам и деятельности внутренних подразделений.

В начале заседания первый проректор Университета Инна Ершова напомнила присутствующим, что 12 сентября 2023 г. в Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся визит Председателя Государственной Думы Российской Федерации Вячеслава Володина. В рамках этого события он награждал коллектив Университета почетной грамотой за многолетний и добросовестный труд.

«Эта почетная грамота вручается только один раз, повторного награждения не предусмотрено. Она вручается только в том случае, если все фракции приняли единогласное решение. Просьба передать благодарность всем кафедрам, всем институтам и работникам, потому что это, конечно, наше общее достижение», — подчеркнула Инна Ершова.

Ректор Университета Виктор Блажеев вручил благодарность Председателя Государственной Думы Российской Федерации заведующему кафедрой информационного права и цифровых технологий Алексею Минбалееву. Также приказом Минобрнауки России ему было присвоено звание профессора в области публично-правовых (государственно-правовых) наук.

Далее ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев вручил дипломы кандидатов юридических наук преподавателю кафедры правового моделирования Сергею Бибикову, Виктории Бурле, Дмитрию Слюсареву.

На Ученом совете поздравили юбиляров — доцента кафедры конституционного и муниципального права Елену Забелину, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Игоря Дудко, профессора кафедры конституционного и муниципального права Сергея Кабышева, профессора кафедры интеграционного и европейского права Артема Четверикова и директора Института «Аспирантура и докторантура» Марию Варлен, которой ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев также вручил медаль «Ветеран МГЮА».

Члены Ученого совета минутой молчания почтили память кандидата юридических наук, доцента кафедры предпринимательского и корпоративного права, ветерана Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Галины Дмитриевны Отнюковой, которая ушла из жизни 12 сентября 2023 г.

Далее были объявлены и награждены почетными грамотами победители и призеры конкурса педагогического мастерства «Первые по праву», который проходил в Университете с января по июнь 2023 г.

«Конкурс был организован, чтобы мы могли распространять инновационные разработки и эффективные образовательные технологии, обмениваться опытом и заниматься популяризацией передовых педагогических технологий. Всего на конкурс было подано 34 заявки — по итогам отборочного этапа 25 преподавателей соревновались за звание “Первый по праву”», — отметила заместитель председателя Ученого совета, заведующий кафедрой финансового права Елена Грачева.

Победителями конкурса стали доцент кафедры гражданского права Диана Османова, доцент кафедры судебных экспертиз Николай Бодров и профессор кафедры финансового права Лана Арзуманова. В число призеров конкурса II степени вошли старший преподаватель кафедры адвокатуры Дарья Шарапова, и.о. заведующего кафедрой семейного и жилищного права Екатерина Горская и профессор кафедры налогового права Сергей Ядрихинский. Призерами конкурса III степени стали ассистент кафедры информационного права и цифровых технологий Кира Таран, доцент кафедры гражданского права Екатерина Подузова и доцент кафедры международного права Ярослав Кожеуров.

Также за активное участие в проведении конкурса педагогического мастерства «Первые по праву» были награждены обучающиеся Университета.

С докладом об итогах приемной кампании 2023 г. Университета выступил ответственный секретарь приемной комиссии Александр Панокин.

Проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина представила стратегию международной деятельности Университета до 2030 г. Стратегия определяет вектор развития международной деятельности Университета в сторону интернационализации юридического образования, повышения узнаваемости бренда за рубежом и выстраивания новых форматов сотрудничества. Члены Ученого совета проголосовали за утверждение документа.

«Час с проректором»

20 сентября 2023 г. проректор по образовательной деятельности Университета Наталья Софийчук встретила со студентами в рамках проекта «Час с проректором» и ответила на самые волнующие вопросы.

В ходе разговора обсуждались вопросы, касающиеся написания курсовых и научных работ, порядка сдачи промежуточной аттестации и отчетных материалов по практике, несоответствия вопросов билета на экзамене/зачете темам, изученным в курсе, и др.

Особое внимание было уделено важности факультативного курса «Библиография», который поможет студентам не только подготовить курсовые и дипломные работы, но и сделать первые шаги в научно-исследовательской деятельности.

«Мы ушли от понимания образования как услуги, теперь это ценность — самое долгосрочное вложение в себя и в свои возможности», — подчеркнула Наталья Софийчук.

Международное сотрудничество

Делегация МГЮА под руководством Марии Мажориной посетила Китай

С 12 по 19 сентября 2023 г. делегация Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) под руководством проректора по стратегическому и международному развитию МГЮА Марии Мажориной посетила Китай.

Проректор приняла участие в Форуме по подготовке высококвалифицированных юристов-международников, который прошел в Шанхае. Также состоялся визит в Шанхайскую международную арбитражную комиссию, где были обсуждены некоторые инициативы МГЮА, наиболее актуальные для кафедры правового моделирования.

Мария Мажорина также приняла участие в рабочей встрече с партнерами Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) из Восточно-китайского университета политологии и права, где были запланированы новые совместные проекты и подписано дополнительное к ранее заключенному соглашению о сотрудничестве. Также в рамках рабочей поездки в Китай в Шанхайском политико-юридическом университете состоялась встреча с заместителем секретаря партийного комитета Шанхайского университета Пань Мутянем.

Были обсуждены вопросы развития сотрудничества и совместные образовательные проекты, достижения сторон в научно-исследовательских направлениях, а также подготовлен проект соглашения о сотрудничестве между МГЮА и Шанхайским политико-юридическим университетом.

После Шанхая делегация МГЮА посетила Пекин, где особое внимание было уделено новому партнеру — Пекинскому сельскохозяйственному университету, в котором действует Школа права. Делегацию Университета встретил ректор Дуан Люшенг.

В обсуждении совместных научных и образовательных проектов приняли участие проректор по международной деятельности У Янь, директор Института гуманитарных наук, городского и сельского развития Хань Фан, директор отдела международного сотрудничества Ао Жига. Большой вклад в организацию визита

внес преподаватель Института Фэн Чонг, который активно сотрудничает с нашим Университетом.

19 сентября 2023 г. Мария Мажорина и директор Центра международного сотрудничества МГЮА Анна Приходько посетили посольство России в Китае, расположенное в Пекине, где также провели переговоры по вопросам научного и образовательного сотрудничества.

Поездка завершилась посещением Китайского университета политологии и права (CULP) в Пекине, который является одним из лидеров юридического образования в Китае. Это вуз-партнер Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), с которым подписано соглашение о сотрудничестве.

В рамках визита обсуждались проекты на 2023/2024 учебный год, а также некоторые стратегические инициативы.

Награждения

Коллектив Университета награжден почетной грамотой Председателя Государственной Думы Российской Федерации

12 сентября 2023 г. в рамках своего визита в Университет Председатель Государственной Думы Российской Федерации Вячеслав Володин на торжественной церемонии наградил коллектив Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) почетной грамотой Председателя Государственной Думы Российской Федерации за многолетний и добросовестный труд.

Также Председателем Государственной Думы Российской Федерации были отмечены благодарностями за многолетний и добросовестный труд:

Виктор Блажеев, ректор Университета;

Инна Ершова, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права;

Олег Гринь, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения;

Диана Алексеева, профессор кафедры банковского права;

Вячеслав Батырь, профессор кафедры международного права;

Анастасия Завражных, начальник отдела сопровождения конкурсов и реализации научных проектов;

Олеся Засемкова, доцент кафедры международного частного права;

Владимир Канашевский, заведующий кафедрой международного частного права;

Олег Кудряшов, директор Научно-исследовательского института;

Ирина Аюшеева, доцент кафедры гражданского права;

Алексей Минбалеев, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий;

Ирина Михеева, доцент кафедры банковского права;

Александр Мохов, заведующий кафедрой медицинского права;

Людмила Новоселова, заведующий кафедрой интеллектуальных прав;

Денис Рогачев, заведующий кафедрой спортивного права;

Анастасия Трухина, начальник отдела научно-правового консалтинга НИИ.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Способы преодоления санкционного давления: от внешнего управления до выплаты компенсаций согласно правилам международных договоров¹

Аннотация. Принятые недружественными странами санкции являются односторонними принудительными мерами, которые не имеют основания в международном праве, носят неизбирательный характер, поскольку применяются в отношении больших групп физических и юридических лиц по национальному признаку, и направлены на ущемление суверенных прав Российского государства и изменение его политики.

Для обеспечения компенсации своих зарубежных потерь необходимо предоставить российским компаниям возможность потребовать передачи под свое внешнее управление активов иностранных компаний из соответствующих недружественных юрисдикций. Российские инвесторы также вправе искать защиты на основании международных договоров о защите инвестиций в силу того, что экспроприация их имущества была произведена безосновательно и без выплаты быстрой, эффективной и адекватной компенсации. Существующая правовая реальность во взаимоотношениях с недружественными странами демонстрирует кризис традиционных механизмов разрешения споров и необходимость поиска новых эффективных международных инструментов.

Ключевые слова: санкции, односторонние принудительные меры, недружественные государства, внешнее управление, экспроприация, защита капиталовложений, взаимность, международный инвестиционный арбитраж, эффективная компенсация, иностранный инвестор, национальный расчетный депозитарий, ценные бумаги.

Владимир Александрович КАНАШЕВСКИЙ, профессор кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор vakanashevskij@msal.ru 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.031-040

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Vladimir A. KANASHEVSKY,

*Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor
vakanashevskij@msal.ru*

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Ways to Overcome Sanction Pressure: from External Management to Payment of Compensation under the Rules of International Treaties

Abstract. *Sanctions which were imposed by unfriendly nations on the Russian state, legal entities and individuals are unilateral coercive measures which have no basis in international law. They are indiscriminate since they apply to large groups of individuals and legal entities on the basis of their nationality. They are aimed at infringing on the sovereign rights of the Russian state and changing its policy.*

For compensation of losses which Russian companies have suffered abroad the latter should be provided with the opportunity to demand that the assets of foreign companies from the relevant unfriendly jurisdictions should be transferred to the external management of the Russian companies. Russian investors are also entitled to seek protection under international investment treaties due to the fact that the expropriation of their property was carried out without legal grounds and without payment of prompt, effective and adequate compensation. The legal reality which exists in relations with unfriendly countries demonstrates the crisis of traditional dispute resolution mechanisms and the necessity for establishing new effective international instruments.

Keywords: *sanctions, unilateral coercive measures, unfriendly nations, external management, expropriation, investment protection, reciprocity, international investment arbitration, effective compensation, foreign investor, national settlement depository, securities.*

В настоящей статье будут рассмотрены три вопроса, касающиеся, во-первых, определения понятия санкций, принятых недружественными странами против России, ее граждан и организаций; во-вторых, внешнего управления имуществом иностранных компаний согласно Указу Президента РФ № 302 и его перспектив; в-третьих, возможности компенсации потерь российских инвесторов на основании положений международных договоров.

Определение понятия «санкции» в международном и национальном праве

Термин «санкции» в отношении ограничений, принятых недружественными государствами против российских лиц и Российского государства, используется в условном значении. Санкциями принято именовать меры, принятые Советом

Безопасности ООН, хотя в самом Уставе ООН² этот термин не используется. В ряде статей Устава ООН говорится о «принудительных мерах» (ст. 2, 50).

Поскольку СБ ООН каких-либо санкций или принудительных мер против России не вводил, то принятые США, ЕС и их союзниками антироссийские «санкции» являются односторонними принудительными мерами, не имеющими законного юридического обоснования в международном праве. Такие «санкции» не являются «принудительными мерами», введенными СБ ООН.

В документах ООН используется термин «односторонние принудительные меры»³. Как отмечается в Специальном докладе Идриса Джазаири по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека, представленном на 13-й сессии Совета по правам человека ООН⁴, для обозначения односторонних принудительных мер используется целый ряд выражений. Иногда их называют санкциями, иногда — ограничительными мерами, а иногда используют эти термины как взаимозаменяемые или вместе, например так: «ограничительные меры (санкции)» (п. 19).

В указанном докладе И. Джазаири дается определение односторонних принудительных мер: принимаемые государством или группой государств по отношению к другому государству экономические и политические меры, направленные на ущемление его суверенных прав с целью добиться какого-то конкретного изменения в проводимой им политике (п. 13). К ним относятся любые меры, помимо тех, которые принимаются СБ ООН на основе ст. 41 Устава ООН (п. 14). Такие всеобъемлющие меры нацелены сразу на всю экономическую или финансовую систему какой-либо страны, они не носят избирательного действия и потому имеют тенденцию оказывать в этой стране негативное воздействие на осуществление прав человека среди наиболее бедных и уязвимых сегментов общества (п. 15).

Итак, под санкциями, введенными против России, понимаются односторонние принудительные меры, принятые властями иностранных государств и союзами государств (далее — недружественные страны) и направленные против Российского государства, российских физических и юридических лиц. Они носят неизбирательный характер, поскольку применяются в отношении больших групп физических и юридических лиц по национальному признаку, направлены на ущемление суверенных прав Российского государства и изменение его политики.

Перечень недружественных государств утвержден распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 23.07.2022)⁵. Он включает 49 государств

² Устав Организации Объединенных Наций // СПС «КонсультантПлюс».

³ Документ ООН от 27.03.2023 № A/HRC/52/L.18 «Негативное воздействие односторонних принудительных мер на осуществление прав человека» / Совет по правам человека // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/undoc/tld/g23/059/36/pdf/g2305936.pdf?openelement> (дата обращения: 22.06.2023).

⁴ Документ ООН № A/HRC/30/45 от 10.08.2015 // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/565ff2fe4.pdf> (дата обращения: 22.06.2023).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (в ред. от 23.07.2022) // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

и территорий, в том числе государства ЕС, США, Великобританию, включая коронные владения Британской короны и Британские заморские территории. Через Британские заморские территории (острова Мэн, Джерси, Гернси, Британские Виргинские о-ва), а также такие страны, как Кипр, Лихтенштейн, Нидерланды, Швейцария, много лет структурировалось корпоративное управление российскими компаниями.

Внешнее управление имуществом иностранных компаний

Как известно, в ряде недружественных стран имущество российских компаний было изъято, арестовано или национализировано (далее — экспроприровано). В частности, по данным СМИ, на Украине были национализированы 100 % акций Международного резервного банка, принадлежащих ПАО «Сбербанк»⁶. В сентябре 2022 г. по решению немецких властей принадлежащие НК «Роснефть» акции немецких компаний Rosneft Deutschland GmbH (RDG) и RN Refining & Marketing GmbH (RNRM) были переданы под управление попечительскому совету Федерального сетевого агентства Германии. RDG и RNRM совместно владеют контрольным пакетом НПЗ РСК Schwedt (54,17 %), а также долями в заводах MiRo (24 %) и Bayernoil (28,57 %)⁷. В ноябре 2022 г. Германия национализировала Gazprom Germania GmbH, а Польша забрала во внешнее управление долю «Газпрома» в Europol Gaz⁸.

Эти действия противоречат Уставу ООН, действующим и действовавшим между Россией и соответствующими иностранными государствами международным соглашениям (договорам), соглашениям о поощрении и взаимной защите капиталовложений, Протоколу № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (применялся вплоть до 16 сентября 2022 г.), соглашениям в рамках ВТО, соглашениям в рамках международных финансовых организаций, а также складывающейся в настоящее время норме международного обычного права о недопущении принятия государствами односторонних принудительных мер.

Для обеспечения компенсации своих потерь, связанных с изъятием имущества российских компаний в недружественных странах, компании вправе воспользоваться механизмом, предусмотренным Указом Президента РФ от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» (далее — Указ № 302)⁹. Указ № 302 предусматривает возможность введения внешнего управления в отношении:

⁶ Рада утвердила указ Зеленского об изъятии российского имущества на Украине // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14605683> (дата обращения: 22.06.2023).

⁷ *Савенкова Д.* Прощание с нефтью: как проходила «экспроприация» активов «Роснефти» в Германии // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/09/19/941241-kak-prohodila-ekspropriatsiya-aktivov-rosnefti-v-germanii> (дата обращения: 22.06.2023).

⁸ Германия национализует Gazprom Germania, а Польша забирает во внешнее управление долю «Газпрома» в Europol Gaz // URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/takeover-of-gazprom/> (дата обращения: 22.06.2023).

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

1) находящегося на территории РФ движимого и недвижимого имущества иностранных лиц, связанных с недружественными иностранными государствами, и лиц, которые находятся под их контролем;

2) ценных бумаг, долей в уставных (складочных) капиталах российских юридических лиц, принадлежащих лицам недружественных государств;

3) имущественных прав, принадлежащих лицам недружественных государств.

По мнению замглавы Минфина РФ А. Моисеева, управление российскими активами иностранных собственников, отстраненных от корпоративных рычагов в рамках Указа № 302, будут осуществлять российские компании, пострадавшие от действий недружественных государств¹⁰. Так, внешнее управление компаниями ПАО «Юнипро» и ПАО «Фортум» осуществляют представители компании группы «Роснефть». Данные действия были предприняты в ответ на действия правительства ФРГ по переводу в доверительное управление компаний Rosneft Deutschland GmbH и RN Refining & Marketing GmbH в сентябре 2022 г. В результате Федеральное сетевое агентство Германии получило под свой контроль дочернюю структуру компании «Роснефть» и ее доли в трех нефтеперерабатывающих заводах: PCK Raffinerie (Шведт), MiRo (Карлсруэ) и Bayernoil (Вогбург)¹¹.

Российские компании, имущество которых было экспроприировано или подвергнуто иным формам ограничений, должны получить право инициировать включение в утвержденный Указом РФ № 302 перечень имущества, передаваемого во временное управление, тех активов, которые находятся на территории России и принадлежат компаниям из недружественных государств. Для этого необходимо внести соответствующее изменение в Указ № 302, включив в него соответствующее право. В дальнейшем такие активы могли бы стать предметом переговоров с иностранными компаниями о разблокировке зарубежных активов российских компаний, компенсации их потерь в связи с изъятием их имущества.

Например, находящееся в России имущество, которым прямо или косвенно владеют немецкие и польские компании, могло бы быть передано во временное управление в соответствии с Указом № 302 Федеральному агентству по управлению имуществом. Такие действия могли бы быть предприняты в ответ на национализацию властями Германии и перевод во внешнее управление властями Польши активов, принадлежавших ПАО «Газпром». Согласно п. 5 Указа № 302 временный управляющий осуществляет полномочия собственника, за исключением полномочий по распоряжению имуществом. Тем не менее в дальнейшем такое имущество могло бы стать предметом переговоров «Газпрома» с властями недружественных юрисдикций о разблокировке активов компании и (или) выплате ей компенсации за экспроприированное / переданное во внешнее управление в недружественных странах имущество.

Препятствием для осуществления указанного механизма условного зачета могут стать положения соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений. В частности, финская компания Fortum официально уведомила

¹⁰ В Минфине сказали, что управлять активами иностранцев будут пострадавшие за рубежом компании // URL: <https://www.interfax.ru/russia/898040> (дата обращения: 22.06.2023).

¹¹ В Минфине сказали, что управлять активами иностранцев будут пострадавшие за рубежом компании.

Администрацию Президента РФ о своем решительном возращении против Указа № 302 о введении внешнего управления в отношении ПАО «Фортум» и о намерении защищать свои права иностранного инвестора в соответствии с международным правом¹² (очевидно имеется в виду Соглашение между Правительством СССР и Правительством Финляндии о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений 1989 г.)¹³.

Компенсация согласно правилам международных договоров

Вследствие изъятия властями недружественных стран объектов собственности, принадлежащих российским физическим и юридическим лицам, последние могут основывать свои требования на положениях международных договоров. Наибольшее значение имеют соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений (далее — СПЗК). Цель СПЗК — защита прав инвесторов в национальных судах и международных инвестиционных арбитражах. СПЗК заключены со многими недружественными государствами, в том числе с Великобританией (1989 г.), Нидерландами (1989 г.), Германией (1989 г.), Финляндией (1989 г.), Украиной (1998 г.)¹⁴.

Действия властей недружественных государств по изъятию имущества российских компаний нарушают запрет на экспроприацию, установленный СПЗК, поскольку:

- 1) были приняты не в общественных интересах и не в установленном законодательством порядке (отсутствует обоснование);
- 2) являлись дискриминационными, поскольку осуществлялись только по отношению к имуществу российских лиц (дискриминация по принципу национальности);
- 3) не сопровождалась выплатой без задержки быстрой, адекватной и эффективной компенсации.

Для разрешения возникших инвестиционных споров между российскими компаниями (иностранными инвесторами) и принимающими (недружественными) государствами СПЗК предусматривают создание международного арбитража *ad hoc* или обращение к уже существующему постоянно действующему арбитражному институту, например Арбитражному институту Стокгольмской торговой палаты.

Нахождение многих российских компаний в числе санкционируемых лиц существенно ограничивает их в осуществлении ими своих прав инвесторов в недружественных странах в соответствии с СПЗК, хотя сам по себе факт, что истец

¹² Fortum отреагировал на указ по временному управлению активами в России // URL: <https://ria.ru/20230505/fortum-1869830512.html> (дата обращения: 22.06.2023).

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Перечень соглашений между Правительством РФ и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheniya/perechen_soglasheniy_mezhdu_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvami_inostrannyh_gosudarstv_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_kapitalovlozheniy/ (дата обращения: 22.06.2023).

происходит из государства, против которого введены санкции, не лишает его (истца) возможности обращаться в международный инвестиционный арбитраж, как это подтверждает дело по иску иранских банков к Бахрейну (Bank Melli and Bank Saderat v. Bahrain), рассмотренное в 2021 г.¹⁵

Таким образом, изъятие имущества российских компаний в недружественных государствах может быть квалифицировано в соответствии с СПЗК как противоправная мера, поскольку такое изъятие не сопровождалось выплатой быстрой, эффективной и адекватной компенсации. Как показывает практика, российские инвесторы не спешат использовать механизмы СПЗК. Думается, что главная причина заключается в общей атмосфере недоверия к международно-правовым институтам, существующая в настоящее время. Хотя потенциал для заявления соответствующих исков в международные инвестиционные арбитражи имеется.

В частности, это могут быть требования российских лиц — держателей иностранных ценных бумаг к властям Люксембурга и Бельгии в связи с приостановлением осуществления операций с данными ценными бумагами со стороны иностранных клиринговых центров Euroclear (Бельгия) и Clearstream (Люксембург). В январе 2023 г. закончился срок, отведенный властями ЕС российским частным инвесторам (около 5 млн) на разблокировку ценных бумаг, замороженных Euroclear и Clearstream в соответствии с 6-м пакетом санкций ЕС (июнь 2022 г.). Иностранные ценные бумаги были приобретены российскими держателями через Национальный расчетный депозитарий (НРД) — российское юридическое лицо, активы которого были заблокированы иностранными властями. До известных событий, связанных с началом Специальной военной операции, НРД имел доступ к международной системе. В НРД учитывались права клиентов на иностранные ценные бумаги и шли расчеты за них. Общая сумма активов, т.е. стоимость «замороженных» ценных бумаг, — около 5,7 трлн рублей. Первоначальные условия разблокировки активов (действовавшие до января 2023 г.) были фактически невыполнимыми для российских лиц, и разблокировать активы удалось лишь единицам¹⁶.

Срок для разблокировки активов был продлен до 24 июля 2023 г.¹⁷ Думается, что это не изменит ситуацию коренным образом. Соответственно, российским держателям, возможно, придется инициировать международные арбитражи, создаваемые в соответствии с СПЗК с Бельгией и Люксембургом. Срок рассмотрения таких исков обычно занимает несколько лет. На первом этапе необходимо собрать доказательства нарушения прав российских инвесторов, в частности доказательства дискриминации российских инвесторов со стороны Clearstream и Euroclear, и отсутствие реакции властей ЕС. На втором этапе необходимо

¹⁵ Рачков И. В., Рачкова Е. И. Санкции в международном инвестиционном арбитраже (на примере одного из дел) // Международное правосудие. 2022. № 2. С. 84—112.

¹⁶ Рузлева Е. Дело на 6 трлн: что происходит с замороженными иностранными акциями россиян // URL: <https://www.forbes.ru/investicii/489032-delo-na-6-trln-cto-proishodit-s-zamorozhennymi-inostrannymi-akciami-rossian> (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁷ Бирюков М. В ЕС продлили сроки подачи заявок на разблокировку активов российских инвесторов // URL: <https://www.forbes.ru/investicii/485623-bel-gia-i-luksemburg-prodlili-srok-podaci-zaavlenij-na-razbloirovku-aktivov> (дата обращения: 22.06.2023).

предъявить иск и провести полноценное разбирательство. На третьем этапе, в случае вынесения положительного решения в пользу российских держателей, решение исполняется в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г.

Стоит отметить, что Банк России принял зеркальные меры и с 30.05.2022 ограничил обращение на организованных торгах иностранных ценных бумаг, заблокированных международными расчетно-клиринговыми организациями, за исключением ценных бумаг иностранных эмитентов, осуществляющих производственную и экономическую деятельность в основном в России¹⁸. Таким образом, ценные бумаги иностранных эмитентов, обращающиеся на территории России, за исключением тех, которые фактически работают в России — HeadHunter, Yandex, Ozon Holdings, Cian, TCS Group, Fix Price, — оказались также заблокированы. При этом заблокированными оказались не все зарубежные ценные бумаги, а только те, которые изначально хранились в НРД, — примерно 14 % от общего объема¹⁹.

Очевидно, что выход из ситуации с блокировкой ценных бумаг, помимо применения стандартных судебных и арбитражных процедур, может быть найден через достижение соглашения о взаимной разблокировке ценных бумаг. Вероятно, что в недалеком будущем мы сможем стать свидетелями такой взаимной разблокировки. Данные варианты решения юридических проблем свидетельствуют, что механизм разрешения споров, предусмотренный СПЗК, находится в кризисе. Инвесторы предпочитают дожидаться договоренности о разблокировке активов, чтобы избежать неопределенности в проведении длительной и дорогостоящей арбитражной процедуры и исполнения арбитражного решения. Отметим, что в настоящее время ведется работа над созданием международного инвестиционного суда в качестве постоянного органа для разрешения инвестиционных споров, при постоянном составе высококвалифицированных судей²⁰. Однако перспективы такого суда пока остаются неопределенными.

Некоторые украинские инвесторы уже предприняли попытки заявить требования к России в связи со своими инвестициями. Например, в июне 2022 г. Р. Ахметов предъявил иск к Российской Федерации в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) с требованием возмещения ущерба в размере нескольких млрд долл. в связи с разрушением его предприятий на Донбассе («Азовсталь» и др.)²¹. Более того, в апреле 2023 г. Р. Ахметов инициировал против России международный инвестиционный арбитраж, требуя компенсации за потерянные активы в Луганской и Донецкой областях²². Не секрет, что положениями того или иного СПЗК могут воспользоваться и некоторые российские граждане, реструктурировав свой

¹⁸ Банк России. Новости. 30.05.2022 // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12911> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁹ Разблокировка активов НРД: что нужно знать // URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/review-nsd-qa/> (дата обращения: 11.06.2023).

²⁰ Викторова Н. Н. Оспаривание арбитражных решений по Вашингтонской конвенции 1965 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10. С. 108.

²¹ Украинский бизнесмен Ринат Ахметов подал иск в ЕСПЧ против РФ // URL: <https://pravo.ru/news/241540/> (дата обращения: 11.06.2023).

²² Ринат Ахметов инициировал арбитраж против России за «захваченные активы» в Донбассе // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926880> (дата обращения: 11.06.2023).

бизнес таким образом, чтобы он попал под определения иностранного инвестора согласно СПЗК для предъявления иска к Российской Федерации. Такие действия по существу являются злоупотреблением правом²³.

Возможно, Российскому государству стоит подумать о необходимости предоставления информационной и организационной поддержки российским инвесторам, пострадавшим от принятых недружественными государствами мер. Такие меры поддержки особенно важны на первоначальном этапе инициирования арбитражного разбирательства и содействия в получении инвесторами финансирования на ведение процессов в международных арбитражах. Определенные надежды можно также связывать с развитием механизма внешнего управления иностранным имуществом, предусмотренного Указом № 302.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бирюков М.* В ЕС продлили сроки подачи заявок на разблокировку активов российских инвесторов // URL: <https://www.forbes.ru/investicii/485623-bel-gia-i-luksemburg-prodlili-srok-podaci-zaavlenij-na-razblokirovku-aktivov> (дата обращения: 22.06.2023).
2. В Минфине сказали, что управлять активами иностранцев будут пострадавшие за рубежом компании // URL: <https://www.interfax.ru/russia/898040> (дата обращения: 22.06.2023).
3. *Викторова Н. Н.* Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3.
4. *Викторова Н. Н.* Оспаривание арбитражных решений по Вашингтонской конвенции 1965 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 10.
5. Германия национализирует Gazprom Germania, а Польша забирает во внешнее управление долю «Газпрома» в Europol Gaz // URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/takeover-of-gazprom/> (дата обращения: 22.06.2023).
6. Рада утвердила указ Зеленского об изъятии российского имущества на Украине // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14605683> (дата обращения: 22.06.2023).
7. Разблокировка активов НРД: что нужно знать // URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/review-nsd-qa/> (дата обращения: 22.06.2023).
8. *Рачков И. В., Рачкова Е. И.* Санкции в международном инвестиционном арбитраже (на примере одного из дел) // Международное правосудие. — 2022. — № 2. — С. 84—112.
9. Ринат Ахметов инициировал арбитраж против России за «захваченные активы» в Донбассе // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926880> (дата обращения: 22.06.2023).

²³ *Викторова Н. Н.* Злоупотребление правом со стороны индивидуальных инвесторов в инвестиционном арбитраже // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 72—81.

10. *Рузлева Е.* Дело на 6 трлн: что происходит с замороженными иностранными акциями россиян // URL: <https://www.forbes.ru/investicii/489032-delona-6-trlncto-proishodit-s-zamorozennymi-inostrannymi-akciami-rossian> (дата обращения: 22.06.2023).
11. *Савенкова Д.* Прощание с нефтью: как проходила «экспроприация» активов «Роснефти» в Германии // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/09/19/941241-kak-prohodila-ekspropriatsiya-aktivov-rosnefti-v-germanii> (дата обращения: 22.06.2023).
12. Украинский бизнесмен Ринат Ахметов подал иск в ЕСПЧ против РФ // URL: <https://pravo.ru/news/241540/> (дата обращения: 22.06.2023).
13. Fortum отреагировал на указ по временному управлению активами в России // URL: <https://ria.ru/20230505/fortum-1869830512.html> (дата обращения: 22.06.2023).

Актуальные вопросы международного частного права

Международное частное право как искусство¹

Аннотация. Международное частное право в системе права стоит особняком ввиду особого предмета и метода. В настоящее время потенциал международного частного права раскрывается по-новому в связи с появлением нового типа «пространства» — киберпространства, и многие традиционные институты и проблемы МЧП обретают возможности для новой интерпретации или решения. По своей сути МЧП является правом авангарда, в связи с чем возникла идея рассмотрения отдельных его институтов через призму искусства. И именно творчество бельгийского художника Рене Магритта оказалось, по мнению автора, наиболее созвучно многим искомым вопросам МЧП. Данная статья представляет собой исключительно авторскую попытку сопряжения правовой материи с живописью, нацеленную на иллюстрацию при помощи художественной формы правового содержания.

Ключевые слова: международное частное право, метод международного частного права, нормы негосударственного регулирования, *lex mercatoria*, коллизия права, применимое право, искусство.

**Мария Викторовна
МАЖОРИНА,**
доцент кафедры
международного частного
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
mvmazhorina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.041-051

Mariya V. MAZHORINA,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

mvmazhorina@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Private International Law as Art

Abstract. Private international law stands apart in the legal system due to its special subject and method. Currently, the potential of private international law is being revealed in a new way due to the emergence of a new type of “space” — cyberspace, and many traditional institutions and problems of private international law are finding opportunities for a new interpretation or

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

solution. At its core, private international law is the right of the avant-garde, in connection with which the idea arose of considering its individual institutions through the prism of art. And it was the work of the Belgian artist Rene Magritte that, according to the author, turned out to be most in tune with many of the sought-after issues of private international law. This article is an exclusively author's attempt to combine legal matter with painting, aimed at illustration with the help of an artistic form of legal content.

Keywords: *private international law, the method of private international law, norms of non-state regulation, lex mercatoria, conflict of law, applicable law, art.*

При написании данной статьи за основу взято глубокое убеждение автора в том, что великие идеи никуда не исчезают, они воплощаются в разное время и в разных формах, трансформируясь сообразно гению того или иного их проводника. Речь идет о допущении рекурсивности истинно великого независимо от области его воплощения.

Международное частное право как отрасль права и как наука является своего рода «юридическим масонством», и вовсе не в силу своей герметичности или эзотеричности, но ввиду уникального предмета регулирования, методологии, оригинального категориального аппарата и целого ряда институтов, отсутствующих в большинстве отраслей права. Это объективно предопределяет достаточно высокую степень закрытости знания в области международного частного права даже для профессиональных юристов. При этом одним из парадоксов XXI в. является делегализация права, подстегнутая масштабированием киберпространства, которому имманентно присуще свойство трансграничности, автоматически открывающее «дверь в международное частное право».

Думается, что Джэку Л. Голдсмит (Jack L. Goldsmith), профессору Гарвардской школы права, удалось сформулировать один из главных парадоксов современности, решение которого возможно благодаря развитию международного частного права: «Невероятный рост повсеместного присутствия и сложности коллизионного права в этом столетии может рассматриваться как приемлемая плата для мира, который стремится к расширению транснациональной деятельности при сохранении децентрализованного правотворчества»².

Д. Голдсмит определяет актуальное значение коллизионного права, характеризуя последнее через констатацию двух крайне важных и показательных тенденций: расширение транснациональной деятельности и сохранение децентрализованного правотворчества. Первая — суть проявление глобализации, выстраивания сетевого информационного общества со все большим перемещением коммуникативных процессов в сферу киберпространства. Вторая — подстройка правовой архитектуры под новую социальную реальность не через призму концептов «глобального правительства», «глобального управления» и «глобального права», а в логике государствоцентрированного мира. Во взаимосвязи этих двух тенденций и «зашит» современный парадокс.

² Goldsmith J. L. Against Cyberanarchy // University of Chicago Law Occasional Paper. 1999. No. 40. P. 26.

С одной стороны, современные антропологи утверждают, что мы все в большей степени живем в «глобальной культурной ойкумене»³, т.е. в обитаемой части планеты, в которой все сильнее игнорируются паттерны локальной «принадлежности» и самоидентификация субъекта все в меньшей степени детерминирована пространством: «притупляются» чувство места или территориальное самоощущение, культурная и национальная идентичности, лингвистическая зависимость. Это любопытнейшим образом влияет на право, например, так: «Не исключено, что психическое бремя иностранной юрисдикции является менее значимым сегодня из-за нашего возросшего контакта с зарубежными государствами»⁴.

С другой стороны, мы живем в парадигме государствоцентрированного мира при сохранении правовой территориальности, локализованности и фрагментированности правового ландшафта. И перед лицом вторгающейся глобальной экономической системы мы можем чувствовать потребность еще крепче уцепиться за локализм⁵ и, в терминологии международного частного права, лексфоризм (от привязки *lex fori*)⁶.

По мнению американского социолога Мануэля Кастельса, мир выстраивается в логике пространства потоков, а люди пытаются продолжать жить в пространствах мест⁷. Продолжить мысль автора можно так: общество, уже живущее в логике пространства потоков, обеспечено правом, по-прежнему локализованным в логике пространства мест. Перевод подобного социального феномена на юридический язык сделан Д. Голдсмитом.

Не сводя международное частное право исключительно к праву коллизии и тем самым расширяя возможности первого, нельзя не согласиться с Д. Голдсмитом в оценке им той платы, которую несет человечество. С одной стороны, «международное частное право представляет собой право коллизий суверенитетов. Подчинение законам какого-либо государства означает признание его суверенитета»⁸. С другой стороны, предметом регулирования международного частного права выступают трансграничные частноправовые отношения, которые, собственно, и находятся сегодня в авангарде глобализационных и информационных изменений. Сетевое/цифровое общество, детерминированное киберпространством, есть в некотором смысле начало золотого века международного частного права, так как последнее обладает необходимой и уже сформировавшейся методологией, способной ответить на вызовы современности.

Смена социальной парадигмы всегда находит свое отражение в тех или иных социальных плоскостях или срезах, одним из которых выступает и право. В этом

³ See: *Hannerz U.* Notes on the Global Ecumene // *Public Culture*. 2989. Vol. 1. Is. 2. P. 66—75.

⁴ *Berman P. S.* The Globalization of Jurisdiction // *University of Pennsylvania Law Review*. 2002. Vol. 151. No. 2. P. 423—424.

⁵ See: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford : Stanford University Press, 1990. P. 65.

⁶ See: *Petsche M. A.* International Commercial Arbitration and Transformation of Conflict of Laws // *Michigan State Journal of International Law*. 2010. Vol. 18:3. P. 454—493.

⁷ See: *Castells M.* The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1. 2nd edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.

⁸ *Иссад М.* Международное частное право / пер. с фр. М., 1989. С. 59.

контексте право откликается на меняющиеся паттерны созвучно тому, какие изменения наблюдаются в другой области человеческой деятельности — в искусстве.

Живопись — также ответ на изменения. В моем субъективном понимании отрасль права сопоставима с особым стилем в живописи, и международное частное право в такой логике — искусство авангарда, «искусство не для всех». Кроме того, потенциал методологии международного частного права является настолько глубоким и порой неочевидным, что при возникновении новых типов общественных отношений (например, в киберпространстве) именно он восполняет вновь образованные лакуны правового пространства. Иными словами, международное частное право совершенно многомерно, и многие «слои» его регуляторики скрыты от правоприменителя при первом приближении и открываются по мере погружения в глубины искомой материи.

Подобное впечатление в контексте смысловой нагрузки вызывают работы бельгийского художника Рене Магритта, на картинах которого очень иллюстративно можно знакомить слушателей с основными понятиями и институтами международного частного права. Его картины-головоломки, «реальные абстракции» как нельзя лучше раскрывают тайны международного частного права, в чем можно убедиться на конкретных примерах. Так, картина Магритта «Победа», написанная в 1939 г., символизирует категорию «иностранный элемент», которую можно представить в виде облака, выплывающего или врывающегося в воображаемое помещение. «Иностранный элемент» — базовое понятие международного частного права, появление которого в отношениях, собственно, и порождает коллизию права как столкновение двух или более правопорядков.

В исследовании, проведенном основателем и директором Центра транснационального права профессором Клаусом Питером Бергером, коллизия права характеризуется по-разному, но всегда презрительно, как: «закоренелое зло», «темный лабиринт», «творческий хаос», «алхимия», «мрачное болото, наполненное зыбкой трясинной и населенное просвещенными, но эксцентричными профессорами, которые теоретизируют о таинственных вопросах на странном и непонятном жаргоне»⁹. Это все обусловлено тем, что решение коллизии права — действительно непростое юридическое занятие, а методология международного частного права по-своему уникальна и не свойственна иным отраслям права.

Появление иностранного элемента в общественном отношении открывает дверь в безбрежные дали иностранного права, очертания которого скрываются за горизонтом и требуют целой юридической экспедиции для своего установления, сравнимой с освоением новых неизведанных земель. Кроме того, национальное право может быть сравнимо с твердой почвой для национального правоприменителя, в то время как морские просторы иностранного права могут не покориться исследователям, могут оказаться враждебными, и отечественные юристы могут столкнуться с риском крушения, что в некотором

⁹ Berger K. P. *The Creeping Codification of the New Lex mercatoria*. 2nd ed. Netherlands : Kluwer Law International, 2010. P. 9—31.

смысле нивелируется нормами ст. 1191 ГК РФ в части методологии установления содержания иностранного права.

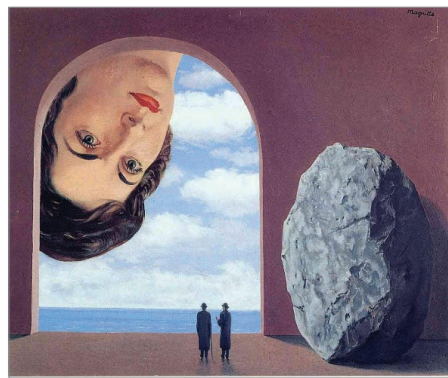
При этом сама ст. 1191 ГК РФ также может быть проиллюстрирована одной из работ Магритта, настолько точно передающей амбивалентные чувства судьи, которые могут возникать у последнего в случае необходимости применения иностранного права. Предлагается обратить внимание на картину Магритта «Портрет Стефи Лангю» 1961 г.

Небольшие фигуры в нижней части картины могут быть соотносимы с судьями, которым предстоит установить содержание иностранного права так, как это право устанавливает судья искомого государства. При применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Это непростая задача для судьи, и иностранный правопорядок, символом которого и выступает Стефи Лангю Магритта, как бы с некоторым удивлением наблюдает, каким образом иностранный правоприменитель распорядится его нормами *ex officio*. Смысловое значение на картине Магритта, толкуемой в духе теории международного частного права, имеет и прислоненный к стене справа камень: он символизирует последствия применения ст. 362, 387 ГПК РФ и ст. 270, 288 АПК РФ, предусматривающих отмену решения при неправильном применении норм материального права и их существенном нарушении, а также нарушении единства судебной практики.

Как хорошо известно всем специалистам в области международного частного права, последнее располагает двумя способами регулирования трансграничных частноправовых отношений: материально-правовым и коллизионно-правовым. Коллизионный способ является универсальным, при этом сложным и двухстадийным, предполагающим риски возникновения проблем как на стадии выбора права (скрытая коллизия, коллизия коллизий, обратная отсылка и др.), так и на стадии применения права (оговорка о публичном порядке и «сверхимперативные» нормы, интерлокальные, интерперсональные, интертемпоральные коллизии и пр.).

Все это приводит к тому, что коллизионный способ часто расценивается как эдакий «прыжок в темноту/неизвестность» (*jump in the dark*)¹⁰ со всеми его недостатками. В этом смысле коллизионная норма, в случае если она отослала правоприменителя к иностранному праву, есть указание на применение им «известного неизвестного», так как, с одной стороны, судья имеет дело с правом, той материей, которая известна ему *ex officio*, с другой стороны, иностранное право столь же, если даже не в большей степени, неизвестно ему. Именно об «известном неизвестном» и рассказывает нам со своих полотен Рене Магритт. И применение коллизионного способа регулирования может оказаться сродни блужданию по темному лабиринту Минотавра без спасительной нити Ариадны при недостатке знаний в области международного частного права.

При этом у суда возникает вопрос: как определить, что входит в понятие «право»? Определение содержания права, столь неоднозначное в современном

¹⁰ Raape L. Internationales Privatrecht. 1955. P. 90.

контексте, имеет сугубо прикладной характер в свете механизмов международного частного права, так как коллизионная норма, отсылая российского судью к иностранному праву, предписывает ему установить содержание норм последнего в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ст. 1191 ГК РФ). А потому судья должен понимать, что есть «право» в той или иной юрисдикции. В этой связи судье надлежит не только определить арсенал правовых источников, но и провести границу между «правом» и «неправом». Возникают вопросы: насколько широка дискреция суда, сколь расширительно он может толковать принцип автономии воли сторон в контексте возможностей выбора «неправа» и проч.?

Суд, применяя иностранное право, является, с одной стороны, сторонним наблюдателем применительно к иностранному правопорядку, с другой стороны, обязан применить его в духе участника. При этом коллизионный способ регулирования, даже если преодолеть все его сложности, может оказаться малоэффективным ввиду того, что «конечной остановкой», к которой он ведет, выступает тот или иной национальный правопорядок, который может быть не адаптирован к регулированию сложных трансграничных отношений, или даже «враждебным» по отношению к иностранцам, или просто непредсказуемым и не соответствующим разумным ожиданиям сторон, исповедующих иные правовые принципы своего национального права.

Это приводит, например, в практике международного коммерческого арбитража, к обращению к сравнительному правоведению, к оперированию торговыми обычаями, принципами международной торговли, арбитражными прецедентами, источниками так называемого *lex mercatoria* и прочими источниками негосударственного регулирования, которые не детерминированы национальными правопорядками. Таким образом, вопрос о содержании понятия «право» не ограничивается сегодня национальным правовым полем и смещается в международную область: он звучит уже не только и не столько в национальных судах, сколько в международных коммерческих арбитражах и трибуналах, разрешающих трансграничные споры, тем более с учетом складывающейся там парадигмы правопонимания.

Возможно, при выстраивании новой архитектуры права в новых условиях мироустройства судам отводится более значимое место, нежели законодателям, или соразмерное последним. Именно судьи и (или) арбитры толкуют право, формируя современное представление о праве, которое служит снимком объективной действительности, в то время как взгляд законодателя на право, как правило, ретроспективен. В этой связи международное частное право становится той областью, где распознавание «права» и «неправа» имеет во многом сугубо практическое значение, непосредственно влияя на исход дела. И правовой плюрализм в таком ключе превращается из мощного теоретического течения в некое уравнение со множеством неизвестных, которое предстоит разрешить судье или арбитру.

У Магритта мы находим две любопытные картины: «Неожиданный ответ» 1933 г. и «Любовная перспектива» 1935 г., передающие разницу в перспективе, которая может открыться разным юристам за дверью в иностранную правовую систему ввиду санкции со стороны коллизионной нормы.

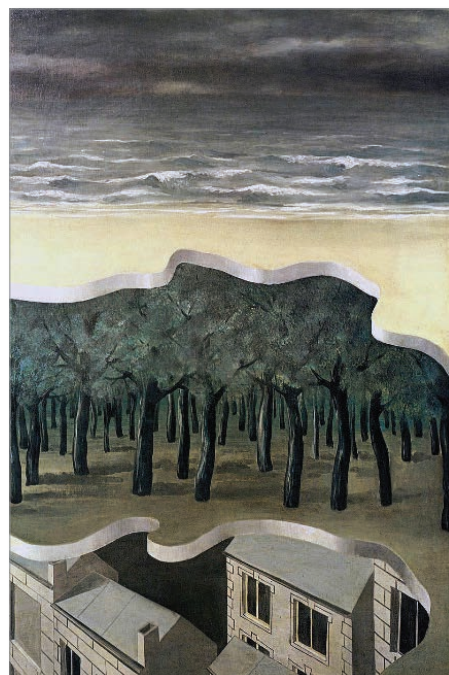

Владение методологией международного частного права освещает путь юриста в иностранном праве. Данные произведения живописи наглядно свидетельствуют о том, какую работу должны провести юристы до включения в контракт оговорки о выборе иностранного права, оценив риски выбора в качестве применимого права правопорядка, не известного им.

А созданная в 1926 г. картина «Популярная панорама» дает еще более отчетливое представление о многослойности правовой материи, скрывающей под собой самые разные источники права и открывающейся тогда, когда судья начинает выяснять содержание того, что является «правом» в том или ином государстве. Это могут быть статутные и обычные нормы, нормы-принципы, нормы права ЕС, судебные прецеденты и др.

Сколько «слоев» правовой материи откроется судье? Часто это зависит от того, насколько настойчива в установлении содержания норм соответствующего права будет сторона спора (п. 2 ст. 1191 ГК РФ). Правоприменительному органу предстоит определить содержание иностранного права, в то время как само по себе понятие «право» является неоднозначным в современном контексте, имеет прикладной характер в свете механизмов международного частного права. Судье надлежит не только определить арсенал правовых источников, но и провести границу между «правом» и «неправом».

Возникают вопросы: насколько широка дискреция суда, сколь расширительно он может толковать принцип автономии воли сторон в контексте возможностей выбора «неправа» и т.д.?

В этой связи актуальность в сфере регулирования трансграничных частноправовых отношений приобретает еще одно явление, которое может быть поименовано как «коллизия права и неправа». Активность международных межправительственных организаций, ранее направленная на разработку проектов международных договоров, переориентируется на модельное нормотворчество.

Оценивая влияние Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже и Принципов УНИДРУА на национальное законодательство, Барт Волдерс (Bart Volders) обращает внимание на появление специфического законодательного метода, который становится стандартом для национальной и международной кодификации частного права. Этот модельный метод имеет две характерные особенности: в его основе лежит обширное сравнительно-правовое исследование с привлечением большого количества иностранных источников, имеющих национальное и вненациональное происхождение; в процесс разработки модельного акта вовлекается широкий круг внешних экспертов и заинтересованных сторон, не принадлежащих к государственной бюрократии, с целью укрепления легитимности инструмента гармонизации и облегчения его принятия на практике¹¹.

Даниэль де Каролис (Daniele De Carolis) высказывает крайне интересное суждение относительно того, что государства обеспечивают соответствие национальных законов международным торговым стандартам с целью добиться «сигнального эффекта», адресуемого международному бизнес-сообществу. Государства тем самым стремятся сделать свое законодательство по вопросам международной торговли узнаваемым и понятным для иностранного практикующего специалиста, с тем чтобы обеспечить привлекательность своей юрисдикции для иностранных инвесторов и для разрешения международных коммерческих споров в мировых центрах арбитража, созданных на их территории¹².

Сложности, с которыми сопряжено применение материального и коллизийного способов регулирования, а также стремительно возрастающая скорость транзакций, движения капиталов, лиц, услуг, разрастание неправовой материи — все это актуализирует проблему методологии международного частного права.

Сам базис находится в поиске адекватной надстройки. Что, собственно, происходит? Есть Венская конвенция 1980 г., совершенно беспрецедентный акт, в котором участвует более 80 государств мира. Есть иные международные договоры. Есть национальное право разных государств. И тут вдруг появляются Принципы УНИДРУА, Гаагские принципы, Акты ICC, регламенты международных коммерческих арбитражей и иные «экзотические существа», не являющиеся юридически обязательными, но претендующие на статус Общей части договорных

¹¹ See: *Volders B.* The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts and Dutch Law. The UNIDROIT Principles 2004: Their Impact on Contractual Practice, Jurisprudence and Codification / Cashin Ritaine E. C., Lein E. (eds.). Reports of the IDSC Colloquium 8/9 June 2006. Schulthess, 2007. P. 139—142.

¹² See: *De Carolis D.* The process of harmonisation of the law of international commercial arbitration: drafting and diffusion of uniform norms : Doctoral Thesis // URL: <http://eprints-phd.biblio.unitn.it/214/1/dissertation.pdf> (дата обращения: 22.10.2017). P. 447.

обязательств¹³ или даже на расширительное толкование понятия «нормы права» для целей квалификации термина «право, избранное сторонами» к международному коммерческому контракту; осуществляется переход от «права» к «лучшим практикам» (best practices)¹⁴.

Кроме того, плюрализм современных нормативных и нормативно-институциональных систем, усиливаемый масштабированием киберпространства, обостряет проблему нормативной гибридности и управления ею. Как пишет П. Ш. Берман, многие негосударственные сообщества утверждают свою юрисдикцию и предъявляют всевозможные нормативные требования к своим членам, а право постоянно конструируется в результате соперничества этих различных сообществ, генерирующих свои нормы. Существуют гибридные правовые пространства, где более чем одним правовым или квазиправовым режимом занято одно и то же социальное поле¹⁵. Коллизионное право по своей природе фактически акцептирует гибридность, а потому его методология служит оптимальной моделью поиска ответов на новые возникающие коллизии.

В содержании нормативно-регулятивной системы трансграничных отношений, оцениваемой через призму позитивистского подхода к праву, отчетливо выделяются сегодня две составляющие: правовая и неправовая¹⁶. Правовая компонента детерминирована международным частным правом с его методологической основой и нормативным составом. Неправовая компонента является сравнительно более подвижной и существенно обогащается за счет роста количества соответствующих норм и новых форм их объективирования вовне. Как достаточно иронично в этой связи написал профессор права Калифорнийского университета Фридрих К. Юнгер (Friedrich K. Juenger), *lex mercatoria* угрожает самому существованию коллизии законов, поскольку с появлением наднациональных норм коллизионные нормы и принципы выбора права становятся ненужными¹⁷.

Lex mercatoria становится в некотором смысле формой реализации *sui generis* — метода преодоления коллизии права в том случае, когда это коррелирует с широко признанным в коллизионном праве принципом автономии воли сторон. В условиях развития цифрового общества, которому имманентно присущ трансграничный характер, проблема коллизии права и неправа еще в большей степени актуализируется. Парадигмальным явлением современного этапа развития нормативной надстройки является то, что фрагментированное

¹³ *Kronke H.* The UN Sales Convention, The UNIDROIT Contract Principles and the Way beyond // URL: <http://www.uncitral.org/pdf/english/CISG25/Kronke.pdf> (дата обращения: 21.03.2013).

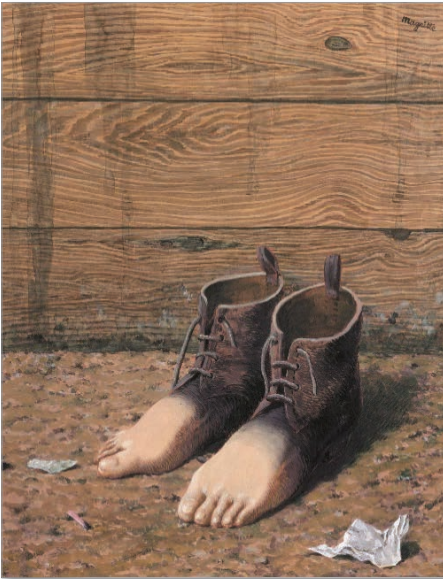
¹⁴ *Larry A. DiMatteo Daniel T. Ostas.* Comparative Efficiency in International Sales Law // *American University International Law Review.* 2011. Vol. 26. Is. 2. Art. 3. P. 421—431.

¹⁵ *Berman P. S.* Global legal pluralism: a jurisprudence of law beyond borders. Cambridge University Press, 2012. P. 15.

¹⁶ См. об этом, например: *Negotiating State and Non-State Law: The Challenge of Global and Local Legal Pluralism (ASIL Studies in International Legal Theory)* / ed. by Michael A. Helfand. Cambridge University Press, 2015.

¹⁷ *Juenger F. K.* American Conflicts Scholarship and the New Law Merchant // *Vanderbilt Journal of Transnational Law.* 1995. Vol. 28. P. 497.

правовое пространство, само по себе существенно отличающееся от государства к государству, коллидирует со стремительно масштабируемым, еще более неоднородным негосударственным массивом норм, исходящим от негосударственных акторов. Такое состояние нормативной надстройки и может быть охарактеризовано как коллизия права и неправы¹⁸.

В творчестве Р. Магритта и этому явлению находится иллюстрация в форме его картины 1935 г. «Красная модель». Национальные юристы со своего становления в профессии приучаются «носить обувь», наделенную жесткой подошвой, созданную соответствующей «фабрикой», что аллегорически можно сравнить с применением национального права (*hard law*), детерминированного государственными механизмами его создания. В сфере же регулирования трансграничных частноправовых отношений не меньшее регуляторное значение имеют «мягкое право», нормы негосударственного регулирования, *lex mercatoria* и различные его производные.

А потому специалисту в области международного частного права сто́ит помнить о том, что его ожидания от применения того или иного «жесткого права» могут быть развеяны, например, в практике международного коммерческого арбитража в связи с толкованием последним концепта «нормы права» (*rules of law*) в значении, отличном от внутригосударственного паттерна правопонимания¹⁹. Привычно одевая ботинки на жесткой подошве, можно оказаться неготовым к тому, что придется ступать босыми ногами по незнакомой почве *lex mercatoria* при разрешении того или иного трансграничного спора.

Картины Магритта — загадки, на которые нет единого правильного ответа, что очень характерно и для международного частного права, которое всегда является своего рода загадкой, обобщенно именуемой «коллизия права», решение которой предопределено массой иных загадок, не имеющих единого ответа. Магритт постоянно обнаруживает в вещах новый потенциал, предмет перетекает в предмет, за метаморфозой следует метаморфоза. То же мы наблюдаем в международном частном праве, потенциал которого неисчерпаем и раскрывается совершенно по-новому в условиях трансформации социума, в том числе в условиях масштабирования киберпространства и развития информационно-коммуникационных технологий.

¹⁸ См. об этом: *Мажорина М. В.* О коллизии права и «неправы», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica*. 2019. № 7 (152). С. 93—107.

¹⁹ См. об этом: *Мажорина М. В.* Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 1. С. 193—218.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Мажорина М. В.* О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica*. — 2019. — № 7 (152). — С. 93—107.
2. *Berger K. P.* *The Creeping Codification of the New Lex mercatoria*. — 2nd ed. — Netherlands : Kluwer Law International, 2010.
3. *Berman P. S.* *The Globalization of Jurisdiction* // *University of Pennsylvania Law Review*. — 2002. — Vol. 151. — No. 2.
4. *Berman P. S.* *Global legal pluralism: a jurisprudence of law beyond borders*. — Cambridge University Press, 2012.
5. *Goldsmith J. L.* *Against Cyberanarchy* // *University of Chicago Law Occasional Paper*. — 2999. — No. 40.
6. *De Carolis D.* *The process of harmonisation of the law of international commercial arbitration: drafting and diffusion of uniform norms : Doctoral Thesis* // URL: <http://eprints-phd.biblio.unitn.it/214/1/dissertation.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).

Экономические санкции в международном частном праве

**Бениамин
Александрович
ШАХНАЗАРОВ,**

профессор кафедры
международного
частного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук,

доцент

bashahnazarov@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Параллельный импорт и реализация принципа исчерпания исключительных прав в контексте договорных отношений хозяйствующих субъектов¹

***Аннотация.** В статье анализируется проблематика влияния договорных отношений на решение вопроса об исчерпании исключительных прав и организацию параллельного импорта в целом. Факт и форма согласия правообладателя на использование объекта интеллектуальной собственности в составе конкретного товара, партии товаров, а также определение факта окончательного использования прав на объекты интеллектуальной собственности при первичной продаже товаров играют особое значение для уяснения природы исчерпания прав и разрешения споров в сфере параллельного импорта.*

Решение рассматриваемых проблем осложняется территориальным принципом охраны прав интеллектуальной собственности. Автор обосновывает, что договорные конструкции и конкретные положения договоров с правообладателями, а также различного рода смежные договорные конструкции, включая сублицензионные договоры, франчайзинговые договоры могут играть роль обеспечивающих параллельный импорт правовых средств. Сформулирован вывод о том, что возможность выражения согласия правообладателя на использование иных объектов интеллектуальной собственности, включая товарный знак, объекты патентных прав, посредством одностороннего волеизъявления (заявления правообладателя) должна быть предусмотрена законодательно в ГК РФ.

В свою очередь, необходимый баланс между нематериальным характером интеллектуальной собственности и материальным характером объекта вещных прав, в котором она выражена, в контексте инициативного предоставления правообладателем права использования на объект интеллектуальной собственности в конкретном товаре, может быть достигнут посредством восприятия на нормативно-правовом и правоприменительном уровне концепции подразумеваемой лицензии как способа предоставления права использования объекта интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: режимы исчерпания прав, параллельный импорт, подразумеваемые лицензии, согласие правообладателя, договорные отношения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.052-065

Benjamin A. SHAKHNAZAROV,

*Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Dr. Sci. (Law), Associate Professor

bashahnazarov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Parallel Import and Implementation of the Principle of Exhaustion of Exclusive Rights in the Context of Contractual Relations of Economic Entities

Abstract. *The article deals with the problem of the influence of contractual relations on the issue of exhaustion of exclusive rights and the organization of parallel imports in general. The fact and form of the consent of the right holder to use the intellectual property object as part of a specific product, batch of goods, as well as determining the fact of the completed use of intellectual property rights during the primary sale of goods are of particular importance for understanding the nature of the exhaustion of rights and resolving disputes in the field of parallel imports. The solution of the problems under consideration is complicated by the territorial principle of protection of intellectual property rights. The author substantiates that contractual structures and specific provisions of contracts with right holders, as well as various related contractual structures, including sublicensing agreements, franchising agreements, can play the role of legal means that ensure parallel imports. The conclusion is drawn that the possibility of expressing the consent of the copyright holder to the use of other objects of intellectual property, including a trademark, objects of patent rights, through a unilateral expression of will (statement of the copyright holder) should be provided for by law in the Civil Code of the Russian Federation.*

The necessary balance between the intangible nature of intellectual property and the material nature of the object of property rights in which it is expressed, in the context of the initiative granting by the right holder of the right to use the object of intellectual property in a particular product, can be achieved through perception at the regulatory and law enforcement level. the concept of an implied license as a way of granting the right to use an object of intellectual property.

Keywords: *exhaustion regimes, non-exhaustion, parallel imports, implied licenses, consent of the right owner, contractual relationship.*

В проблематике исчерпания прав особое значение занимает согласие правообладателя на использование объекта интеллектуальной собственности в составе конкретного товара, партии товаров, а также определение факта окончанного использования прав на объекты интеллектуальной собственности при первичной продаже товаров. Очевидно, что территориальный принцип охраны прав интеллектуальной собственности осложняет решение рассматриваемых проблем в контексте самостоятельного характера использования интеллектуальных прав на один и тот же объект интеллектуальной собственности в разных юрисдикциях.

При этом, как представляется, договорные конструкции и конкретные положения договоров с правообладателями, а также различного рода смежные договорные конструкции, включая лицензионные, сублицензионные договоры, франчайзинговые договоры могут играть роль обеспечивающих параллельный импорт правовых средств. Обозначенное подтверждается возможными способами осуществления исключительного права. Например, согласно ст. 1484 ГК РФ исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности путем размещения товарного знака на товарах, которые ввозятся на территорию РФ.

Так как осуществление исключительного права, равно как и распоряжение исключительными правами являются правомочиями именно правообладателя, а также соответствующие способы использования и распоряжения правами являются возможными траекториями реализации исключительных прав правообладателей, то договорное осуществление, ограничение этих прав представляется допустимым средством обеспечения параллельного импорта и может снять целый ряд вопросов, порождаемых проблематикой исчерпания прав ввиду прямого волеизъявления правообладателя, выражаемого в различного рода договорах.

Так, например, одним из ключевых положений дистрибьюторских договоров, опосредующих экспортно-импортные отношения сторон, является ограничение территории ведения бизнеса дистрибьютора: на поставку товара вне пределов указанной в договоре территории требуется получение предварительного согласия правообладателя, в контексте положений о территориальном ограничении действия дистрибьюторских договоров и интеллектуальных прав правообладателей.

Кроме того, в дистрибьюторских договорах часто содержатся условия, согласно которым дистрибьютор обязан получить предварительное согласие правообладателя на продажу товара определенной категории покупателям (например, государственным органам и организациям с государственным участием) либо установлена квота на количество товаров, которые могут быть проданы одному покупателю².

В случаях, когда дистрибьюторские отношения затрагивают территорию разных стран, элементы лицензионных договоров, соответствующие лицензионные

² Масалина С. Исчерпание прав на товарный знак по Договору о Евразийском экономическом союзе и дистрибьюторские договоры // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33084171&pos=15;-33#pos=15;-33 (дата обращения: 13.02.2023).

условия, содержащиеся в дистрибьютерских договорах, призваны закрепить территорию действия передаваемых прав использования объектов интеллектуальной собственности, в том числе в контексте территориального принципа охраны интеллектуальной собственности (п. 3 ст. 1235 ГК РФ; ст. 4.bis, ст. 6 Парижской конвенции).

В обозначенном контексте режимы исчерпания прав будут устанавливаться согласно применимому праву к самому объекту лицензионного договора, т.е. согласно праву, применимому к объекту интеллектуальной собственности, права на который передаются и самим этим правам. Интеллектуальный статут в данном случае следует отличать от договорного.

Так, согласно п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» при разрешении споров из таких договоров следует иметь в виду, что содержание и ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, срок их действия, допустимые способы распоряжения и необходимость государственной регистрации договоров либо отчуждения, залога, перехода, ограничения или прекращения исключительного права, предоставления права использования в любом случае определяются на основании права соответствующих стран, на территории которых действует правовая охрана такого результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

Когда речь идет о дистрибьюторских отношениях, реализуемых в рамках региональной организации, в которой установлен региональный режим исчерпания прав, необходимо решить вопрос о том, правомерно ли территориальное ограничение в соответствующих договорах в том случае, когда речь идет о поставке товара из одного государства — члена региональной организации в другую.

В контексте ЕАЭС высказывается позиция³ о том, что территориальное ограничение в данном случае правомерно, так как режим исчерпания прав предполагает, что первая продажа дистрибьютором на территории ЕАЭС должна быть осуществлена с согласия правообладателя, а на последующие продажи согласия правообладателя не требуется. Поскольку в рамках ЕАЭС установлен общий рынок, правообладатель имеет право на предоставление третьим лицам предварительного согласия независимо от того, продается ли товар покупателю в той же стране — участнице ЕАЭС, где осуществляет деятельность дистрибьютор, или покупателю из другой страны — участницы ЕАЭС.

Территориальное ограничение распространяется на тот случай, когда первая продажа осуществляется с поставкой на территорию государства — члена ЕАЭС, отличного от того, где ведет деятельность дистрибьютор. Поэтому правообладатель имеет законное право ограничить первую продажу дистрибьютором (хотя поставка и осуществляется на территорию иного государства — члена ЕАЭС).

При этом необходимо понимать, что рассматриваемые отношения по установлению факта согласия правообладателя на первоначальный ввод товара в гражданский оборот имеет фундаментальное значение для целей последующей квалификации отношений по исчерпанию прав.

³ Масалина С. Указ. соч.

Действительно, установление волеизъявления и факта первоначальной продажи товара правообладателем на территории государства, где действует региональный принцип исчерпания прав, в частности государства — члена ЕАЭС, независимо от каких-либо иных обстоятельств, в том числе места деятельности дистрибьютора, может квалифицироваться как основание исчерпания исключительных прав на территории всех государств — участников соответствующей региональной организации. При этом, как представляется, в целях решения вопроса о том, был ли товар введен в оборот на той или иной территории, важно определить, не находится ли товар транзитом на территории той или иной страны. Сбыт считается окончательным, если товар поставляется в государство — конечный пункт поставки товара, оговоренный с правообладателем, или когда такая поставка осуществлена с согласия правообладателя.

При этом такое согласие может быть выражено в любой форме, допустимой с точки зрения права, применимого к отношениям по установлению факта исчерпания прав. Вопрос об исчерпании прав с точки зрения объема прав интеллектуальной собственности у правообладателя в данном случае будет определяться согласно интеллектуальному статусу (в большинстве государств — права страны, где испрашивается охрана, — *lex loci protectionis*). А вот согласие на введение в оборот товара на определенной территории, включая его форму, а также само предоставление прав использования на объект интеллектуальной собственности (в контексте условий лицензионного договора), объем передаваемых прав и способы использования подлежат регулированию согласно договорному статусу.

Здесь важно понимать, что согласие правообладателя на введение в гражданский оборот необходимо установить применительно к каждому отдельному товару (партии товаров). Согласие правообладателя на первоначальный ввод товара в гражданский оборот не презюмируется, его нужно устанавливать в каждом конкретном случае и применительно к каждому товару (к каждой поставке товаров) отдельно.

Еще одним важным блоком отношений, которые могут повлиять на договорные конструкции, затрагивающие экспортно-импортные отношения, являются конкурентные отношения. Так, возникает вопрос о том, возможно ли территориальное ограничение, например в дистрибьюторских договорах, воспринимать как нарушающее конкурентное законодательство в связи с тем, что дистрибьютору ограничивается доступ на тот или иной рынок.

Ввиду смешанной правовой природы дистрибьюторского договора (данный договор является непоименованным договором в целом ряде государств, включая Россию), его элементы, затрагивающие вопросы осуществления прав интеллектуальной собственности (т.е. элементы лицензионного договора) совершенно правомерно могут содержать территориальные ограничения, в том числе в контексте территориального принципа охраны интеллектуальной собственности, а также допустимости ограничивать территориальное действие предоставляемых по лицензионному договору прав использования объектов интеллектуальной собственности, что не противоречит антимонопольному законодательству.

Напротив, в трансграничной торговле местные дистрибьюторы получают эксклюзивные дистрибьюторские права на рынке от иностранных правообладателей

товарных знаков, тем самым увеличивая внутренний маркетинг и другие инвестиции, чтобы повысить эксклюзивное преимущество в продажах на внутреннем рынке. Однако эксклюзивное дистрибьюторство не гарантирует абсолютной эксклюзивности отечественных дистрибьюторов на внутреннем рынке. Помимо негативного фактора поставок контрафактных товаров, маркированных тем же товарным знаком, эксклюзивные дистрибьюторы могут также столкнуться с проблематикой параллельного импорта. В обозначенном контексте ключевое значение будут иметь режим исчерпания прав, установленный в стране сбыта, а также условия дистрибьюторского, лицензионного договора, так или иначе связанные с объемом передаваемых прав и «самоограничением» исключительных прав правообладателя.

Так называемая эксклюзивная дистрибьюторская деятельность с точки зрения проблематики исчерпания прав не является сферой защиты интересов правообладателя. Здесь речь идет лишь о правах и обязанностях двух сторон договора. Дистрибьюторский договор при этом не может обязывать третьи лица, а лишь направлен в этом контексте на распределение правомочий правообладателя (производителя) и дистрибьютора в рамках той или иной юрисдикции. То же самое свойственно и иным договорам, релевантным экспортно-импортным отношениям, связанным с использованием объектов интеллектуальной собственности, и прежде всего лицензионным договорам.

Несмотря на то, что у эксклюзивного дистрибьютора, лицензиата может быть достаточно много правомочий от правообладателя, трудно найти прямое юридическое обоснование утверждения о том, что параллельный импортер нарушает его «эксклюзивное дистрибьюторство»⁴.

С точки зрения обеспечения эксклюзивности дистрибьютора посредством переданных ему правомочий, когда не может быть найдено никаких других оснований ограничения параллельного импорта, эксклюзивный дистрибьютор может попытаться использовать траекторию защиты своих эксклюзивных прав на распространение товаров на конкретном рынке на основе тезиса о недобросовестном акте — нарушении коммерческих интересов в сфере оборота товаров, в которых выражены объекты интеллектуальной собственности. Обоснование, которое при этом обычно приводится, заключается в том, что эксклюзивные дистрибьюторы зачастую вкладывают значительные ресурсы в маркетинг, оказание услуг и освоение рынка в авторизованной сфере, где сформировались сопутствующие коммерческие интересы, репутационная составляющая.

В этом контексте, с точки зрения дистрибьютора, деятельность параллельных импортеров по импорту на эксклюзивную территорию дистрибьютора спорных товаров можно рассматривать как недобросовестные действия или действия, вводящие потребителя в заблуждение, так как с точки зрения эксклюзивных дистрибьюторов параллельные импортеры не могут обеспечить качественное послепродажное обслуживание, а их поведение при продажах может снизить репутацию бренда сопутствующих товаров, тем самым нанося ущерб коммерческим, имущественным интересам эксклюзивного поставщика.

⁴ См.: *Guohong Zhan*. Exclusive distribution v parallel import. 25 November 2020 // URL: <https://law.asia/exclusive-distribution-parallel-import/> (дата обращения: 15.02.2023).

Кроме того, всегда сохраняется риск ввоза контрафактной продукции при массовом параллельном импорте товаров, когда компетентные органы государственной власти ввиду ряда упрощенных требований (включая отсутствующее или упрощенное таможенное декларирование товаров в рамках региональной организации) организационно не в состоянии обеспечить должный уровень контроля за ввозом контрафактной (неоригинальной) продукции, которая не произведена правообладателем или с согласия правообладателя (не было правомерного первоначального ввоза товара в гражданский оборот где-либо) и в которой неправомерно выражен объект интеллектуальной собственности.

В обозначенном контексте (если вести речь о введении потребителей в заблуждение относительно производителя товара, его свойств, характеристик и т.д.), с учетом общественного сознания и современного уровня информированности населения, принято считать, что параллельный импорт не приведет к путанице и неправильному восприятию импортируемой продукции со стороны потребителей, не нанесет ущерба функциям товарного знака, его индивидуализирующим свойствам и гарантии качества товаров и не представляет собой нарушение прав на товарный знак. В Китае, например, параллельный импорт привлекает внимание общественности, потому что Китай продвигает диверсифицированную конкуренцию между участниками рынка и выступает за свободную и удобную торговлю⁵.

Напротив, строгое ограничение параллельного импорта приведет к монополии и отсутствию эффективной конкуренции на рынке, тем самым замаскированным образом ограничивая свободу торговли. Эта точка зрения также признается в судебной практике, но это не означает, что эксклюзивные дистрибьюторы не могут предъявлять иски, вытекающие из исключительных прав на товарные знаки и иные объекты интеллектуальной собственности для защиты своих интересов.

В обозначенном контексте, как представляется, важно за счет системного использования смежных механизмов параллельного импорта, защиты интеллектуальных прав правообладателей, а также пресечения недобросовестной конкуренции обеспечить баланс интересов потребителей, правообладателей, импортеров (дистрибьюторов и параллельных импортеров) и государства. В частности, параллельные импортеры должны быть готовы к предоставлению доказательств о том, что их товары поступают от правообладателей товарных знаков или лицензиатов, в противном случае они будут нести неблагоприятные последствия, связанные с ввозом контрафактной продукции.

Здесь также необходимо учитывать, что основная причина, по которой параллельный импорт не является нарушением исключительных прав, и прежде всего на товарный знак, заключается в том, что он не приводит к путанице и введению в заблуждение потребителей. Если параллельные импортеры осуществляют в дальнейшем переработку товаров, в том числе изменение упаковки, изменение этикеток, стирание идентификационных кодов и т.д., такое поведение может ввести потребителей в заблуждение или нанести ущерб деловой репутации правообладателей товарных знаков, а также представлять собой нарушение прав на товарный знак.

⁵ Guohong Zhan. Op. cit.

Кроме того, речь может идти и о нарушении прав на иные средства индивидуализации, например, в том случае, когда какое-либо обозначение регистрируется и как товарный знак, и как знак обслуживания. Здесь, даже если параллельный импортер не нарушает прав на товарный знак, в случае, когда использование товарного знака достаточно для того, чтобы произвести эффект индивидуализации источника услуги, соответствующее использование обозначения может представлять собой нарушение прав на знак обслуживания (например, знака обслуживания по классу 35 МКТУ, включающему рекламу, услуги маркетинга и продвижения).

При этом стоит учитывать, что соответствующий режим исчерпания прав на товарный знак должен восприниматься как ориентированный на все способы и сферы его использования, классы товаров и услуг применительно к конкретному товару, в отношении которого устанавливается факт исчерпания исключительных прав, включая в широком смысле отношения по рекламе соответствующего товара. Такое уточнение действия принципа исчерпания прав, как представляется, целесообразно закреплять нормативно для ограничения злоупотреблений со стороны правообладателя или в целях введения того или иного режима исчерпания прав правообладателя на конкретный товар в полном объеме.

Еще одной упомянутой выше проблемой является квалификация деятельности параллельных импортеров с точки зрения законодательства о защите конкуренции. В контексте рассматриваемых договорных отношений, как представляется, будет иметь значение квалификация положений дистрибьюторских, лицензионных договоров, договоров франчайзинга и иных релевантных эксклюзивным поставкам и передаче исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности на той или иной территории договоров — как ограничивающих конкуренцию на рынке.

Так, если обратиться к российскому законодательству и правоприменительной практике, то можно обнаружить довольно четкие ограничения. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» признаются ограничивающими конкуренцию и запрещаются соглашения (картели) между хозяйствующими субъектами, которые приводят или могут привести:

- 1) к установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;
- 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;
- 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);
- 4) сокращению или прекращению производства товаров;
- 5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Интерпретируя приведенные законодательные положения, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» указал на то, что в силу данного антимонопольного запрета исключается возможность хозяйствующих субъектов-конкурентов определять уровень предлагаемых на рынке цен в результате достигнутых между ними договоренностей, направленных

на поддержание необоснованно высоких потребительских цен, необоснованное занижение цен в целях устранения иных хозяйствующих субъектов-конкурентов с рынка и (или) создание барьеров в возникновении новых конкурентов, иное подобное извлечение выгоды из картеля.

Что примечательно, Верховный Суд, по сути, акцентировал внимание и на дистрибьюторских отношениях, отметив, что положения п. 1 ч. 1 ст. 11 Закона «О защите конкуренции» в зависимости от субъектного состава участников картеля могут быть применены как к изготовителям, так и к лицам, участвующим в распространении товаров на оптовом и розничном рынках.

Верховный Суд РФ, отмечая, что само по себе согласование ценовых условий приобретения товаров (условий получения скидок с цены) между несколькими хозяйствующими субъектами, не является нарушением рассматриваемых законодательных положений, обращает внимание на то, что антимонопольный орган и иные заинтересованные лица вправе доказывать, что действия хозяйствующих субъектов образуют нарушение ч. 1 либо ч. 2 и 4 ст. 11 Закона «О защите конкуренции», например, если соответствующие договоренности достигнуты между хозяйствующими субъектами в целях исключения возможности получения аналогичных скидок иными потребителями, понуждения поставщика к установлению скидок, которые не предоставляются иным потребителям.

Как представляется, такого рода договоренности могут быть и предметом адресных положений дистрибьюторских договоров в широком смысле, что с точки зрения российского законодательства и правоприменительной деятельности логичным образом оценивается как неправомерные действия.

Дистрибьюторские договоры как средство сдерживания или борьбы с параллельными импортерами, таким образом, могут быть рискованными с точки зрения антимонопольного законодательства.

На примере китайского опыта в науке отмечается, что даже если параллельный импорт не нарушает исключительные права на товарный знак, некоторые действия параллельных импортеров при продаже сопутствующих товаров в Китае все равно могут представлять собой недобросовестную конкуренцию⁶. Например, в споре о товарном знаке Victoria's Secret суд постановил, что, хотя параллельный импортер не нарушал права на товарный знак Victoria's Secret, он утверждал, что является «единственным назначенным дистрибьютором Victoria's Secret (ведущий бренд нижнего белья в Соединенных Штатах)» и заставил общественность ошибочно полагать, что между параллельным импортером и брендом существовали авторизационно-лицензионные отношения, что дало несправедливое конкурентное преимущество и представляло собой акт недобросовестной конкуренции.

Действительно, при осуществлении деятельности параллельного импортера могут возникать ситуации, связанные с осуществлением недобросовестного маркетинга и позиционирования, когда параллельный импортер прямо или косвенно указывает на свою связь с правообладателем (посредством указания на статус официального дистрибьютора, франчайзи, дилерского центра или авторизованного правообладателем сервиса, центра гарантийного и постгарантийного обслуживания). Как представляется, грань между правомерным и неправомерным

⁶ Guohong Zhan. Op. cit.

позиционированием и продвижением продукции и в целом деятельности параллельного импортера в контексте связи с правообладателем / авторизованным дистрибьютором очень тонкая, но в то же время конкретная.

Параллельный импортер, указывая на импорт и распространение оригинальной продукции, хотя и произведенной правообладателем или с его согласия, не должен указывать в какой-либо форме на авторизованный характер такой деятельности. Напротив, целесообразным на нормативно-правовом уровне представляется закрепление требования к параллельному импортеру указывать, что продукция ввезена из конкретного государства по параллельному импорту (не правообладателем или с согласия правообладателя) по альтернативным каналам поставки продукции со ссылкой на нормативно-правовой или правоприменительный акт, допускающий такую поставку.

В случае, если эксклюзивный дистрибьютор или непосредственно правообладатель обнаружит, что параллельный импортер делает ложную рекламу в процессе продаж в авторизованной зоне дистрибьютора, например, ложно заявляя, что он является эксклюзивным агентом, единственным дистрибьютором, фирменным магазином и т.д., дистрибьютор или правообладатель может рассмотреть возможность предъявления требований, вытекающих из факта недобросовестной конкуренции для защиты своих прав и интересов.

В дополнение к вышеупомянутым судебным средствам правовой защиты эксклюзивный дистрибьютор в ряде случаев (в зависимости от юрисдикции) может использовать несудебные средства для достижения защиты своих прав. Так, если эксклюзивный дистрибьютор отвечает требованиям франчайзинговых отношений, он может вести переговоры с правообладателем о заключении договора франчайзинга и при достижении соглашения зарегистрировать переход соответствующих прав, прежде всего на товарный знак, в компетентном органе (обычно — в ведомстве по патентам и товарным знакам) для закрепления своих прав и перехода прав от франчайзера франчайзи в соответствии с требованиями национального законодательства государства действия франшизы, с тем чтобы добиться эксклюзивных правомочий применительно к объектам промышленной собственности на конкретном рынке и разрешать споры через соответствующий компетентный орган.

Кроме того, эксклюзивные дистрибьюторы могут рассмотреть вопрос о том, чтобы напрямую или посредством обращения правообладателей товарных знаков (в зависимости от предоставленных дистрибьютору правомочий) направить правоустанавливающие документы в отношении товарных знаков (как и применительно к иным объектам промышленной собственности) в таможенные органы, чтобы установить защитный барьер на пути альтернативных каналов импорта искомой продукции. С одной стороны, правообладателю товарных знаков удобно понимать количество и предмет параллельного импорта и усиливать глобальное управление, с другой стороны, когда последствия серьезны, эксклюзивному дистрибьютору также выгодно вести деловые переговоры с правообладателем и выработать эффективные траектории защиты своих прав и интересов⁷.

Условия договоров о передаче прав использования объектов интеллектуальной собственности, и прежде всего объектов промышленной собственности,

⁷ Guohong Zhan. Op. cit.

крайне важно согласовывать и с учетом специфики реализации регионального принципа исчерпания прав.

Так, например, с учетом Brexit целесообразно убедиться, что в договорах о передаче прав на товарный знак в ЕС Великобритания упоминается отдельно, особенно в пунктах, в которых определяется территория действия предоставляемого права и юрисдикция, в любых будущих соглашениях, включая дистрибьюторские и лицензионные договоры, которые касаются интеллектуальной собственности⁸.

Если говорить о российском опыте, то стоит отметить: с учетом того обстоятельства, что при реализации отношений параллельного импорта происходит взаимное влияние частноправовых и административных методов правового регулирования, особое значение приобретают возможные способы предоставления правообладателям согласия, пределы необходимости получения такого согласия в контексте того или иного режима исчерпания прав и проблематика взаимодействия в обозначенном контексте с таможенными органами. Здесь отдельное место занимают вопросы предоставления импортером в таможенные органы разрешения правообладателя на ввоз товара, в котором выражены объекты интеллектуальной собственности, а также вопросы приостановления действия таможенных процедур.

В контексте действия положений постановления Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы», а также приказа Министерства промышленности и торговли РФ от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта б статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» в отношении таких товаров, попавших в перечень, в таможенной декларации указывается код единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза (код ТН ВЭД) товара и наименование правообладателя. При этом разрешение на ввоз от правообладателя не требуется.

Если все же ввозится товар, не фигурирующий в обозначенном выше перечне, конкретная форма выражения согласия правообладателя на ввоз товара, в котором выражен соответствующий объект интеллектуальной собственности, не регламентируется законодательно.

На уровне права ЕАЭС этот вопрос также не регламентируется.

В науке со ссылкой на п. 1 ст. 1484 ГК РФ отмечается, что правообладатель товарного знака может распоряжаться исключительным правом на товарный знак любым не противоречащим закону способом, а в случае, если таким

⁸ См.: Trade Marks — Usage, including exhaustion of rights, contractual clauses // URL: <https://maclachlan.ie/brexit-trade-mark-protection/trade-marks-usage-including-exhaustion-of-rights-contractual-clauses/> (дата обращения: 21.02.2023).

распоряжением предоставляется право использования товарного знака, оно осуществляется на основании лицензионного договора и подлежит государственной регистрации⁹.

Это действительно так, однако анализ положений п. 1 ст. 1484 ГК РФ показывает, что они ориентированы на установление исключительного права правообладателя осуществлять любые законные способы использования товарного знака. Что касается распоряжения исключительным правом, то согласно ст. 1490 ГК РФ любые договоры, посредством которых осуществляется распоряжение исключительным правом на товарный знак, должны быть заключены в письменной форме, несоблюдение которой влечет недействительность договора.

Отмечается, что на практике таможенные органы в качестве документов, подтверждающих такое согласие, принимают письма правообладателей в произвольной форме, а также договоры поставки или дистрибьюторские договоры, содержащие положения о подтверждении согласия правообладателя на поставку товаров, маркированных товарными знаками на территорию ЕАЭС, а судебная практика разрешает использование товарного знака в отсутствие лицензионного договора, предусматривая различные формы выражения согласия на использование товарного знака¹⁰.

Так, например, суд по интеллектуальным правам подтвердил и даже конкретизировал тезис о свободной и упрощенной форме дачи такого согласия на использование товарного знака при ввозе маркированных им товаров: «Доводы об отсутствии государственной регистрации лицензионного соглашения о передаче права использования товарного знака в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности не опровергают факта дачи правообладателем товарного знака письменного согласия на совершение действий по ввозу товара, маркированного этим товарным знаком, на территорию Российской Федерации»¹¹.

Однако некоторые суды придерживаются иного подхода, устанавливая, что единственной формой передачи прав на товарный знак является лицензионный договор с обязательной регистрацией переданного права в Роспатенте¹².

С учетом обозначенного, в науке формулируется вывод о том, что иной формы получения согласия правообладателя, чем заключение с последним

⁹ См.: *Ляпцев С. А.* Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. С. 65. URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/lyapcev/dissertaciya_lyapceva_s_a.pdf (дата обращения: 06.02.2023).

¹⁰ См.: *Ляпцев С. А.* Указ. соч. См. также: постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.01.2016 № С01-726/2015 по делу № А43-68/2015 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам. URL: ipc.arbitr.ru (дата обращения: 22.02.2023); постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.12.2015 № 17АП-16588/15 // Информационный портал «Картотека Арбитражных дел». URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 22.02.2023); постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.04.2016 № С01-230/2016 по делу № А50-17408/2015.

¹¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2014 № С01-1223/2014 по делу № А09-1954/2014.

¹² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2017 № 11АП-15275/17 // Информационный портал «Картотека Арбитражных дел».

лицензионного соглашения с регистрацией переданного права в Роспатенте, гражданское законодательство не предусматривает¹³. Как представляется, согласие правообладателя на использование импортерами товарного знака может представлять по логике одностороннее волеизъявление, однако, отвечая на вопрос о том, является ли такое действие способом распоряжения исключительным правом, стоит отметить, что законодатель не дает четкого ответа на этот вопрос.

Так, в ст. 1233 ГК РФ, устанавливающей общие положения о распоряжении исключительным правом, отмечается, что правообладатель может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом, в том числе посредством договоров об отчуждении или лицензионных договоров. Означает ли это, что возможны внедоговорные способы, — вопрос спорный. Эта формулировка точно предполагает возможность распоряжения исключительным правом иными договорными способами, в том числе в контексте положений ГК РФ о свободе договора (ст. 421 ГК РФ).

А что касается одностороннего волеизъявления, то в той же ст. 1233 ГК РФ указано, что правообладатель может сделать публично, т.е. путем сообщения неопределенному кругу лиц, заявление о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему объекты авторских и смежных прав. То есть в случае с такой категорией объектов интеллектуальной собственности законодатель четко установил возможность и траектории одностороннего волеизъявления правообладателя на предоставление права использования (безвозмездно), что порождает у судов соответствующие сомнения о возможности применения такой конструкции при даче согласия на использование товарного знака (поскольку она четко не предусмотрена в законе).

Как представляется, возможность выражения согласия правообладателя на использование и иных объектов интеллектуальной собственности, включая товарный знак, объекты патентных прав, посредством одностороннего волеизъявления (заявления правообладателя) должна быть предусмотрена законодательно в ГК РФ.

Еще одной релевантной концепцией в контексте предоставления прав использования объекта интеллектуальной собственности представляется концепция подразумеваемой лицензии (или доктрина подразумеваемой лицензии), использование которой может быть инструментом решения рассматриваемых проблем¹⁴. Восприятие механизма исчерпания прав как подразумеваемой лицензии смещает акцент с права, утраченного правообладателем, на разрешение, полученное лицом, использующим объект интеллектуальной собственности. Кроме того, доктрина подразумеваемой лицензии предполагает обстоятельства, которые определяют последствия лицензии, и решает вопрос о том, почему должно

¹³ См.: *Ляпцев С. А.* Указ. соч. С. 66.

¹⁴ См.: *Mysoor P.* Exhaustion, Non-exhaustion and Implied Licence. IIC 49, 656—684 (2018). URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40319-018-0721-3> (дата обращения: 22.02.2023).

происходить исчерпание прав. Следует, однако, уточнить, что речь идет не о том, чтобы суд каждый раз подразумевал наличие лицензии.

Здесь не предлагается отказаться от исчерпания прав как статутного принципа и полностью передать решение вопроса судам. Исчерпание применяется автоматически к транзакциям при соблюдении определенных условий и не зависит от решения суда. Вместо этого рекомендуется рассматривать установленный законом принцип исчерпания прав как лицензию, подразумеваемую законом в отношении сделки, поскольку определенные обстоятельства, т.е. определенные действия по предоставлению прав использования объекта интеллектуальной собственности считаются выполненными, и в этом смысле подразумеваемая лицензия используется для переосмысления контекста, в котором имеет место установленное законом исчерпание прав¹⁵.

Действительно, с теоретической точки зрения исчерпание прав имеет техническое значение для целей охраны интеллектуальной собственности, поскольку оно относится только к утрате конкретного права применительно к конкретному товару. Такая утрата происходит по технико-юридическим причинам, а сам правообладатель свое абсолютное исключительное право как таковое не утрачивает.

Как представляется, необходимый баланс между нематериальным характером интеллектуальной собственности и материальным характером объекта вещных прав, в котором она выражена, в контексте инициативного предоставления правообладателем права использования на объект интеллектуальной собственности в конкретном товаре может быть достигнут посредством восприятия на нормативно-правовом и правоприменительном уровне концепции подразумеваемой лицензии как способа предоставления права использования объекта интеллектуальной собственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ляпцев С. А.* Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2019.
2. *Масалина С.* Исчерпание прав на товарный знак по Договору о Евразийском экономическом союзе и дистрибьюторские договоры // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33084171&pos=15;-33#pos=15;-33 (дата обращения: 13.02.2023).
3. *Guohong Zhan.* Exclusive distribution v parallel import. — 25 November 2020 // URL: <https://law.asia/exclusive-distribution-parallel-import/> (дата обращения: 15.02.2023).
4. *Mysoor P.* Exhaustion, Non-exhaustion and Implied Licence // IIC — International Review of Intellectual Property and Competition Law. — 2018. — No. 49. — P. 656—684. — URL: <https://doi.org/10.1007/s40319-018-0721-3>. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40319-018-0721-3> (дата обращения: 22.02.2023).

¹⁵ *Mysoor P.* Op. cit.

**Наталья Николаевна
ВИКТОРОВА,**

доцент кафедры
международного
частного права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

nnviktorova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Иностранные инвестиции в Российской Федерации в период санкций: введенные ограничения и их соотношение с правами иностранных инвесторов¹

Аннотация. В статье исследована проблема соотношения введенных Россией ограничений в отношении иностранных инвесторов как ответа на санкции со стороны иностранных государств и гарантий прав иностранных инвесторов, предусмотренных соглашениями о защите и поощрении капиталовложений. После введения недружественными государствами односторонних ограничительных мер многие иностранные инвесторы прекратили или приостановили свою деятельность в России.

Для защиты национальных интересов России, обеспечения стабильности экономики в нашей стране были введены ограничительные меры в отношении иностранных инвесторов: запрет нерезидентам осуществлять переводы денег из России за границу, особый порядок проведения сделок с иностранными лицами, принадлежащими недружественным государствам. Также был принят закон о внешней администрации.

По мнению иностранных специалистов, такие меры являются нарушением международных инвестиционных договоров, и пострадавшие компании, чьи инвестиции в России могут быть экспроприированы без компенсации, могут получить средства правовой защиты в соответствии с этими договорами.

Показано, что Россия ввела указанные выше ограничения в ответ на санкции недружественных стран против нашей страны и уход иностранных инвесторов для сохранения стабильности в экономической сфере, рабочих мест, т.е. для обеспечения безопасности государства. Отмечается, что введение ограничений на основе доктрины разумного государственного регулирования является правомерным, поскольку государство вынуждено защищать национальную экономику своим разумным вмешательством.

Ключевые слова: односторонние ограничительные меры, защита иностранных инвесторов, запрет на перевод денег за рубеж, недружественные страны, внешняя администрация, стандарт справедливого и равного обращения с инвесторами, режим наибольшего благоприятствования, косвенная национализация, компенсация при национализации, инвестиционный арбитраж, меры разумного государственного регулирования, разумность и пропорциональность, обеспечение безопасности государства.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.066-075

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

Natalia N. VIKTOROVA,

*Associate Professor of the Chair of Private International Law of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor*

nviktorova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Foreign investments in the Russian Federation during the period of sanctions: restrictions imposed and their correlation with the rights of foreign investors

Abstract. *The article analyzes the problem of the correlation between the restrictive measures introduced by Russia against foreign investors, as a response to sanctions from unfriendly foreign states, and the guarantees for foreign investors, provided for by treaties for the promotion and reciprocal protection of investments. After that many foreign investors stopped or suspended their activities in Russia.*

To protect the national interests of Russia and ensure the stability of its economy, restrictive measures have been introduced against foreign investors: a ban to transfer assets from Russia abroad, a special procedure to carry out transactions with foreign persons from unfriendly states. A bill on external administration has been passed.

According to foreign experts, such measures can be understood as violation of international investment treaties, and may affect companies, whose investments in Russia can be expropriated without compensation, the investors may get protection under these treaties.

Russia introduced the above restrictions in response to the sanctions of unfriendly countries against our country and the departure of foreign investors, in order to maintain stability in the economic sphere, in order to ensure the security of the state. The author concludes that such restrictions based on the doctrine of reasonable state regulation are legitimate, since the state is forced to protect the national economy.

Keywords: *protection of foreign investors, sanctions, a ban to transfer money abroad, unfriendly countries, external administration bill, standard of fair and equal treatment of investors, most favored nation treatment, indirect expropriation, compensation for nationalization, investment arbitration, reasonable state regulation measures, reasonableness and proportionality, ensuring the security of the state.*

После 24.02.2022 западные иностранные государства ввели против России односторонние ограничительные меры, в результате которых многие крупнейшие иностранные компании, включая фармацевтические компании, поставщиков продуктов питания, одежды, техники и проч., прекратили или приостановили свою деятельность в России. Некоторые компании заявили, что вернуться в страну после нормализации экономической обстановки².

² Серовикова Е. Путин заступился за иностранные компании, оставшиеся в России. 25.04.2022 // URL: <https://m.ura.news/news/1052548444> (дата обращения: 10.08.2022).

Десятки иностранных компаний объявили о продаже бизнеса в России³. В ряде случаев, покидая российский рынок, они увольняли своих сотрудников⁴. Более того, некоторые иностранные компании не только объявили о прекращении работы в России и заявили об увольнении своих сотрудников, но и отказались исполнять свои обязательства перед клиентами⁵. По мнению российских специалистов, такие действия иностранных инвесторов могут быть квалифицированы как преднамеренное банкротство, уголовная ответственность за которое предусмотрена российским законодательством⁶.

Чтобы обеспечить стабильность экономики после ухода иностранных инвесторов, были введены ограничительные меры. Так, Банк России запретил нерезидентам, которые являются гражданами стран, объявивших санкции против России, переводить деньги из России за рубеж⁷. Указом Президента РФ от 01.03.2022 был установлен особый порядок осуществления некоторых видов сделок с иностранными лицами, связанными с недружественными иностранными государствами⁸. Для лиц из недружественных стран был введен особый порядок проведения сделок с долями российских обществ с ограниченной ответственностью⁹, запрещены

³ См.: *Загайнов М.* Как российские предприятия покупают бизнес уходящих из страны компаний и в чем плюсы параллельного импорта. 20.06.2022 // URL: <https://rg.ru/2022/06/20/stavka-na-sliianie.html> (дата обращения: 15.08.2022) ; *Никитина О.* Renault может продать АвтоВАЗ за рубль ФГУП НАМИ. 27.04.2022 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5328640> (дата обращения: 15.08.2022).

⁴ Jabil закрыла завод по сборке сложной электроники в Твери и уволила сотрудников. 25.05.2022 // URL: <https://newizv.ru/news/business/25-05-2022/jabil-zakryla-zavod-po-sborke-slozhnoy-elektroniki-v-tveri-i-uvolila-sotrudnikov> (дата обращения: 20.08.2022). См. также: *Никитина О.* General Motors окончательно уйдет из России. 19.04.2022 // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5316996?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.08.2022) ; *Бирюков М.* IKEA уволила 10 000 сотрудников в России // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/479721-ikea-uvolila-10-000-sotrudnikov-v-rossii> (дата обращения: 30.10.2022).

⁵ Швейцарский производитель продуктов питания Nestle не будет покидать российский рынок // URL: <https://m.vz.ru/news/2022/3/17/1149102.html> (дата обращения: 25.08.2022).

⁶ Согласно ст. 196 Уголовного кодекса РФ под преднамеренным банкротством понимается «совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным средствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб» (Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954).

⁷ *Чернышова Е.* ЦБ запретил нерезидентам из 43 стран переводы из России за рубеж. 02.03.2022 // URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/03/2022/621f27809a7947600bc62217> (дата обращения: 05.06.2022).

⁸ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1466.

⁹ Указ Президента РФ от 08.09.2022 № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами» // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6316.

сделки с акциями, правами и обязанностями по соглашениям о разделе продукции, договорам о совместной деятельности, договорам, по которым реализуются инвестиционные проекты в России, если ценные бумаги, доли (вклады), права и обязанности принадлежат иностранным лицам, связанным с недружественными странами, или подконтрольным им лицам¹⁰.

24.05.2022 в первом чтении Государственной Думой был принят проект федерального закона «О внешней администрации по управлению организацией»¹¹. Законопроект предусматривает механизм назначения внешней администрации по управлению организациями (филиалами). Цель назначения внешней администрации — защита национальных интересов Российской Федерации, в том числе обеспечение безопасности государства и финансовой стабильности, а также прав и законных интересов организаций, кредиторов, работников и общества.

Вводить внешнюю администрацию предполагается в отношении тех организаций, «органы управления которых предпринимают действия, способные привести к необоснованному прекращению деятельности, ликвидации или банкротству предприятий», что «позволит повысить ответственность собственников за принимаемые решения»¹². Как отмечают иностранные специалисты, рассмотренные выше меры имеют далеко идущие последствия и неизбежно затронут иностранные инвестиции в России¹³.

После принятия в первом чтении проекта федерального закона «О внешней администрации по управлению организацией» на иностранных юридических сайтах стали появляться статьи о том, что Россия готовится принудительно изъять собственность иностранных фирм, собирающихся покинуть Россию¹⁴. А иностранные юридические компании стали рекомендовать своим потенциальным клиентам

¹⁰ Указ Президента РФ от 05.08.2022 № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 32. Ст. 5816.

¹¹ Проект федерального закона № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/104796-8> (дата обращения: 10.06.2022). См. также: пояснительная записка; заключение Комитета Государственной Думы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям от 20.05.2022 по проекту федерального закона № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/104796-8> (дата обращения: 10.06.2022).

¹² Заключение Комитета Государственной Думы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям от 20.05.2022 по проекту федерального закона № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/104796-8> (дата обращения: 29.06.2022).

¹³ *Levashova Yu., Azeredo da Silveira M.* Investment Claims Against Russia in the Economic Sanctions Era. 31.05.2022 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ff71d456-ff25-4c3c-8d8e-00f882951b73> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁴ *O'Donnell J.* Analysis: Russia prepares to seize western firms looking to leave May 26, 2022 // URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/russia-prepares-seize-western-firms-looking-leave-2022-05-26/> (дата обращения: 20.11.2022).

обращаться к двусторонним инвестиционным договорам, предусматривающим средства защиты от «незаконного изъятия иностранных активов Россией»¹⁵.

Например, юристы международной компании Cooley LLP отмечают, что новый закон позволит принудительно изымать местный бизнес западных компаний, которые покинули Россию или приостановили свою деятельность здесь в связи с операцией на Украине. Пострадавшие компании, чьи инвестиции в России могут быть экспроприированы без компенсации, могут получить средства правовой защиты в соответствии с международными инвестиционными договорами¹⁶.

В настоящее время Россия является участницей свыше 60 действующих двусторонних договоров о поощрении и взаимной защите капиталовложений, такие договоры есть практически со всеми недружественными странами¹⁷. Эти договоры предусматривают предоставление справедливого и равноправного режима иностранным инвестициям, защиту от экспроприации (национализации), выплату быстрой, эффективной, адекватной компенсации при национализации, беспрепятственный перевод платежей в связи с инвестициями. У иностранного инвестора есть также возможность предъявить претензии государству, принимающему инвестиции, и обратиться в международный арбитраж, т.е. иностранные инвесторы могут воспользоваться такими соглашениями, чтобы инициировать арбитраж против России, обвинив нашу страну в нарушении своих обязательств защищать иностранные инвестиции.

По мнению иностранных авторов, защита также может быть доступна для компаний, не принадлежащих государствам, участвующим в двустороннем договоре, но входящих в структуру корпоративного холдинга, который находится в государстве, имеющем действующий инвестиционный договор с Россией; несмотря на это, американские компании могут воспользоваться защитой инвестиционных договоров¹⁸, если их инвестиции в Россию структурированы через одну из стран, заключивших двусторонний инвестиционный договор с Россией¹⁹.

¹⁵ *Nascimbene J., Maton J., Suskin M., Thorn R.* Investment Treaties Could Provide Remedy for Russia's Unlawful Seizure of Foreign Assets // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=482d3f94-d4b4-4b47-859d-70526afd702c>. (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁶ *Nascimbene J., Maton J., Suskin M., Thorn R.* Op. cit.

¹⁷ Распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р. в список недружественных России стран включены: Великобритания, страны ЕС, Австралия, Албания, Андорра, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, Корея, Сан-Марино, Северная Македония, Сингапур, США, Тайвань (Китай), Украина, Черногория, Швейцария и Япония. Впоследствии этот список был расширен, в него попали Багамские острова, острова Гернси и Мэн (коронные владения Британской короны), Британские Виргинские острова, Гибралтар, о. Ангилья (подконтрольные заморские территории) (распоряжение Правительства РФ от 23.07.2022 № 2018-р). В октябре 2022 г. этот список пополнился, в него вошли все 14 Британских заморских территорий, включая Бермуды, острова Кайман, Фолклендские острова, острова Святой Елены (распоряжение Правительства РФ от 29.10.2022 № 3216-р).

¹⁸ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о поощрении и взаимной защите капиталовложений (подписан в г. Вашингтоне 17.06.1992) // Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России : сборник нормативных актов и документов. М. : Юрид. лит., 1995. С. 133—152. Договор не вступил в силу.

¹⁹ *Nascimbene J., Maton J., Suskin M., Thorn R.* Op. cit.

Таким образом, иностранные юристы предлагают использовать *treaty shopping* (поиск благоприятного договора) — явление, которое неоднозначно оценивается в доктрине и в практике международного инвестиционного арбитража.

Инвестиционные договоры предусматривают защиту не только от прямой, но и от «косвенной» национализации. Иными словами, если Россия предпримет меры, которые, по мнению иностранных инвесторов, значительно снизят стоимость их инвестиций, они могут попытаться привлечь Россию к ответственности за нарушение запрета на экспроприацию согласно двусторонним соглашениям о защите и поощрении капиталовложений²⁰.

Кроме того, как отмечают иностранные специалисты, Россию можно обвинить в нарушении стандарта справедливого и равного обращения с инвесторами (*fair and equitable treatment*), в соответствии с которым государство, принимающее инвестиции, не должно произвольно или необоснованно обращаться с инвесторами, обманывать их законные ожидания или резко менять свою нормативно-правовую базу. Следовательно, по их мнению, предложенный Россией закон «об изъятии» активов западных инвесторов может представлять собой произвольную ответную меру, нарушающую этот стандарт²¹.

Следует отметить, что законопроект «О внешней администрации по управлению организацией» не содержит никаких признаков изъятия, экспроприации, национализации собственности иностранных инвесторов. Иностранные юристы сами признают, что целью законопроекта не является национализация иностранных активов. Однако, по их мнению, нужно посмотреть, будет ли закон на практике применяться эффективно только в ограниченных случаях и с использованием исключительно принудительного банкротства в качестве крайней меры²².

В иностранной юридической прессе отмечается, что законодательные меры, которые предпринимает Россия в ответ на недружественные шаги ряда государств, могут негативно отразиться на безопасности иностранных инвестиций в России и даже потенциально привести к их экспроприации²³. Инвесторы, по мнению авторов, могут использовать положения двусторонних инвестиционных договоров, которые теоретически должны защищать иностранных инвесторов от экспроприации, позволяя инвесторам подавать иски в арбитраж против принимающего инвестиции государства. Однако у инвесторов, принадлежащих к определенным странам, могут возникнуть сложности при обращении в арбитраж на основании двусторонних инвестиционных соглашений²⁴.

Действительно, существует проблема, касающаяся двусторонних инвестиционных соглашений, которые были заключены во времена Советского Союза. Как правило, большинство двусторонних инвестиционных соглашений с участием

²⁰ *Nascimbene J., Maton J., Suskin M., Thorn R.* Op. cit.

²¹ *Nascimbene J., Maton J., Suskin M., Thorn R.* Op. cit.

²² *Levashova Yu., Azeredo da Silveira M.* Op. cit.

²³ *Tretthahn-Wolski E., Dobrić M.* Russia's Narrow Arbitration Clauses — Can Foreign Investors Bring BIT-Claims For Expropriation Under MFN Clauses? // URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/07/05/russias-narrow-arbitration-clauses-can-foreign-investors-bring-bit-claims-for-expropriation-under-mfn-clauses/> (дата обращения: 20.11.2022).

²⁴ *Tretthahn-Wolski E., Dobrić M.* Op. cit.

России допускают возможность передачи любых инвестиционных споров в арбитраж, даже споров по поводу незаконной экспроприации (национализации). Соглашения, заключенные во времена СССР, как правило, содержат более узкую оговорку, ограничивающую компетенцию арбитража и допускающую передачу в международный арбитраж не всех инвестиционных споров, а только их определенную разновидность — споров о размере и порядке выплаты компенсации при национализации, споров о свободном переводе платежей, связанных с капиталовложением. Что же касается споров о незаконности экспроприации, то они не подлежат передаче в арбитраж. Это, например, договоры между СССР и Австрией, Нидерландами, Финляндией, Швейцарией, Бельгией, Великобританией.

По мнению иностранных специалистов, такие узкие положения о разрешении споров, возможно, имели смысл в прошлом, когда государства напрямую экспроприировали иностранные инвестиции, а споры касались только суммы компенсации. Однако сегодня государства редко экспроприируют инвестиции напрямую, а, скорее, проводят регулятивную косвенную экспроприацию посредством принудительных продаж, чрезмерного налогообложения, лишения прибыли и вмешательства в управление. В связи с этим, как утверждают они, контрмеры, введенные Россией против «недружественных инвесторов», скорее всего, могут проявляться как ползучая, а не прямая форма экспроприации²⁵.

Таким образом, в иностранной литературе режим наибольшего благоприятствования рассматривается как инструмент для обхода узких оговорок о разрешении споров. Однако при этом справедливо отмечается, что практика применения такой оговорки неоднозначна, и вопрос о том, признает ли инвестиционный арбитраж себя компетентным в случае возбуждения спора по поводу экспроприации инвестиций, принадлежащих «недружественным лицам», во многом зависит от формулировки применимого двустороннего инвестиционного договора. Но все-таки не отрицается возможность того, что инвестор, которого затрагивают текущие и ожидаемые российские контрмеры, может успешно подать иск на основании такого инвестиционного договора, даже если он сталкивается с узкой оговоркой об урегулировании споров²⁶.

Эта проблема привлекает внимание многих ученых и практиков. Так, 02.05.2022 отделение Международной торговой палаты в Австрии организовало семинар, на котором обсуждалась, в частности, возможность применения Договора между СССР и Австрией о поощрении и взаимной защите капиталовложений 1990 г. для инициирования арбитража против России в связи с возможной экспроприацией иностранных инвестиций в России в результате мер, предпринятых Россией в ответ на уход иностранных инвесторов с российского рынка, включая законопроект о внешнем управлении, а также в связи с возможной экспроприацией иностранных инвестиций и на территориях ДНР и ЛНР.

Договор России с Австрией ограничивает сферу арбитража между инвестором и государством вопросами, касающимися суммы и порядка выплаты компенсации за национализацию и ограничения на перевод платежей. Это

²⁵ *Tretthahn-Wolski E., Dobrić M. Op. cit.*

²⁶ *Tretthahn-Wolski E., Dobrić M. Op. cit.*

значит, что арбитраж не будет обладать компетенцией рассматривать дела, связанные с выяснением, имела ли место экспроприация. Юрисдикция по этим вопросам остается за государственными судами принимающего инвестиционного государства.

В качестве примера часто приводят дело «Росинвест» против России», в котором, действительно, инвестору удалось, используя режим наибольшего благоприятствования и положения двустороннего инвестиционного договора между СССР и Великобританией и подобного договора между Россией и Данией²⁷, инициировать арбитраж, однако впоследствии шведский государственный суд отменил арбитражное решение по причине отсутствия компетенции арбитража.

Применение стандарта наибольшего благоприятствования для инициирования арбитражного процесса зависит от формулировки договора, но, безусловно, это правило не будет применяться в соответствии с двусторонним инвестиционным договором между Австрией и СССР²⁸.

Как показывает практика, использование режима наибольшего благоприятствования для установления юрисдикции арбитража расценивается неоднозначно. Представляется, что использование такого механизма противоречит воле государства — участника инвестиционного договора и не может применяться для обоснования арбитрами своей компетенции. Арбитры не вправе применять данный механизм, так как это противоречит воле государства — участника международного договора, нарушает суверенные права этого государства. В некоторых соглашениях о защите и поощрении капиталовложений «последнего поколения» вообще содержится запрет на использование режима наибольшего благоприятствования для инициирования разбирательства в арбитраже. России следует использовать эту практику в дальнейшем и включать такие положения при заключении новых инвестиционных договоров.

Иностранные юристы полагают, что предпринятые Россией ограничительные меры в сфере экономики могут привести к значительному количеству претензий к России по соответствующим торговым и инвестиционным договорам. Они отмечают, что возбуждение международного арбитража против суверенного государства является значительным мероприятием, однако «при точной оценке нанесенного ущерба и, при необходимости, помощи внешнего арбитражного спонсора, обеспечивающего финансирование судебных издержек, это может быть лучшим средством для возмещения ущерба»²⁹.

²⁷ Подробнее об этом см.: *Викторова Н. Н.* Применение режима наибольшего благоприятствования при разрешении трансграничных инвестиционных споров // *Lex russica*. 2015. № 7. С. 29—36.

²⁸ *Wöss H., Lavranos N.* ICC Austria: Emerging Expropriations and Investment Protection in Russia // URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/06/28/icc-austria-emerging-expropriations-and-investment-protection-in-russia/> (дата обращения: 20.08.2022).

²⁹ *Ericson J., Fogdestam Agius M.* Protecting Swedish investments in Russia through international arbitration. 24.03.2022 // URL: https://www.lexology.com/commentary/arbitration-adr/c60db7d2-58fe-4f8c-b792-b3daa51ef0b4?utm_source=ILO+Newsletter&utm_medium=email&utm_content=Newsletter+2022-04-21&utm_campaign=Arbitration+%26+ADR+Newsletter.

Россия ввела указанные выше ограничения в ответ на санкции западных стран против нашей страны и уход иностранных инвесторов, для сохранения стабильности в экономической сфере, т.е. для обеспечения безопасности государства. Представители западных стран сами признают, что цель санкций — «ослабить российскую экономику, чтобы она почувствовала последствия»³⁰. Значит, меры, введенные Россией, являются правомерными, поскольку государство обязано защищать национальную экономику своим разумным вмешательством. Такая позиция находит свое подтверждение в западной доктрине, а позже закрепились в международной арбитражной практике³¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Загайнов М.* Как российские предприятия покупают бизнес уходящих из страны компаний и в чем плюсы параллельного импорта. — 20.06.2022 // URL: <https://rg.ru/2022/06/20/stavka-na-sliianie.html>.
2. *Никитина О.* Renault может продать АвтоВАЗ за рубль ФГУП НАМИ. — 27.04.2022 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5328640>.
3. *Серовикова Е.* Путин заступился за иностранные компании, оставшиеся в России. — 25.04.2022 // URL: <https://m.ura.news/news/1052548444>.
4. *Чернышова Е.* ЦБ запретил нерезидентам из 43 стран переводы из России за рубеж. — 02.03.2022 // URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/03/2022/621f27809a7947600bc62217>.
5. *Щамхалова Н.* Европа больше не скрывает, что цель санкций — ослабление экономики России. — 05.03.2022 // URL: <https://www.vesti.ru/article/2685172>.
6. *Ericson J., Fogdestam Agius M.* Protecting Swedish investments in Russia through international arbitration. — 24.03.2022 // URL: https://www.lexology.com/commentary/arbitration-adr/c60db7d2-58fe-4f8c-b792-b3daa51ef0b4?utm_source=ilo+newsletter&utm_medium=email&utm_content=newsletter+2022-04-21&utm_campaign=arbitration+%26+adr+newsletter.
7. *Levashova Yu., Azeredo da Silveira M.* Investment Claims Against Russia in the Economic Sanctions Era. — 31.05.2022 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ff71d456-ff25-4c3c-8d8e-00f882951b73>.
8. *Nascimbene J., Maton J., Suskin M., Thorn R.* Investment Treaties Could Provide Remedy for Russia's Unlawful Seizure of Foreign Assets. — 09.06.2022 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=482d3f94-d4b4-4b47-859d-70526afd702c>.

³⁰ *Щамхалова Н.* Европа больше не скрывает, что цель санкций — ослабление экономики России. 05.03.2022 // URL: <https://www.vesti.ru/article/2685172> (дата обращения: 05.10.2022).

³¹ *Фархутдинов И.* Принудительные формы изъятия иностранных инвестиций: теория и практика. Часть 2 // Вестник ФГУ ГПП при Минюсте России. 2011. № 4. С. 20—21.

9. *O'Donnell J.* Analysis: Russia prepares to seize western firms looking to leave. — 26.05.2022 // URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/russia-prepares-seize-western-firms-looking-leave-2022-05-26/>.
10. *Tretthahn-Wolski E., Dobrić M.* Russia's Narrow Arbitration Clauses — Can Foreign Investors Bring BIT-Claims For Expropriation Under MFN Clauses? // URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/07/05/russias-narrow-arbitration-clauses-can-foreign-investors-bring-bit-claims-for-expropriation-under-mfn-clauses/>.
11. *Wöss H., Lavranos N.* ICC Austria: Emerging Expropriations and Investment Protection in Russia // URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/06/28/icc-austria-emerging-expropriations-and-investment-protection-in-russia/>.

**Олеся Федоровна
ЗАСЕМКОВА,**

доцент кафедры
международного частного
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

ofzasemkova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой¹

Аннотация. В статье рассматривается практика применения ст. 248.1 АПК РФ российскими судами. На основе анализа доктрины и судебной практики выделяются два подхода к толкованию условия об ограничении доступа подсанкционных лиц к правосудию, позволяющего «перевести» спор под юрисдикцию российского арбитражного суда, несмотря на оговорку о передаче спора в иностранный суд или арбитраж: расширительный и ограничительный.

Рассматривая каждый из указанных подходов, автор приходит к выводу о недопустимости расширительного толкования данного условия и недостаточности одного лишь факта введения в отношении лица или сферы, в которой оно действует, санкций для констатации наличия у него препятствий в доступе к правосудию при рассмотрении спора в иностранной юрисдикции. В связи с этим в целях корректировки преобладающего в судебной практике подхода и обеспечения единообразного толкования судами ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ предлагается принять постановление Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающее опровержимую презумпцию того, что введенные иностранным государством в отношении российского лица санкции ограничивают его право на доступ к правосудию и, соответственно, дают основания для перевода спора под юрисдикцию российского суда.

Ключевые слова: санкции, подсанкционные лица, международный коммерческий арбитраж, арбитражная оговорка, исключительная юрисдикция, ограничение доступа к правосудию, перевод спора под юрисдикцию российского суда.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.076-085

Olesya F. ZASEMKOVA,

Associate Professor

of the Chair of Private International Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law)

ofzasemkova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**Application of para. 4 of Article 248.1
of the Arbitrazh Procedural Code of the Russian Federation:
issues raised by the court practice**

Abstract. *The article examines the practice of application of Article 248.1 of the Arbitrazh Procedural Code of the Russian Federation by Russian courts. On the basis of the doctrine and judicial practice analysis, the author highlights two approaches to the interpretation of the condition limiting the sanctioned party's access to justice which allows to transfer a dispute to the jurisdiction of the Russian arbitration court despite the clause referring the dispute to a foreign court or arbitration.*

Considering each of these approaches, the author concludes that this condition should not be interpreted broadly and that the mere fact of the existence of personal or sectoral sanctions is not sufficient to establish that he has obstacles in access to justice. In order to correct the prevailing approach and to ensure a uniform interpretation of para. 4 Art. 248.1 of the Arbitrazh Procedural Code of the Russian Federation, it is proposed to adopt the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. This Resolution must contain the rebuttable presumption that the sanctions imposed by a foreign state in respect of a Russian person limit his right of access to justice and, accordingly, provide grounds for "transfer" the dispute to the jurisdiction of the Russian court.

Keywords: *sanctions, sanctioned parties, international commercial arbitration, arbitration clause, exclusive jurisdiction, limits of access to justice, transfer the dispute to the jurisdiction of the Russian court.*

Введенные в отношении России, ее физических и юридических лиц односторонние ограничительные меры (условно именуемые санкциями), оказали существенное влияние и на сферу разрешения споров. Несмотря на заявления международных арбитражных институтов, расположенных в недружественных странах, о своей неополитизированности, при попытке исполнения подсанкционными лицами ранее заключенных арбитражных оговорок возникают следующие основные проблемы, существенно затрудняющие или делающие фактически невозможным доступ таких лиц к правосудию:

— невозможность оплаты арбитражного сбора, обусловленная отказом иностранных банков от проведения операций для таких лиц, что ведет к невозможности инициирования разбирательства;

— отказ иностранных консультантов от работы с российскими лицами;
— сложность назначения арбитров;
— учет арбитрами «санкционного» законодательства, принятого в их домашней юрисдикции, и др.²

В связи с этим, в целях защиты прав российских лиц, попавших под санкции, в России был принят Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ³ (в научной литературе получивший наименование «Закон Лугового»), которым были внесены дополнения в ст. 248.1 АПК РФ. Указанные дополнения (ч. 4 данной статьи) наделили российские арбитражные суды исключительной юрисдикцией на рассмотрение споров с участием подсанкционных лиц, а также споров, основанием для которых послужили санкции, введенные в отношении российского лица. Необходимыми условиями применения данной нормы являются:

1) отсутствие в производстве иностранного суда или международного коммерческого арбитража спора между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям;

2) признание арбитражной оговорки или соглашения о выборе иностранного суда неисполнимым, в том числе ввиду наличия у подсанкционного лица препятствий в доступе к правосудию.

При этом вопрос о толковании второго условия является дискуссионным как в доктрине⁴, так и в судебной практике, где сложилось два основных подхода к его решению: расширительный и ограничительный.

² Российская арбитражная ассоциация. Исследование Арбитражной ассоциации (РАА) 2022: влияние санкций на коммерческий арбитраж // URL: https://arbitration.ru/upload/medialibrary/37b/ixea55ihan4m5dcj37s00t108tjelrpd/raa-2022-study-on-sanctions_rus.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

³ Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // Российская газета. 11.06.2020. № 126.

⁴ См.: *Гальперин М. Л.* Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным АПК РФ Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 72—81; *Щукин А. И.* Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет // Закон. 2021. № 2. С. 131—149; *Ярков В. В.* Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 30—31; *Он же.* Предмет доказывания по делам о введении судебного запрета по ст. 248.2 АПК РФ // *Modus vivendi: арбитраж и частное право: сборник статей в честь 60-летия О. Ю. Скворцова* / сост. и науч. ред. Г. В. Севастьянов, В. В. Еремин; отв. ред. Т. А. Лунаева. СПб., 2022. С. 253—259; *Вунукайнен В. С.* Исключительная компетенция российских судов по санкционным спорам: падающего толкни? // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 7: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Мулина. 2022. С. 77—115; *Гландин С. В.* Закон о праве подсанкционных лиц переносить

Согласно первому подходу, преобладающему в судебной практике⁵, сам по себе факт введения иностранным государством (либо органом) в отношении российского лица мер ограничительного характера (санкций) является достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию (при разбирательстве в иностранном суде или арбитраже за пределами России), и возможности перевода спора под юрисдикцию российского суда. Как следствие, заявители освобождаются от обязанности доказывания наличия фактических затруднений в реализации своего права на доступ к правосудию (по крайней мере, в юрисдикции, принявшей соответствующие ограничительные меры).

Впервые такой подход был зафиксирован в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу № А60-36897/2020: «Само по себе применение мер ограничительного характера уже создает российской стороне препятствия в доступе к правосудию, ввиду чего для перевода спора под юрисдикцию российского суда достаточно ее одностороннего волеизъявления, выраженного в процессуальной форме...». В обоснование своей позиции Судебная коллегия отметила обоснованность сомнений в соблюдении гарантий справедливого судебного разбирательства (в том числе беспристрастности суда) в суде или арбитраже, находящемся в государстве, принявшем санкции в отношении российского лица⁶.

К аналогичному выводу пришел Девятый апелляционный арбитражный суд, признавший свою юрисдикцию на рассмотрение спора, несмотря на заключенную сторонами оговорку о передаче споров в английские суды⁷. В обоснование суд также указал на наличие санкций, введенных в отношении истца, а также на логичность предположения о том, что его обращение в английские суды затруднит восстановление его нарушенного права.

Как видно из указанных решений, рассматривая вопрос о применении ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, суды не раскрывают влияния санкций на возможность фактической реализации подсанкционным лицом его права на доступ к правосудию в иностранном суде или арбитраже, что ведет к излишне широкому и не всегда обоснованному применению данной нормы.

В отличие от этого, второй подход, пока крайне редко применяемый на практике, предполагает необходимость рассмотрения российскими судами обстоятельств каждого конкретного дела. При этом лицо, в отношении которого приняты

судебные споры в России: причины и предпосылки // Международное правосудие. 2021. № 1 (37). С. 131—152.

⁵ См., например: определение Верховного Суда РФ от 05.06.2023 № 307-ЭС23-4890 по делу № А21-10438/2022 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 02.12.2022 по делу № А40-121362/2022 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.09.2022 по делу № А40-142282/2022 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.08.2022 по делу № А40-107628/2022 ; Решение Арбитражного суда г. Севастополя от 23.03.2022 по делу № А84-5426/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 02.03.2023 по делу № А40-74085/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

меры ограничительного характера, должно доказать, что такие меры действительно ограничивают его доступ к правосудию, т.е. создают препятствия при реализации права на судебную защиту в иностранном суде или арбитраже.

Изначально предполагалось, что именно данный подход является наиболее целесообразным и должен найти свое отражение в судебной практике. Так, по мнению М. Л. Гальперина (последовательно отстаивающего обоснованность введения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ), «при решении вопроса о применении этой нормы необходимо учитывать реальное наличие или отсутствие доступа соответствующего лица к правосудию»⁸.

Несмотря на это, в настоящее время решений, в которых суды придерживались бы такого подхода, крайне мало. Одним из немногих примеров является дело № А19-10204/2022⁹, где Арбитражный суд Иркутской области не ограничился формальным подходом, а рассмотрел вопрос о наличии реальных препятствий для доступа российского лица к правосудию в случае разрешения спора в избранном сторонами Арбитраже Торговой палаты г. Стокгольма (SCC).

Изучив обстоятельства дела, суд пришел к следующим выводам: 1) санкции, на которые ссылается истец, неприменимы к нему; 2) выбранный сторонами арбитраж в своем информационном сообщении гарантировал беспристрастность, независимость и равное отношение к сторонам независимо от принятых в отношении них санкций, а также подтвердил свою готовность администрировать споры с участием подсанкционных лиц. Как следствие, суд признал ст. 248.1 АПК РФ неприменимой и направил стороны в SCC.

К аналогичному выводу пришел Арбитражный суд Самарской области в деле № А55-24707/2022¹⁰, признавший отсутствие своей юрисдикции и оснований для применения ст. 248.1 АПК РФ ввиду того, что ссылка истца на «потенциальную беспристрастность арбитров, вызванную введением в отношении него санкций», — не более, чем его предположение, а факт невозможности оплаты арбитражного сбора не был доказан.

Как представляется, именно данный подход является более обоснованным по следующим причинам.

1. Введенные в отношении лица санкции не всегда создают препятствия для его доступа к правосудию и являются непреодолимыми, в частности:

1) введенные в отношении российских лиц «санкции» блокируют переводы не для всех кредитных организаций, а значит, российская сторона в ряде случаев может воспользоваться услугами иных банков, не попавших под санкции (например, «Раффайзенбанка»);

2) в списке любого арбитражного института присутствуют арбитры из разных (в том числе нейтральных и дружественных России) государств (например, в рекомендованном списке арбитров Сингапурского международного арбитражного центра (SIAC) только КНР представлена 34 арбитрами). Более того, стороны не

⁸ Гальперин М. Л. Указ. соч.

⁹ Определение Арбитражного суда Иркутской области от 17.01.2023 по делу № А19-10204/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Арбитражного суда Самарской области от 22.08.2022 по делу № А55-24707/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

ограничены в своем выборе и могут назначить арбитра не из рекомендованного списка;

3) седьмым пакетом санкций ЕС против России из-под действия санкций выведены сделки, необходимые для обеспечения доступа к судебному и арбитражному разбирательству в странах — членах ЕС, что снимает с арбитров из соответствующих государств санкционные риски и позволяет им принимать назначения;

4) многие арбитражные институты, находящиеся в недружественных России странах, приняли специальные правила рассмотрения споров с подсанкционными лицами (например, SCC, Венский международный арбитражный центр (VIAC), Арбитраж Международной торговой палаты (ICC) и др.). Еще дальше в этом отношении пошел Лондонский международный третейский суд (LCIA), находящийся в недружественной России Великобритании, который в 2022 г. получил общую бессрочную лицензию, позволяющую совершать все необходимые действия для разрешения споров с участием подсанкционных лиц (включая возможность получения от них платежей)¹¹.

Указанные аргументы, однако, срабатывают применительно не ко всем санкциям, некоторые из которых действительно могут стать препятствием для доступа лица к правосудию. Так, в деле № А56-57238/2020 суд, рассматривающий вопрос о возможности признания своей юрисдикции по спору с участием российского подсанкционного лица, справедливо обратил внимание на следующее: введенные в отношении истца санкции США и Украины предусматривают блокировку его активов, что ограничивает его право пользоваться и распоряжаться ими, а также проводить торговые операции; ввиду отказа как российских, так и иностранных банков от осуществления транзакций с денежными средствами в любой валюте истец лишен возможности уплатить регистрационный сбор, без которого начало арбитража в выбранном сторонами SCC невозможно¹².

Таким образом, согласованная сторонами арбитражная оговорка ставит ответчика в преимущественное положение по сравнению с истцом, который в условиях действующего в отношении него санкционного режима лишен возможности защитить свои нарушенные права в указанном арбитражном институте. Как следствие, в данном случае суд справедливо признал свою юрисдикцию по рассмотрению спора.

2. К числу основных причин выбора сторонами трансграничных коммерческих контрактов международного арбитража относится конфиденциальность разбирательства, а впоследствии и вынесенного решения, а также возможность его исполнения на территории практически всего мира, что обеспечивается действием Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

Однако указанные преимущества не применимы в случае перевода спора под юрисдикцию российского арбитражного суда. Наибольшие вопросы при этом возникают применительно к возможности признания и приведения в исполнение

¹¹ The LCIA procures a comprehensive, LCIA specific, general licence regarding the Belarus and Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019 // URL: <https://www.lcia.org/News/lcia-procures-a-comprehensive-lcia-specific-general-licence-re.aspx> (дата обращения: 14.06.2023).

¹² Определение Тринадцатого апелляционного арбитражного суда от 30.12.2021 по делу № А56-57238/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

вынесенного российским судом решения, которое с высокой долей вероятности будет невозможно признать и исполнить за пределами территории России. Соответственно, применение положений ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ эффективно лишь в случае наличия активов должника в РФ.

3. Излишне широкий подход к применению ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ ведет к непоследовательности, поскольку оговорка о разрешении спора превращается в асимметричную, в одностороннем порядке наделяя лицо, в отношении которого введены санкции, правом выбора — обращаться в выбранный в оговорке суд или арбитраж либо в арбитражный суд РФ. При этом в качестве основания для перевода спора под юрисдикцию российского суда выступает не его «предмет или характер спорного имущества, а дискреционное желание подсанкционного лица»¹³.

4. Возможность передачи спора в международный арбитраж является важной гарантией защиты прав иностранных контрагентов, которые при излишне широком применении рассматриваемой нормы оказываются в ситуации неопределенности, что ведет к осложнению договорных отношений и ужесточению условий их взаимодействия с российскими сторонами (например, введению требований о предоставлении дополнительного обеспечения исполнения обязательств). Все это негативно сказывается и на российских контрагентах, приводя в том числе к существенному увеличению их издержек¹⁴.

Исходя из доктрины и судебной практики можно выявить и иные особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ:

1. Указанная норма не применима, если заключенная сторонами арбитражная оговорка предусматривает разрешение спора в постоянно действующем международном арбитражном институте на территории России.

Данный вывод прямо следует из пояснительной записки к тексту проекта федерального закона, которым была введена указанная норма. Согласно данному документу, целью закрепления в российском законодательстве ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ являлось обеспечение права российских подсанкционных лиц на полноценное судебное разбирательство и судебную защиту своих прав, которые могут быть нарушены в случае рассмотрения споров в иностранных судах или международных арбитражах, расположенных за пределами территории России¹⁵. Аналогичная позиция преобладает в отечественной доктрине¹⁶.

¹³ *Карабельников Б. Р.* Российское правосудие защитит обиженных россиян // Закон. 2020. № 7. С. 109—121.

¹⁴ ВС усомнился в беспристрастности международного арбитража по отношению к российской компании под санкциями // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-usomnilsya-v-bespristrastnosti-mezhdunarodnogo-arbitrazha-po-otnosheniyu-k-rossiyskoy-kompanii-pod-sanktsiyami/> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты прав отдельных категорий физических и юридических лиц в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/754380-7> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁶ См., например: *Щукин А. И.* Неисполнимость юрисдикционного соглашения в условиях экономических санкций // Третейский суд. 2022. № 1. С. 18—27.

2. Факт введения санкций в отношении России и российских лиц является общеизвестным и не требует доказывания¹⁷.

Так, в деле № А73-15265/2022 Арбитражный суд Дальневосточного округа, признавший свою юрисдикцию на рассмотрение спора, несмотря на наличие оговорки о передаче спора на разрешение Арбитража Международной торговой палаты (ИСС), указал, что введение санкций в отношении России со стороны недружественных государств (включая ЕС и Францию) является общеизвестным фактом, который не требует доказывания¹⁸.

3. Положения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ применимы и в том случае, когда санкции в отношении стороны спора введены страной, отличной от места проведения арбитража. Так, в деле № А56-57238/2020 Арбитражный суд Северо-Западного округа признал наличие санкций, введенных в отношении истца со стороны США и Украины, достаточным для переноса спора в российский суд в соответствии с ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, несмотря на тот факт, что арбитражная оговорка предусматривала передачу спора в Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (Швеция)¹⁹.

4. Для применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ достаточно наличия секторальных санкций, введенных в отношении сферы деятельности одной из сторон спора. Иными словами, указанная статья применима даже при отсутствии персональных санкций.

Так, в деле № А40-121362/22 АО «Локо-Банк» в нарушение заключенной оговорки в пользу Лондонского международного третейского суда (LCIA) обратилось с иском к Fitch Ratings CIS Ltd. в российский арбитражный суд²⁰. В обоснование истец ссылался на факт введения Европейским союзом и Великобританией санкций, выразившихся в запрете оказания услуг в банковской сфере и сфере обращения с ценными бумагами, а также привлечения иностранных специалистов, в том числе для защиты интересов банка в иностранном суде или арбитраже, расположенном в ЕС или Великобритании. Рассмотрев обстоятельства дела, суд признал свою юрисдикцию на рассмотрение спора по ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, несмотря на отсутствие введенных в отношении АО «Локо-Банк» персональных санкций.

Аналогичный вывод содержится в решении Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-72905/2022, где суд признал наличие секторальных санкций, затрагивающих сферу деятельности заявителя (сферу телекоммуникаций), достаточными для применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ²¹.

¹⁷ Обзор судебной практики, связанной с введением после 22.02.2022 антироссийских санкций и антисанкционных мер РФ // СПС «Гарант».

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 по делу № А73-15265/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2022 по делу № А56-57238/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 27.02.2023 по делу № А40-121362/22 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.06.2022 по делу № А40-72905/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Положения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ применимы в случае введения санкций в отношении контролирующих одну из сторон спора лиц, даже если в отношении самой компании санкции не введены.

Так, в деле № А40-97559/2022 суд признал обоснованным применение ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ и признал свою юрисдикцию на рассмотрение спора, несмотря на наличие оговорки о передаче споров в английские суды, а также тот факт, что санкции, на которые ссылался истец, были введены лишь в отношении его контролирующих лиц, но не самой компании²².

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим целесообразность существования рассматриваемой нормы, позволяющей гарантировать право лиц, попавших под санкции, на доступ к правосудию, что особенно важно в условиях постоянно возрастающего санкционного давления недружественных стран на Россию.

Вместе с тем сложившийся в последние годы в судебной практике подход к толкованию условий применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ является излишне широким и требует корректировки, которая может быть осуществлена путем принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащего разъяснения особенностей применения данной нормы. В таком постановлении может быть, в частности, установлена опровержимая презумпция того, что введенные иностранным государством (или органом) в отношении российского лица меры ограничительного характера (санкции) ограничивают его право на доступ к правосудию в таком государстве и, соответственно, дают основания для «перевода» спора под юрисдикцию российского суда. Особенно важно это в случае, когда: а) санкции в отношении стороны спора введены страной, отличной от места проведения арбитража; б) речь идет о секторальных санкциях.

Такая презумпция даст процессуальным оппонентам российского подсанкционного лица возможность доказать отсутствие каких-либо препятствий в реализации права заявителя (российского лица) на доступ к правосудию, в качестве которых, как правило, рассматриваются невозможность назначения таким лицом арбитра, оплаты регистрационного сбора (или государственной пошлины, если речь идет об иностранном суде) и услуг представителей, а также ограничения на въезд свидетелей и представителей, участие которых необходимо для рассмотрения дела.

В качестве таких «доказательств» могут использоваться, например, ссылки на принятие арбитрами назначения, возможность оплаты регистрационного сбора, согласованный в арбитражной оговорке онлайн-формат проведения разбирательства и т.д.

Принятие такого разъяснения позволит обеспечить единообразное применение ст. 248.1 АПК РФ российскими судами и ограничит применение данной нормы лишь теми случаями, когда это действительно необходимо для защиты прав и интересов российских подсанкционных лиц.

²² Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 16.02.2023 по делу № А40-97559/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вунукайнен В. С.* Исключительная компетенция российских судов по санкционным спорам: падающего толкни? // Новые горизонты международного арбитража. — Вып. 7 : сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Муллина. — 2022. — С. 77—115.
2. *Гальперин М. Л.* Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным АПК РФ Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 1. — С. 72—81.
3. *Гландин С. В.* Закон о праве подсанкционных лиц переносить судебные споры в Россию: причины и предпосылки // Международное правосудие. — 2021. — № 1 (37). — С. 131—152.
4. *Карабельников Б. Р.* Российское правосудие защитит обиженных россиян // Закон. — 2020. — № 7. — С. 109—121.
5. *Щукин А. И.* Неисполнимость юрисдикционного соглашения в условиях экономических санкций // Третейский суд. — 2022. — № 1. — С. 18—27.
6. *Щукин А. И.* Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет // Закон. — 2021. — № 2. — С. 131—149.
7. *Ярков В. В.* Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 8. — С. 30—31.
8. *Ярков В. В.* Предмет доказывания по делам о введении судебного запрета по ст. 248.2 АПК РФ // Modus vivendi: арбитраж и частное право : сборник статей в честь 60-летия О. Ю. Скворцова / сост. и науч. ред.: Г. В. Севастьянов, В. В. Еремин ; отв. ред. Т. А. Лунаева. — СПб., 2022. — С. 253—259.

Споры в международном частном праве

**Людмила
Вячеславовна
ТЕРЕНТЬЕВА,**

профессор кафедры
международного частного
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
terentevamila@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Установление судебной юрисдикции по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации¹

Аннотация. *Возможность наступления вредоносного эффекта от размещения информации в киберпространстве на территории любого государства создает ситуацию злоупотребления истцами юрисдикцией, позволяя осуществлять «клеветнический туризм» (libel tourism), когда истцы обращаются с исками в наиболее благоприятные для себя юрисдикции при отсутствии связи спорного правоотношения с территорией государства суда. В статье предложено использовать комбинацию объективных и субъективных факторов с целью корректного толкования тесной связи при установлении юрисдикции в отношении диффамационных споров.*

Методологическую основу при написании статьи составили общенаучные методы познания. Основное значение при проведении исследования имели специальные юридические методы: формально-юридического анализа, сравнительного правоведения (компаративистский). Компаративистский подход позволил выявить ключевые особенности установления судебной юрисдикции по разрешению трансграничных диффамационных споров на основе гибких критериев в условиях развития киберпространства.

Ключевые слова: юрисдикция; диффамационные споры; трансграничные дела о защите чести, достоинства и деловой репутации; «клеветнический туризм»; тесная связь; киберпространство; причинение вреда; вредоносные последствия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.086-097

Liudmila V. TERENTEVA,

Professor of the Chair of Private International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor

terentevamila@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Jurisdiction in Cross-Border Defamation Disputes

Abstract. *The possibility of a harmful effect from information in cyberspace creates «libel tourism», when plaintiff looks for favorable jurisdiction in the absence of close connection between the alleged defamation and forum. In order to correctly interpret the close connection in asserting jurisdiction over defamation disputes it is proposed to use a combination of objective factors and subjective factors.*

The methodological basis of the article is general scientific methods of cognition. The main importance in the research are special legal methods: the method of formal legal analysis, the comparative that let to identify the key features of judicial jurisdiction to resolve cross-border defamation disputes based on flexible criteria in cyberspace.

Keywords: *jurisdiction; cross-border defamation disputes; “libel tourism”; close connection; cyberspace; causing harm; harmful consequences.*

Оснoвание установления судебной юрисдикции по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (диффамационным спорам)² в российском законодательстве сформулировано в виде исключения из общего правила предъявления иска по месту нахождения или жительства ответчика. В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ арбитражные суды в России рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, если истец по делу о защите деловой репутации находится в Российской Федерации.

Согласно п. 9 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ инициировать разбирательство по диффамационным спорам в отношении иностранного ответчика в судах общей юрисдикции может физическое лицо, имеющее место жительства в Российской Федерации. При этом спор не должен быть связан с предпринимательской и иной экономической деятельностью. В случае обращения иностранных истцов к российским ответчикам по такого рода спорам будет использоваться традиционное для континентальной системы основание международной судебной юрисдикции — место нахождения

² С целью лаконичного определения требований для защиты чести, достоинства и деловой репутации в доктрине предложено определять их в качестве диффамационных исков. См.: Тай Ю. В. Проблема компетенции диффамационных исков против иностранных СМИ // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве : сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского (отв. ред. Е. А. Суханов). М. : Статут, 2021. С. 352—373 ; Шишкоев Р. Определение применимого права по диффамационным искам с участием иностранных лиц // Адвокатская газета. 2021. № 16.

ответчика (пп. 1 п. 1 ст. 247АПК РФ, п. 2 ст. 402 ГПК РФ). Такого рода жесткие критерии не всегда отображают связь спорного правоотношения с государством суда, что актуализирует вопрос, насколько обоснованными являются используемые судами критерии установления юрисдикции, которые были сформулированы еще в 2002 г.

По прошествии более чем 20 лет медиаландшафт подвергся серьезным изменениям. Хотя печатные СМИ и присутствуют на рынке, но максимальное внимание аудитории забирают издания в цифровом формате. В связи с масштабным использованием различных способов распространения информации в сети Интернет (социальные сети, форумы, блоги и т.п.) можно спрогнозировать, что последующие иски будут преимущественно касаться размещения информации диффамационного характера в киберпространстве, доступ к которой возможен с территории любого государства.

Таким образом, в условиях, когда киберпространство становится магистральным каналом распространения и получения информации, возможность наступления вредоносного эффекта от ее размещения на территории любого государства может создавать ситуацию злоупотребления истцами юрисдикцией, позволяя осуществлять так называемый клеветнический туризм (*libel tourism*). Под последним, как правило, понимают поиск суда, предоставляющий широкие средства защиты, включая высокие денежные компенсации потерпевшему лицу³.

Зона клеветнического туризма преимущественно концентрируется в Англии, суды которой являются наиболее предпочтительными для истцов, с учетом их экспансивной юрисдикции, построенной на слабых связях спорного правоотношения с территорией Англии, а также возложения на ответчика бремени доказывания правдивости оспариваемого заявления.

Принимая во внимание неодинаковые стандарты определения границ свободы слова в разных государствах, при выборе суда истцы выбирают те юрисдикции, где размещенная информация квалифицируется в качестве диффамационной. Разницу в подходах к пониманию оскорбительной информации и свободы выражения мнения можно проиллюстрировать решением Европейского суда по правам человека, позицию которого до момента выхода России из Совета Европы и прекращения действия на территории России Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. российские суды были обязаны учитывать.

В указанном решении было отмечено, что «право на свободу выражения мнения... относится не только к той «информации» или тем «идеям», которые получены законным путем или считаются не оскорбительными или незначительными, но и к тем, которые оскорбляют или вызывают возмущение...»⁴.

Российская правоприменительная практика по трансграничным диффамационным спорам немногочисленна, но в то же время в доктрине отмечена тенденция проявления интереса к предъявлению исковых требований иностранным ответчикам на территории Российской Федерации⁵.

³ Bell A. *Libel tourism: International Forum Shopping for Defamation Claims*. 2008. Jerusalem Center for Public Affairs. P. 3.

⁴ Grinberg v. Russia (Гринберг против России) // URL: <https://srji.org/resources/search/45/> (дата обращения: 06.05.2023).

⁵ Шишков Р. Указ. соч.

Хотя сформулированные в п. 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ и п. 9 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ основания юрисдикции — место жительства и местонахождение истца являются похожими, практика установления юрисдикции по диффамационным делам арбитражных судов и судов общей юрисдикции различна.

Арбитражные суды в первую очередь основываются на тесной связи с территорией Российской Федерации, которой в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»⁶ (далее — Постановление № 23), была отведена роль принципа установления юрисдикции по спорам, вытекающим из предпринимательской и иной экономической деятельности.

В указанном постановлении основание, предусмотренное в п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ, а именно — тесная связь спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, получило качественное переосмысление, в результате которого уже сложно говорить о тесной связи как о рядовом критерии, «не являющемся каким-то особенным основанием международной подсудности»⁷. Определение тесной связи в п. 12 Постановления № 23 в качестве принципа установления судебной юрисдикции предопределило необходимость толкования иных оснований установления судебной юрисдикции, предусмотренных ч. 1 ст. 247 АПК РФ, с учетом данного принципа. Такой подход позволил выявить корректирующие функции указанной тесной связи.

Таким образом, арбитражный суд, решая вопрос о своей юрисдикции в отношении дел о защите деловой репутации, должен установить, обнаруживается ли основание в виде местонахождения истца на территории Российской Федерации или местонахождения ответчика (если иск предъявляется к российским ответчикам иностранными истцами) тесная связь с территорией Российской Федерации, а в случае ее отсутствия отказать в принятии иска.

С. Э. Гафаровым была выявлена возможность судебного усмотрения и судов общей юрисдикции при рассмотрении трансграничных частноправовых споров на основе формально-юридического анализа ч. 3 ст. 402 ГПК РФ: («суды в Российской Федерации вправе также рассматривать дела с участием иностранных лиц...»), что позволяет толковать перечень оснований установления судебной юрисдикции как открытый⁸. Тем не менее на практике судебная юрисдикция по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, определяется по местонахождению истца⁹.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

⁷ *Осипов А. О.* Институт международной подсудности в арбитражном процессе. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2014. С. 126.

⁸ *Гафаров С. Э.* Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 112.

⁹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2023 по делу № 8Г-16731/2023[88-22162/2023] ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 по делу № 8Г-627/

Указанный оборот, действительно, не исключает, что при отсутствии формальных условий, перечисленных в ч. 3 ст. 402 ГПК РФ, суды общей юрисдикции могут принять дело к своему рассмотрению, если имеется тесная связь спорного правоотношения с государством суда. Но вряд ли можно предположить отказ суда от своей юрисдикции, обоснованный отсутствием тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации при наличии формальных условий, перечисленных в ч. 3 ст. 402 ГПК РФ. Следовательно, в соответствии с ГПК РФ тесная связь не обладает корректирующей функцией в отношении трансграничных частноправовых споров. В то же время в рамках АПК РФ в соответствии с п. 12 Постановления № 23 такая функция у тесной связи имеется.

Следует отметить, что гибкий критерий тесной связи получил свое распространение даже в тех государствах, основания установления юрисдикции которых традиционно относились к жестким в виде «место жительства ответчика», «гражданство истца» и т.п.

Как известно, каждое государство формулирует свои правила судебной юрисдикции. Традиционно, исходя из типичных черт, присущих указанным правилам, в доктрине были представлены три основные системы судебной юрисдикции: романо-германская система (ФРГ, Россия, Австрия и др.), латинская система (Франция, Бельгия, Италия, Алжир), англо-американская система (Англия, США).

В то же время указанное деление на сегодняшний день представляется весьма условным. Имеющиеся отличия основных систем установления судебной юрисдикции в ряде случаев нивелируются ввиду того, что свойственное странам общего права гибкое правило тесной связи практически становится общим знаменателем установления судебной юрисдикции.

Так, в ст. 2602 Гражданского и торгового кодекса Аргентины 2014 г. (Civil and commercial Code) предусмотрено, что даже если нормы Кодекса не наделяют аргентинских судей международной юрисдикцией, они в исключительных случаях могут вмешиваться с целью избежать отказа в правосудии, за исключением случаев, когда не будет разумным требовать подачи иска за границей и до тех пор, пока частная ситуация имеет достаточный контакт со страной, гарантирующей право на защиту в суде, а также принимая во внимание целесообразность достижения эффективного решения¹⁰.

В соответствии со ст. 11 Закона Бельгии о введении в действие Кодекса международного частного права 2004 г. (Law of 2004 holding the code of Private International law Belgium) бельгийские суды обладают исключительной юрисдикцией в случае, если дело имеет тесную связь с Бельгией и рассмотрение дела за границей представляется невозможным, или когда неразумно требовать рассмотрения дела за границей¹¹.

2020-(8Г-4227/2019)[88-4208/2020-(88-4691/2019)] ; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 08.09.2021 по делу № 33-32467/2021.

¹⁰ Международное частное право : сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. М., 2021. С. 77.

¹¹ Международное частное право. С. 114.

В соответствии со ст. 3135 Гражданского кодекса Квебека 1991 г. (Quebec civil code of Quebec 1991), если какой-либо орган власти Квебека обладает юрисдикцией рассматривать спор, он может в качестве исключения и на основании ходатайства стороны спора отказаться от юрисдикции, если сочтет, что органы власти другого государства лучше подходят для разрешения этого спора. В статье 3136 Гражданского кодекса Квебека предусмотрено обратное правило, а именно: если орган власти Квебека не обладает юрисдикцией рассматривать спор, он может тем не менее рассмотреть его при условии, что спор имеет достаточную связь с Квебеком¹².

В Общем законе о международном частном праве Уругвая 2020 г. (General law on private international law 2020 Uruguay) в ст. 57 (h (3)) также предусмотрено установление юрисдикции суда Республики, если дело имеет соответствующие связи с Республикой¹³.

Немецкие законы не предусматривают специальных правил, которые устанавливали бы юрисдикцию судов в отношении трансграничных споров. В этой связи судебная юрисдикция будет определяться на основе правил о внутренней подсудности Гражданского процессуального кодекса Германии 1879 г. (ред. 2015 г.) (Zivilprozessordnung)¹⁴.

Федеральный верховный суд Германии в 2010 г. сформулировал новый критерий для определения судебной юрисдикции, а именно — наличие объективной внутренней связи со страной суда. Принимая решение о наличии юрисдикции в отношении диффамационного спора, где ответчиком явилось опубликовавшее компрометирующую истца информацию издательство «Нью-Йорк Таймс», Федеральный верховный суд учел, что содержание статьи в «Нью-Йорк Таймс» имело высокую вероятность привлечения немецкой аудитории, житель Германии был назван полным именем, газета «Нью-Йорк таймс» имеет мировую, а значит и немецкую, аудиторию¹⁵.

Следует отметить, что сама по себе категория тесной связи содержит в себе как преимущества, которые выражены в возможности оперативного реагирования правоприменительных органов на изменения, связанные с развитием информационно-коммуникационных процессов, так и недостатки в виде повышения рисков необоснованного установления или отказа установления юрисдикции.

В приведенных выше зарубежных законах, равно как и в АПК РФ, содержание тесной связи не раскрывается, что представляется логичным, учитывая необходимость ее формулирования судом для каждого отдельного случая. С момента появления понятия «тесная связь» в АПК РФ суды использовали такие основания ее применения, как : облегченный порядок исполнения будущего решения, защита слабой стороны, место заключения контрактов, частичное исполнение

¹² Международное частное право. С. 385—386.

¹³ Международное частное право. С. 898—899.

¹⁴ Zivilprozessordnung (ZPO) // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html (дата обращения: 17.10.2020).

¹⁵ Svantesson D. J. Solving the Internet Jurisdiction Puzzle. Oxford University Press, 2017. P. 115—117.

договора на территории РФ, ориентированность арбитражного соглашения на российский арбитраж и т.п.¹⁶

В 2017 г. в результате обобщения и анализа судебной практики в п. 15 Постановления № 23 были перечислены конкретные факторы, определяющие содержание тесной связи, в частности доказательства того, что территория РФ является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией РФ; основные доказательства по делу находятся на территории РФ, и т.п.

Принимая во внимание открытый перечень обстоятельств и различную степень связи предлагаемых обстоятельств с территорией РФ, следует считать, что закрепленные в данном Постановлении доказательства, подтверждающие наличие тесной связи, являются ориентировочными для суда. Предложение перечня ситуаций, отображающих тесную связь спорного правоотношения с территорией РФ, в большей степени является «точечным вариантом» решения вопроса на конкретном временном промежутке. Формулирование тесной связи требует системного подхода в виде многоаспектного дифференцированного анализа, включающего исследование нескольких факторов при формальном, механистическом подходе.

В немногочисленной практике арбитражных судов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации при оценке тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации исследуется совокупность факторов, которые можно классифицировать на объективные и субъективные. В качестве объективных факторов выступают местонахождение истца на территории РФ и причинение вреда для деловой репутации на территории РФ, в качестве субъективных — возможность предвидения ответчиком причинения вреда на территории РФ.

Так, на основании субъективных и объективных факторов оценивалась юрисдикция арбитражного суда Краснодарского края по иску О. В. Дерипаски к иностранным СМИ о признании не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию истца сведений, распространенных ответчиками. К объективным факторам можно отнести установленное судом место причинения вреда для деловой репутации на территории РФ, что подтверждалось фактом постоянного проживания в Российской Федерации и владением преимущественно российскими активами.

К субъективным факторам следует отнести отмеченную судом осведомленность ответчиков о том, что истец является гражданином России и проживает в Российской Федерации, что подтверждается многократным употреблением слов «русский», «Россия» и т.д. в спорных статьях. Таким образом, как отмечено в решении, ответчики предвидели или должны были предвидеть наступление вреда в России¹⁷.

¹⁶ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.10.2011 № ВАС-8661/11 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации»; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 07.08.2013 № Ф09-6855/13 по делу № А60-1408/2013.

¹⁷ Решение от 25.10.2019 по делу № А32-43312/2019 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/it1pOGfJvWNE/> (дата обращения: 25.06.2023).

В похожем деле, где истцом выступала ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»», а ответчиком — американская компания «Блумберг Эл-Пи», суд использовал совокупность оснований установления юрисдикции, предусмотренных в п. 2, 4, 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ¹⁸. При этом основания установления юрисдикции в соответствии с указанными пунктами суд отнес к специальным основаниям, которые сами по себе предусматривают наличие тесной связи с Россией. Суд отметил, что при установлении компетенции российского суда следует принимать во внимание исключительно такие формальные обстоятельства, как нахождение истца на территории РФ и характер предъявленного требования. При этом в решении отмечено, что факт направления своей деятельности ответчиком на территорию России, имеющий значение в США, не имеет значения в Российской Федерации.

Здесь, по всей видимости, суд имел в виду практику американских судов, которые при установлении персональной юрисдикции по делам о диффамации с 1984 г. начали использовать тест Колдера (Calder) (другое название — тест эффекта), введенный Верховным судом США при рассмотрении дела *Calder v. Jones*¹⁹. Этот тест позволял суду устанавливать юрисдикцию в отношении целенаправленной деятельности ответчика на территории другого штата, если последствия (эффект) данной деятельности затрагивают штат суда, инициировавшего судебный процесс. Целенаправленность действий ответчика имеет место, если: 1) действия ответчика имеют намеренный характер; 2) характер деятельности ориентирован на соответствующий штат места нахождения суда; 3) основной вред данной деятельности имел место в соответствующем суде штата.

Что касается решения российского суда в отношении компании Bloomberg, то доводы ответчика относительно низкой доли прямых пользователей интернет-сайтом Bloomberg в России не были приняты во внимание, поскольку ответчик является одним из крупнейших информационных агентств в мире, оспариваемые сведения были мгновенно растиражированы крупнейшими российскими информагентствами и деловыми СМИ («Интерфакс», «РБК», «Ведомости», «Форбс» и др.). Также был учтен факт наличия представительства ответчика на территории Российской Федерации, несмотря на то, что, по уверениям ответчика, его деятельность не ориентирована на территорию России.

Представляются любопытными выводы суда относительно применимого права по месту наступления вреда в соответствии со ст. 1219 ГК РФ. Суд обратился к трудам профессора Н. И. Марышевой, в которых обосновывалось презюмирование предвидения причинителем вреда наступления вреда в другой стране и возложение бремени доказывания обратного на причинителя вреда, исходя из интересов «слабой» стороны, т.е. потерпевшего. Ответчик, как указал суд, размещая публикацию об истце в сети Интернет, предвидел или должен был предвидеть наступление вреда деловой репутации истца именно на территории Российской Федерации.

¹⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2021 № 09АП-65750/21 по делу № А40-42722/2021.

¹⁹ *Calder v. Jones*, 465 U.S. 783, 789 (1984) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/465/783/> (дата обращения: 14.09.2020).

Исходя из обстоятельств дела, по мнению суда, ответчик был осведомлен о том, что истец является российским юридическим лицом и осуществляет основную предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации²⁰. Как представляется, указанная логика о презюмировании осведомленности ответчика относительно места причинения вреда также легла в основу решения судом юрисдикционного вопроса. Таким образом, юрисдикция на основании п. 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ дополнительно обосновывалась судом критерием, положенным в основу применения права в ст. 1219 ГК РФ, касающимся места причинения вреда или места наступления вреда при предвидении причинителя наступления вреда.

В приведенных примерах при анализе тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации в рамках арбитражного судопроизводства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, возникающих в связи с размещением информации в киберпространстве, можно увидеть, что суд в большей степени руководствовался объективными факторами в виде доступности размещенной в сети информации для пользователей, вредоносном характере последствий данного размещения на территории государства истца. Субъективные факторы в виде предвидения разбирательства в Российской Федерации в определенной степени вытекали из объективных факторов (язык и характер публикаций) и представляли собой презумпцию, необходимость опровержения которой возлагалась на ответчика.

Принимая во внимание использование судами критерия места причинения вреда и места наступления вредоносных последствий, традиционно используемого в качестве коллизийной привязки, необходимо уточнение его толкования при применении в качестве юрисдикционного критерия по диффамационным делам.

В доктрине в целях определения места причинения вреда в результате распространения порочащей информации в киберпространстве было предложено считать им ту страну, на территории которой располагается наибольшее количество лиц, просмотревших спорную информацию, т.е. сформировалась ее наибольшая аудитория²¹.

Как представляется, количественный подход распространения и восприятия спорных сведений имеет определенные погрешности. Так, суд в вышеупомянутом деле «Нефтяная компания «Роснефть»» против «Блумберг Эл Пи» справедливо не принял во внимание аргумент ответчика о низком количественном показателе прямых пользователей интернет-сайтом Bloomberg в России.

Посещаемость соответствующих сайтов, безусловно, должна приниматься во внимание, но она не может быть определяющим фактором, учитывая, что судом должны быть оценены не только количественный показатель потребителей соответствующей информации, но и последствия восприятия данной информации для истца, которые могут быть максимально тяжелыми в стране с относительно низким количественным аудиторным охватом.

Судья должен установить, действительно ли диффамация совершена в пределах государства суда, вызывает ли соответствующая информация общественный резонанс, повлияли ли материалы в сети Интернет на репутацию в соответствующем государстве. Необходимо также оценить, имели ли место так называемые репост,

²⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2021 № 09АП-65750/21 по делу № А40-42722/2021.

²¹ *Шишков Р.* Указ. соч.

реблоггинг (механизм ведения блога, который позволяет размещать контент поста другого пользователя) и подобные последствия, имеющие негативный эффект для истца. Основной вопрос, который должен быть поставлен судом: в каком государстве имели место максимальные репутационные потери истца.

Такой подход в целом отвечает и практике Суда Европейского союза, в рамках которой юрисдикционное основание по делам о диффамации, закрепленное в ст. 7 (2) Регламента 2012 г. (Брюссель I), а именно место, где произошло (либо могло произойти событие), ставшее причиной возникновения вреда, получило толкование в виде «центра интересов потерпевшей стороны», т.е. это место, где, причинен наиболее существенный ущерб в результате опубликования материалов в сети Интернет²².

Субъективные факторы в виде целенаправленного ориентирования ответчика на государство суда, а также предвидение ответчиком юрисдикции суда истца должны носить субсидиарный характер по отношению к объективным факторам, поскольку существует определенный риск создания безопасной гавани для ответчика при доказывании последним отсутствия предвидения наступления вреда в соответствующем государстве.

В доктрине постановка вопроса о юрисдикции американского суда в зависимости от направления деятельности ответчика, распространяющего информацию диффамационного характера в сети Интернет, на штат места жительства истца, была подвергнута обоснованной критике. Так, американский исследователь С. Лудингтон отметил, что для истца создается некомфортная ситуация, когда он должен доказывать, что ответчик создал веб-сайт намеренно и в отношении именно тех пользователей, которые находятся в государстве суда²³. При этом речь идет не об игнорировании субъективных факторов, а именно об их вторичном применении.

Не оспаривая значимость соблюдения принципа предсказуемости проведения судебного разбирательства, следует все же отметить, что информационные атаки в киберпространстве осуществляются на достаточно профессиональном уровне и размещение информации, затрагивающей честь, достоинство и деловую репутацию, как правило, носит намеренный, умышленный характер. Целенаправленное ориентирование включает в себя необходимость доказывания, что ответчик осознает, что вред от размещенной информации наступит именно в государстве истца.

Соответственно, возможность ответчика доказывать свою неосведомленность о государственной принадлежности истца тому или иному государству и, как следствие, отсутствие возможности предвидения, что вред от размещенной информации наступит именно в государстве истца, ставит его в преимущественное положение по отношению к истцу и фактически нивелирует возможность установления юрисдикции исходя из учета субъективных факторов.

Предусмотренные в ст. 247 АПК РФ (п. 6 ч. 1) и ст. 402 ГПК РФ (п. 9 ч. 3) основания подсудности стали объектом критики в доктрине также и по иным основаниям. Так, Ю. В. Таем было предложено по спорам о диффамации в сети Интернет

²² Bolagsupplysningen OÜ, Ingrid IIsjan (C-194/16).

²³ *Ludington S. H. Aiming at the Wrong Target: The «Audience Targeting» Test for Personal Jurisdiction in Internet Defamation Cases // Ohio State Law Journal. 2012. Vol. 73. P. 542—543, 553.*

применять общие правила юрисдикции по месту нахождения ответчика, поскольку те правила, которые сформулированы в указанных статьях, не соответствуют критериям отправления правосудия, изложенным в позиции Конституционного Суда РФ о том, что защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется²⁴. Поэтому, продолжает автор, положения ст. 247 АПК РФ (п. 6 ч. 1), ст. 402 ГПК РФ (п. 9 ч. 3) не соответствуют принципам эффективного судопроизводства и приводят к генерированию российской правовой системой заведомо неисполнимых судебных решений²⁵.

Такая точка зрения представляется не вполне обоснованной, поскольку при приведении в исполнение любого иностранного судебного решения (не только по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации) может возникнуть ситуация, что решение не будет признано в силу отсутствия международного договора, взаимности или иных правовых основ для признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. Между тем такая ситуация не должна служить обоснованием необходимости рассмотрения всех споров без исключения в государстве ответчика.

В целях обоснования позиции Ю. В. Тай приводит вышеупомянутое решение Арбитражного суда Краснодарского края, который удовлетворил требования истца — О. В. Дерипаски в отношении иностранных компаний и признал информацию, размещенную на интернет-ресурсах данных компаний, порочащей деловую репутацию²⁶. Данное решение в добровольном порядке ответчиком не исполнено, оспоренные публикации не удалены, но вряд ли возможно согласиться с причинно-следственной связью, а именно с тем, что конструкция оснований установления судебной юрисдикции, предусмотренная в ст. 247 АПК РФ (п. 6 ч. 1), ст. 402 ГПК РФ (п. 9 ч. 3), приводит к генерированию российской правовой системой заведомо неисполнимых судебных решений.

В праве большинства государств обоснованность юрисдикции иностранного суда является одним из основных критериев возможности исполнения его решения, в связи с чем судом должны оцениваться и учитываться притязания иностранных правоприменительных органов в случае проявления тесной связи спорного правоотношения с территорией иностранного государства. Такой подход, безусловно, снижает проблему юрисдикционного конфликта и риск отказа в приведении в исполнение российского суда за рубежом. Но следует отметить, что речь идет именно о снижении указанного риска, а не о полном его исчезновении.

Даже самое скрупулезное внимание российского суда к возможным притязаниям на рассмотрение дела иностранных судов при решении юрисдикционного вопроса не исключает, что указанный анализ содержания тесной связи будет по-иному оценен иностранным судьей, и неизвестно, какие из факторов, наполняющие содержание тесной связи, будут учтены в качестве критических при установлении юрисдикции.

Кроме того, в отношении диффамационных споров в связи с использованием сети Интернет нельзя сказать, что ответчик в случае невозможности исполнения решения за рубежом полностью лишается средств защиты. Как правило, если ответчик

²⁴ Тай Ю. В. Указ. соч.

²⁵ Тай Ю. В. Указ. соч.

²⁶ Тай Ю. В. Указ. соч.

по спорам, связанным с диффамацией, находится в иностранном государстве и отсутствует договор о признании и исполнении решения, истец вряд ли может рассчитывать на приведение в исполнение решения за рубежом в части выплаты компенсации ущерба, удаления этой информации или опубликования опровержения. Но одним из средств защиты истца является блокировка доступа к данной информации.

Таким образом, при формулировании национальных критериев судебной юрисдикции, безусловно, следует ориентироваться на перспективы исполнимости решений, но факт неисполнимости соответствующих решений не следует списывать исключительно на неудачность формулировки юрисдикционного основания. Процесс исполнения иностранного судебного решения является более сложным, зависит от многих факторов, в числе которых может быть и обоснованность юрисдикции иностранного суда. Во избежание так называемого эффекта клеветнического туризма при наступлении вреда на территории нескольких стран суд должен исходить из критерия центра интересов потерпевшей стороны, а именно установить место причинения наиболее существенного ущерба в результате опубликования материалов в сети Интернет.

При оценке вредоносного характера последствий размещения информации в киберпространстве следует избегать количественных показателей в виде аудиторного охвата, числа пользователей и т.п. и руководствоваться прежде всего вопросами репутационных потерь истца: в каком государстве истцу нанесен наиболее значимый репутационный ущерб и вызывает ли соответствующая информация общественный резонанс в государстве суда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гафаров С. Э. Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2012. — 230 с.
2. Осипов А. О. Институт международной подсудности в арбитражном процессе. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2014. — 174 с.
3. Тай Ю. В. Проблема компетенции диффамационных исков против иностранных СМИ // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве : сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2021. — С. 352—373.
4. Шишков Р. Определение применимого права по диффамационным искам с участием иностранных лиц // Адвокатская газета. — 2021. — № 16.
5. Bell A. Libel tourism: International Forum Shopping for Defamation Claims. — Jerusalem Center for Public Affairs, 2008. — 32 p.
6. Ludington S. H. Aiming at the Wrong Target: The «Audience Targeting» Test for Personal Jurisdiction in Internet Defamation Cases // Ohio State Law Journal. — 2012. — Vol. 73. — P. 540—574.
7. Svantesson D. J. Solving the Internet Jurisdiction Puzzle. — Oxford University Press, 2017. — 282 p.

**Яна Олеговна
АЛИМОВА,**

доцент кафедры
международного частного
права,
заведующий кафедрой
правового моделирования
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
legal-solicitor@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Спор из трансграничного контракта с китайским контрагентом: особенности признания и исполнения решений¹

Аннотация. В статье проанализированы риски, которые могут возникнуть для российских компаний в случае обращения в государственные суды России или Китая либо избрания арбитражного способа разрешения спора с китайскими партнерами. Определены особенности признания и исполнения решения в КНР и России.

В настоящей работе было выявлено, что при заключении трансграничного контракта с китайскими контрагентами необходимо придерживаться ряда правил: необходимо прописать арбитражную оговорку с закреплением одного из известных китайских институциональных арбитражных центров; в случае если контрагенты не хотят рассматривать спор в арбитраже, можно закреплять пророгационную оговорку о разрешении спора в китайском государственном суде, поскольку российские суды охотнее признают решения судов КНР.

Ключевые слова: трансграничный контракт с китайским контрагентом, пророгационная оговорка, арбитражная оговорка, признание и исполнение решений.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.098-107

Yana O. ALIMOVA,

Associate Professor of the Chair of Private International Law,
Chief of Legal Moot Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
legal-solicitor@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Disputes from a Cross-Border Contract with a Chinese Contractor: Features of Recognition and Implementation of Decisions

Abstract. This article analyzes the risks that may arise for Russian companies in the event of applying to the state courts of the Russian Federation or China, or choosing an arbitration method for resolving a dispute with Chinese partners. The features of the recognition and enforcement of the decision in the PRC and the Russian Federation are determined.

In this work, it was found that when concluding a cross-border contract with Chinese counterparties, it is necessary to adhere to the following rules: in order to avoid difficulties an arbitration clause should be written with the consolidation of one of the well-known Chinese institutional arbitration centers; if the counterparties do not want to consider the dispute in arbitration, it can be advised to fix the prorogation clause on the resolution of the dispute in the Chinese state court, since the Russian courts are more willing to recognize the decisions of the courts of the PRC.

Keywords: *cross-border contract with a Chinese counterparty, prorogation clause, arbitration clause, recognition and enforcement of awards.*

Китай давно является основным внешнеэкономическим партнером России. Наша страна поставляет в КНР топливно-энергетические товары, в основном нефть, а также газ, а Россия закупает у Поднебесной высокотехнологичное оборудование и транспорт.

После введения в 2022 г. беспрецедентного количества санкций против Российской Федерации большинство российских контрагентов начали перестраивать свои цепочки поставок, пытаясь обойти санкционные режимы. На первое место стали выходить именно китайские партнеры, начавшие активно предлагать свои услуги и товары. Однако в последнее время российские компании сталкиваются с недобросовестностью китайских партнеров. Например, из Поднебесной стало завозиться большое количество некачественного товара. Кроме того, поставка может сопровождаться существенными задержками по времени, а также внезапным повышением цен на товары или услуги либо дополнительными издержками для российской стороны.

Перед началом переговоров с будущим контрагентом из КНР следует найти ответы на два важных вопроса:

1. Где лучше рассматривать спор — в государственном суде Китая или в государственном суде России?

Как показывает практика, российские предприниматели по договорам поставки охотно закрепляют при сотрудничестве с китайским контрагентом пророгационную оговорку о разрешении спора в государственном суде Российской Федерации. Данная возможность находит отражение в ст. 249 Арбитражного процессуального кодекса РФ «Соглашение об определении компетенции арбитражных судов в Российской Федерации»². На первый взгляд такая ситуация очень выгодна контрагентам из нашей страны. Однако в случае вынесения решения в пользу

² Статья 249 АПК РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) гласит, что в случае, если стороны, хотя бы одна из которых является иностранным лицом, заключили соглашение, в котором определили, что арбитражный суд в Российской Федерации обладает компетенцией по рассмотрению возникшего или могущего возникнуть спора, связанного с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, арбитражный суд в Российской Федерации будет обладать исключительной компетенцией по рассмотрению данного спора при условии, что такое соглашение не изменяет исключительную компетенцию иностранного суда (СПС «Гарант»).

российского контрагента обязательно встанет вопрос о том, как признать и исполнить это решение в Китае.

На сегодняшний день Китай и 39 государств заключили двусторонние договоры о судебной помощи; из них 35 договоров включают положения об исполнении судебных решений. Такие двусторонние соглашения заключили Франция, Италия, Испания, Бельгия, Бразилия и другие страны. В число этих 35 государств входит и Российская Федерация³.

Договор между КНР и Россией о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (далее — Договор), включающий положения о признании и приведении в исполнение судебных решений, вступил в силу 14.11.1993⁴. Несмотря на наличие такого договора между нашими странами, ситуация неоднозначна. В отношении признания и исполнения решений китайских государственных судов в России трудностей нет, а вот с признанием и исполнением российских решений в Китае проблем много.

В Российской Федерации охотно признают решения государственных судов Китая. Так, согласно материалам № А60-11498/2022, истец обратился в Арбитражный суд (далее АС) Свердловской области с заявлением о принудительном исполнении решения Народного суда по району Сунлин округа Да-Хинган-Лин провинции Хэйлунцзян КНР от 03.07.2019. Определением Арбитражного суда Свердловской области от 04.05.2022 заявление истца было удовлетворено, однако ответчик-заявитель обратился в Арбитражный суд Уральского округа с кассационной жалобой, в которой просил данный судебный акт отменить.

Арбитражный суд Уральского округа отклонил все доводы ответчика-заявителя, а именно: что срок для предъявления решения к исполнению пропущен; что решение должно было исполняться на территории Китая, так как заинтересованное лицо, являясь гражданином КНР, приезжало на территорию РФ только на несколько месяцев по рабочим визам, при этом ни временное пребывание, ни вид на жительство на территории России им не оформлялись.

По поводу срока было указано следующее. Согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенной в постановлении от 09.03.2011 № 13211/09, в силу совокупного действия ст. 246 и п. 1 ч. 1 ст. 321 АПК РФ, признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения на территории РФ осуществляется в течение шести лет: три года предоставлено для его добровольного исполнения либо предъявления в суд для признания и принудительного исполнения, три года — в рамках исполнительного производства при предъявлении исполнительного листа к исполнению⁵.

³ *Meng Yu*. List of China's Bilateral Treaties on Judicial Assistance in Civil and Commercial Matters (Enforcement of Foreign Judgments Included) // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/list-of-chinas-bilateral-treaties-on-judicial-assistance-in-civil-and-commercial-matters> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ См.: Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в Пекине 09.06.1992) // СПС «Гарант».

⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа (ФАС УО) от 03.08.2022 по делу № А60-11498/2022 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/0FSkA2rLB3mE/> (дата обращения: 19.06.2023).

Арбитражный суд Уральского округа постановлением № Ф09-4371/22 от 03.08.2022 отказал в удовлетворении кассационной жалобы и оставил определение Арбитражного суда Свердловской области с заявлением о принудительном исполнении решения Народного суда по району Сунлин округа Да-Хинган-Лин провинции Хэйлунцзян КНР от 03.07.2019 в силе.

Данная практика свидетельствует о том, что решения китайских судов признаются и исполняются на территории Российской Федерации.

Как же обстоит дело в Китае? Авторы отмечают тот факт, что суды КНР, несмотря на наличие договора между нашими странами, достаточно часто отказываются признавать российские решения по формальным основаниям (чаще всего — из-за несоблюдения должного порядка уведомления китайской стороны)⁶.

На сегодняшний день имеется только одно дело, касающееся признания и приведения в исполнение судебного решения между Китаем и Россией. Так, 18.12.2018 Народный суд промежуточной инстанции города Чифэн префектуры Внутренней Монголии КНР вынес постановление по гражданскому делу, признающее и приводящее в исполнение решение (№ А51-17242/2016) Арбитражного суда Приморского края РФ. Факты спора были следующими. Российский суд 25.03.2017 вынес решение (№ 51-17247/2016), обязывающее китайскую компанию выплатить российской компании 20 203 930,36 руб. Суд г. Чифэн 24.01.2018 принял заявление российской компании о признании российского судебного решения в отношении китайской компании. Китайская компания утверждала, что не получила документов от российского суда. Однако китайский суд установил: китайская компания сама подтвердила тот факт, что адрес, по которому был направлен запрос в российский суд, являлся действительным, поскольку она получила письмо адвоката, отправленное российским судом по этому адресу.

Таким образом, суд г. Чифэн опроверг факт того, что китайская компания не получила документов от российского суда. Вышеуказанный суд постановил, что признание и приведение в исполнение российского решения не нарушает суверенитет, безопасность или общественный порядок КНР и соответствует условиям признания и приведения в исполнение решений иностранных судов, предусмотренным китайским законодательством. Суд г. Чифэн постановил признать и привести в исполнение решение российского суда и обязал ответчика (китайскую компанию) уплатить пошлину за подачу заявления в размере 25 411 юаней⁷.

Таким образом, чтобы избежать сложностей с признанием и исполнением решений российских государственных судов в Китае, можно закрепить пророгационную оговорку о разрешении спора в китайском государственном суде по тем спорам, по которым это возможно⁸.

⁶ Воробьев Ю., Даутов К. Споры с китайскими контрагентами: как правильно выбрать суд? // Международные банковские операции. 2017. № 3 (65). С. 71.

⁷ Guodong Du, Meng Yu. Chinese Court Recognizes and Enforces a Russian Court Judgment in 2018 // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/chinese-court-recognizes-and-enforces-a-russian-court-judgment-in-december-2018> (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ Договорная подсудность закрепляется в ст. 34 Гражданского процессуального кодекса КНР, в которой определяются правила заключения пророгационного соглашения, а также устанавливается, что не должны нарушаться нормы о подведомственности и исключи-

С одной стороны, это потребует дополнительных затрат при обращении к китайским юристам или к российским специалистам, которые имеют опыт представления интересов сторон в государственном суде КНР, однако эти затраты не будут сопоставимы с расходами, которые компания может понести, обратившись в международный коммерческий арбитраж. С другой стороны, это упростит вопрос с признанием или исполнением решения, поскольку российские суды охотнее признают решения судов КНР на основании Договора между нашими странами о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1993 г.

2. Закреплять ли в контракте арбитражную оговорку; если да, то какой арбитражный центр предусмотреть?

Рассмотрение дел в международных коммерческих арбитражных центрах основывается на соглашении сторон и осуществляется в соответствии с автономией их воли. Следовательно, чтобы обратиться в тот или иной арбитражный центр, необходимо закрепить арбитражную оговорку, или впоследствии заключить с контрагентом арбитражное соглашение, или подписать третейскую запись. Как правило, самый верный способ — заранее, еще до возникновения спора, составить действительную арбитражную оговорку.

Основным плюсом рассмотрения спора с помощью механизма третейского разбирательства является высокая вероятность признания и исполнения решения третейского суда государственным судом другой страны (в нашем случае — судом Китая).

Единственным минусом рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже, на наш взгляд, является дороговизна. Однако именно высокая вероятность признания и исполнения решения арбитража легко покрывает этот минус по большинству споров.

Признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено специальной Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция) 1958 г., в которой участвуют на сегодняшний день 172 государства⁹. КНР является участником конвенции с 22.04.1987.

Между тем и в сфере международного коммерческого арбитража есть ряд особенностей при закреплении арбитражной оговорки с китайским контрагентом. В частности, при выборе вида международного коммерческого арбитража (институционный арбитраж или арбитраж ad hoc) предпочтение следует отдать первому, поскольку, согласно китайскому законодательству, решения арбитража ad hoc не будут признаваться и исполняться в КНР¹⁰.

тельной подсудности (URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-procedure-law-of-china-20170627> (дата обращения: 20.06.2023)).

⁹ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) // URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards/status2 (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁰ См.: *Вараксин М.* Восток — дело тонкое: где судиться с китайской компанией // URL: <https://pravo.ru/story/243846/> (дата обращения: 17.06.2023).

Кроме того, возникает вопрос о том, какой конкретно международный коммерческий арбитраж (российский или китайский) зафиксировать в арбитражной оговорке.

По мнению большинства специалистов, самыми распространенными центрами при заключении арбитражных оговорок выступают следующие китайские арбитражные учреждения. Прежде всего, Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (далее — СИЕТАС), которая находится в Пекине и имеет центры в Гонконге и Тяньцзине¹¹. Основные преимущества рассмотрения споров в СИЕТАС — относительно низкие арбитражные сборы по сравнению со сборами в других крупнейших арбитражных учреждениях мира; независимость от административных органов; удачное сочетание процедуры арбитража и медиации. Кроме того, СИЕТАС насчитывает около 100 высокопрофессиональных арбитров, большинство из которых имеют степени магистра и доктора права, владеют английским, французским или русским языком.

При всем этом наибольшей популярностью пользуется другой центр — Гонконгский международный арбитражный центр (далее — НКИАС). В частности, в 2022 г. в НКИАС было подано в общей сложности 515 дел. Из них 344 дела были арбитражными, 10 — посредническими, а 161 — спорами о доменных именах. Если сравнить эти показатели со статистикой рассмотренных дел за год в российских арбитражных центрах, то можно увидеть, что последние в этом вопросе проигрывают¹². Данный центр очень удобно выбирать тем, кто работает с контрагентами и Гонконга, и материкового Китая.

¹¹ СИЕТАС была основана в 1956 г. В этом учреждении были рассмотрены десятки тысяч как международных, так и внутренних арбитражных споров. СИЕТАС в материковом Китае пользуется огромным авторитетом у иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность на территории КНР. Сегодня она занимает одно из лидирующих мест среди всемирно известных арбитражных учреждений. В последнее время в СИЕТАС поступает в среднем более 4 000 дел ежегодно; в это число входят дела как по международным спорам, так и по внутренним. См.: официальный сайт Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (СИЕТАС). URL: <http://www.cietac.org/index.php?m=Page&a=index&id=2> (дата обращения: 17.06.2023).

¹² Ежегодно в НКИАС растет число споров об обеспечительных мерах, поскольку Гонконг и Китай подписали двустороннее соглашение по получению обеспечительных мер в поддержку арбитража и по признанию арбитражных решений, вынесенных на территории друг друга. Так, в 2022 г. НКИАС обработал 26 заявлений, поданных в 14 различных судов материкового Китая в рамках данного двустороннего соглашения, на общую сумму 7,6 млрд юаней. В отношении этих заявлений суды материкового Китая вынесли постановления о сохранении активов на сумму 1,26 млрд юаней в 2022 г. Примерно 17,2 % заявок были поданы сторонами из материкового Китая и 82,8 % — сторонами из Гонконга, Сингапура, Германии, Австралии, с Каймановых островов и Британских Виргинских островов. Около 68,9 % заявок касались активов, принадлежащих сторонам из материкового Китая, а 31,1 % — активов из других стран. См.: официальный сайт Гонконгского международного арбитражного центра (НКИАС). URL: <https://www.hkiac.org/about-us/statistics> (дата обращения: 17.06.2023).

При выборе обозначенных выше арбитражных центров возникает справедливый вопрос о том, признаются ли их решения в Российской Федерации. Практика признания таких решений есть, но ситуация в целом непростая. Длительный путь к успешному признанию прошло решение СИЕТАС от 04.12.2017 по делу № М20161291. Арбитражный суд города Москвы 15.03.2019 и Арбитражный суд Московского округа 31.05.2019 отказали китайской международной торговой компании с ограниченной ответственностью «Чжунлянь» (провинция Хунань) в удовлетворении заявления СИЕТАС¹³.

Основным аргументом была недоказанность факта надлежащего извещения ответчика о времени и месте рассмотрения дела в иностранном арбитраже. Однако позже Верховный Суд РФ определением от 29.11.2019 № 305-ЭС19-13455 признал решение СИЕТАС. Верховный Суд указал, что в деле имеется выписка из Единого государственного реестра юридических лиц по состоянию на 12.09.2018, в соответствии с которой адресом российского общества «Арм-Авто» является следующий: город Москва, проспект Мира, дом 19, строение 1. Запись была внесена в реестр 26.08.2014. В то же время доказательства извещения китайской стороны о смене адреса в деле отсутствуют; представителями российского общества такие доказательства на заседание Судебной коллегии также не представлены.

На 14.12.2017 — на дату принятия решения СИЕТАС — сведения об ином адресе общества отсутствовали как у истца, так и у арбитражного центра. В договорах был указан следующий адрес общества: город Москва, улица Сельскохозяйственная, дом 30, строение 1. Все документы российскому обществу были направлены именно по этому адресу. С учетом того, что российское общество не извещало китайскую компанию о смене адреса, а документы, направляемые СИЕТАС по известному адресу общества, были получены (это следует из почтовых извещений), у судов отсутствовали основания для вывода о несоблюдении надлежащего порядка уведомления общества об арбитраже¹⁴.

Есть и отрицательная практика по признанию. Например, Арбитражный суд города Москвы 08.06.2022 по делу № А40-281802/2021 и затем Арбитражный суд Московского округа отказали в удовлетворении заявления о признании и исполнении решения единоличного арбитра НКІАС от 11.03.2020 по делу № НКІАС/А18053 на основании того, что решение было вынесено по спору, не предусмотренному арбитражной оговоркой, содержащейся в договоре залога, а по спору, вытекающему из договора займа, в отношении которого исключительной юрисдикцией обладает Лондонский международный третейский суд, а приведение в исполнение указанного решения противоречит публичному порядку Российской Федерации.

¹³ Постановление Арбитражного суда Московского округа (ФАС МО) от 31.05.2019 по делу № А40-217058/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/SiilKuDakUd8/?arbitral-txt=o+признании+решения+СИЕТАС&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchuninfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&=1687166910405&snippetpos=1384#snippet (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁴ Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС19-13455 от 29.11.2019 по делу № А40-217058/2018 // URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf_ec.php?id=1838342 (дата обращения: 19.06.2023).

Федерации в связи с нарушением Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»¹⁵.

Российские специалисты предпочитают выбирать российские арбитражные центры, такие как Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ (далее — МКАС при ТПП РФ), Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей (далее — АЦ при РСПП) либо Российский арбитражный центр (далее — РАЦ).

В то же время статистика свидетельствует, что споров с участием китайских контрагентов, рассмотренных в российских арбитражных центрах, пока не так много. Все объясняется тем, что в основном эти центры рассматривали дела с контрагентами из стран Евросоюза и СНГ.

Если проанализировать сегодняшнюю статистику, то можно заключить, что пока таких дел в МКАС при ТПП РФ рассматривается тоже не так много. В частности, из отчета МКАС при ТПП РФ за 2022 г. следует, что рассмотрено 15 % споров с участием иностранных контрагентов из Азии (в том числе из Китая), 28 % дел — с участием контрагентов из ЕС, 29 % дел — с участием контрагентов из стран СНГ. Соответственно, процент дел с участием контрагентов из Азии не очень большой. Однако мы уверены, что из-за санкций и в связи с поиском контрагентов из дружественных стран процент рассмотрения споров с участием контрагентов из КНР будет только увеличиваться.

С одной стороны, российской стороне рассмотрение в арбитражном центре Российской Федерации дает явные преимущества. С другой стороны, возникает вопрос, согласятся ли контрагенты из Китая выбрать российский арбитражный центр. Ю. Воробьев отмечает: «Контрагенты из Китая, скорее, согласятся включить в договоры арбитражные оговорки самых популярных европейских центров и не всегда одобряют российские (МКАС) или (РАЦ)»¹⁶.

Таким образом, выбор арбитражного центра в основном определяется вопросами признания и исполнения его решений. Для рассмотрения споров с китайскими контрагентами это особенно актуально. Поскольку Китай является участником Нью-Йоркской конвенции 1958 г., он обязан признавать те арбитражные решения, которые вынесены государствами-участниками. В Китае вопросами признания и исполнения занимается народный суд промежуточной инстанции, который устанавливает законность арбитражного соглашения и вынесенного решения. Народный суд может отказать в исполнении арбитражного решения, если оно нарушает статьи Нью-Йоркской конвенции.

Одним из вариантов, которые предлагают российские юристы на практике, является следующее указание в арбитражной оговорке. Если ответчиком является юридическое лицо Российской Федерации, то арбитражное разбирательство

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа (ФАС МО) от 24.08.2022 по делу № А40-281802/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZiJstN97vZbO/?arbitral-txt=гонконгского+международного+арбитражного+центра+%28HKIAC%29+в+РФ&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1687178840815&snippet_pos=1032#snippet (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁶ См.: *Вараксин М.* Восток — дело тонкое: где судиться с китайской компанией.

будет осуществляться в каком-либо российском арбитражном центре, например, в АЦ при РСПП, в соответствии с его регламентом, действующим в момент предъявления иска. Если же ответчиком является юридическое лицо КНР, то арбитражное разбирательство будет осуществляться в китайском арбитражном центре, например в СИЕТАС, в соответствии с его регламентом, действующим в момент предъявления иска¹⁷.

Риск может заключаться здесь в открытии параллельных производств и в подаче встречных исковых заявлений. Это все затянет и так сложную процедуру разбирательства, а затем — признания и исполнения. Поэтому, на наш взгляд, необходимо в каждом конкретном случае, еще до возникновения потенциального спора, исходя из стоимости самого контракта (например, стоимости оборудования или товара), просчитать дороговизну арбитражной процедуры, определить размер арбитражных сборов. К этим расходам потом придется прибавить гонорары арбитров, экспертов, переводчиков, которые изначально, конечно, невозможно просчитать. Далее нужно будет прибавить расходы на юристов, которые могут понадобиться при признании данного дела в китайском суде.

Именно поэтому наша рекомендация для потенциального рассмотрения споров с участием китайских контрагентов заключается в следующем. Необходимо предусмотреть арбитражную оговорку с закреплением одного из китайских институционных арбитражных центров, например НКІАС, СИЕТАС и др.

В завершение хотелось бы указать, что при заключении трансграничного контракта с китайскими контрагентами необходимо придерживаться следующих правил.

1. Чтобы избежать сложностей с признанием и исполнением решений российских государственных судов в Китае, можно прописать арбитражную оговорку с закреплением одного из известных институционных арбитражных центров КНР, например (НКІАС) или (СИЕТАС). С одной стороны, это потребует дополнительных затрат на обращение к китайским юристам или к российским специалистам, имеющим опыт представления интересов сторон в китайском арбитраже. С другой стороны, это упростит вопрос с признанием или исполнением решения согласно Нью-Йоркской конвенции 1958 г. в связи положительной практикой российских судов.

2. В случае если контрагенты не хотят рассматривать спор в арбитраже из-за дороговизны процедуры, то, чтобы избежать сложностей с признанием и исполнением решений российских государственных судов в Китае, лучше сразу закрепить пророгационную оговорку по тем спорам, по которым это возможно, о разрешении спора в китайском государственном суде, так как российские суды охотно признают решения судов КНР.

¹⁷ Баташвили В. Арбитражная оговорка в международных сделках. Какой суд выбрать? // Корпоративный юрист. 2018. № 5.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баташвили В.* Арбитражная оговорка в международных сделках. Какой суд выбрать? // Корпоративный юрист. — 2018. — № 5.
2. *Вараксин М.* Восток — дело тонкое: где судиться с китайской компанией // URL: <https://pravo.ru/story/243846/> (дата обращения: 17.06.2023).
3. *Воробьев Ю., Даутов К.* Споры с китайскими контрагентами: как правильно выбрать суд? // Международные банковские операции. — 2017. — № 3 (65). — С. 70—74.
4. Отчет ФТС «Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран» // URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 05.06.2023).
5. Правовые основы бизнеса в Китае / отв. ред. А. Е. Молотников, В. Шань. — М. : Издательство РКЮО, 2018. — 572 с.
6. Практика МКАС при ТПП РФ: 2004—2016. К 85-летию МКАС (на основе анонимизированных материалов из журналов «Международный коммерческий арбитраж» и «Вестник международного коммерческого арбитража») / науч. ред. и сост. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов ; предисл. А. С. Комаров. — М., 2017. — 1565 с.
7. *Guodong Du, Meng Yu.* Chinese Court Recognizes and Enforces a Russian Court Judgment in 2018 // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/chinese-court-recognizes-and-enforces-a-russian-court-judgment-in-december-2018> (дата обращения: 10.06.2023).
8. *Meng Yu.* List of China's Bilateral Treaties on Judicial Assistance in Civil and Commercial Matters (Enforcement of Foreign Judgments Included) // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/list-of-chinas-bilateral-treaties-on-judicial-assistance-in-civil-and-commercial-matters> (дата обращения: 10.06.2023).

Информационно-коммуникационные технологии в международном частном праве

**Оксана Викторовна
ЛУТКОВА,**

профессор кафедры
международного
частного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
ovlutkova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правовое регулирование участия искусственного интеллекта и других генераторов в процессе создания результатов, сопоставимых с произведениями¹

Аннотация. В современном мире некоторые не обладающие правосубъектностью компоненты правоотношений — животные, технические устройства, системы искусственного интеллекта — способны генерировать сопоставимые с произведениями результаты деятельности, однако регулирование этого процесса в международных соглашениях не предусмотрено, а в национальных системах права представлено фрагментарно.

В связи с этим возникают вопросы: являются ли охраноспособными в рамках авторского права результаты деятельности перечисленных компонентов и кто именно является автором таких результатов — владелец животного/устройства/технологии или непосредственно создатель результата, не являющийся человеком.

В научный оборот вводится обобщающий термин «генераторы результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности», под которым подразумевается не обладающий правосубъектностью в соответствии с правом современных государств компонент правоотношения — животное, техническое устройство, ИИ и др., который, участвуя в процессе, отчасти сопоставимом с творческой деятельностью человека, способен производить (генерировать) результаты, сопоставимые с объектами, охраняемыми правом интеллектуальной собственности, в частности с произведениями.

К настоящему времени представление о генераторах как об объектах, а не субъектах права не претерпело изменений, авторские права за ними не признаны. Ввиду возможной коммерческой и художественной ценности результатов их «творчества» видится целесообразным установление специального режима охраны без предоставления кому-либо неимущественных прав, однако с признанием за собственником генератора всех или некоторых имущественных прав на созданный объект в течение сокращенного периода времени.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность; автор произведения; творчество животных; творчество искусственного интеллекта; генератор результатов, приравненных к произведениям.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.108-117

Oksana V. LUTKOVA,

*Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Dr. Sci. (Law), Professor

ovlutkova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal regulation of the participation of artificial intelligence and other generators in the process of creating results comparable to works

Abstract. *In the modern world, some components of legal relations that do not have legal personality — animals, technical devices, artificial intelligence systems — are able to generate results comparable to works. However, neither regulation of this process, nor legal protection regime of its results are provided in international treaties, and are established less than fragmentary in national law. In this regard, the following questions arise: are the results of the activities of the listed components protected under copyright law and who exactly is the author of such results — the owner of the animal/device/technology, or the direct creator of the result, who is not a human being.*

A general term “generators of results comparable to the results of intellectual activity” is introduced into the doctrinal turnover, by which it is proposed to understand a component of a legal relation that does not have legal personality in accordance with the law of modern states — animals, technical devices, artificial intelligence, etc., — which, participating in process, partly comparable to human creative activity, are capable of producing (generating) results comparable to objects protected by intellectual property law, in particular, works.

Up to date, the idea of generators as objects, not subjects of law, has not been shaken, and copyrights are not granted to them. In view of the possible commercial and artistic value of the results of their “creativity,” it may be advisable to establish a special protection regime without granting anyone non-property (moral) rights, however, with the recognition of all or some of the property rights in the created object for the generator’s proprietor for a reduced period of time.

Keywords: *Copyright; intellectual property; author of a work; animal creativity; artificial intelligence creativity; generator of results equated to works.*

В сфере регулирования авторских отношений — внутригосударственных и трансграничных — в связи с усложнением различного рода связей в мире, включая культурные и экономические, в настоящее время присутствует тенденция «притязания» некоторых не обладающих правосубъектностью компонентов общественных отношений на их «участие» в творческом процессе и самостоятельное создание результатов, «сопоставимых... с результатами интеллектуальной деятельности человека»², в частности с охраняемыми авторским правом объектами — произведениями.

Наиболее яркие направления, связанные с рассматриваемым явлением, — «творчество», деятельность технических устройств, деятельность искусственного интеллекта (ИИ), результатом которой фактически могут быть любые объекты, сопоставимые с перечнем объектов, охраняемых авторским правом (картины, музыкальные и литературные композиции и др.).

Что предлагается понимать под термином «генератор»?

Целесообразно выбрать адекватный термин для идентификации всех тех правосубъектных компонентов общественных отношений — животных, технических устройств, ИИ и др., место которых относительно субъектного состава правоотношений в настоящее время на первый взгляд очевидно (объекты права), однако в последнее время постоянно подвергается попыткам частичного пересмотра в правовом регулировании отдельных государств, в науке, на практике.

Предлагаем ввести в научный оборот обобщающий термин «генераторы результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности» (в частности, с произведениями), под которым целесообразно понимать не обладающий правосубъектностью в соответствии с правом современных государств компонент правоотношения, — животных, технические устройства, ИИ, которые, участвуя в процессе, отчасти сопоставимом с творческой деятельностью человека, способны производить (генерировать) результаты, сопоставимые с объектами, охраняемыми правом интеллектуальной собственности, в частности авторским правом, — произведения.

Интересно, что в науке и на практике сомнения и вопросы вызывает именно статус генераторов (можно ли их уже отнести к субъектам права), но не способность создаваемых такими генераторами результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека, представлять собой объект права интеллектуальной собственности. Вопрос, по сути, заключается в том, сразу ли этот результат переходит в общественное достояние, поскольку автора не существует, или же на него возникают авторские права у лиц, связанных с созданием, обучением генератора, с правом собственности на него как на материальный объект и т.п. В науке присутствует справедливая позиция, что разница между результатами деятельности, созданными генераторами, и результатами

² Такая формулировка применительно к деятельности искусственного интеллекта используется в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490.

интеллектуальной деятельности, созданными человеком, сегодня «определяется только законом, который называет правообладателем исключительно человека»³.

Как известно, в настоящее время нет правовых актов, которые однозначно наделяли бы животных, технические устройства или ИИ правовым статусом субъекта, а не объекта права. Соответственно, отсутствие правосубъектности у всех перечисленных компонентов изначально делает невозможным для них установление статуса автора произведения. Кроме того, по праву большинства государств автором произведений литературы, науки и искусства признается именно и только человек, творческим трудом которого оно создано (Россия, Украина, Франция и др.).

В отдельных государствах для отдельных случаев статусом автора может быть наделено юридическое лицо — как юридическая фикция, как объединение людей. Так, согласно законодательству Китая «в случае если произведение создано в соответствии с намерениями и под контролем и при ответственности юридического лица или иной организации, автором произведения считается это юридическое лицо или организация»⁴; в США и Великобритании это установлено в отношении отдельных видов произведений.

Из конвенций по авторскому праву также косвенно следует, что в качестве автора произведения рассматривается физическое лицо, с которым связывается факт создания конкретного произведения (ст. 4 (1) Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г.; ст. II Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г. В обеих конвенциях отсутствуют нормы, которые могли бы исключать возможность признания автором юридическое лицо, однако животные, механизмы и ИИ под конвенционное регулирование не попадают.

Животные: «творческая» деятельность и ее результаты

Последние десятилетия внимание общества обращено к «творческой» деятельности животных и ее результатам: собаки, лошади, слоны, дельфины, птицы и другие животные рисуют красками, обезьяны фотографируют. Возникает вопрос: если созданные животными объекты имеют художественную ценность, можно ли их приравнять к произведениям и кто является их автором и обладателем прав?

В США состоялся ряд судебных процессов, связанных с попытками признания статуса автора в отношении животных. Наиболее известный и показательный из них состоялся осенью 2015 г. в Окружном суде США Северного округа Калифорнии. Иск состоял из ряда требований, поданных от имени хохлатой макаки Наруто⁵ «через ее друзей» (в лице которых выступила организация по охране животных и другие представители) против фотографа Д. Слейтера. Наруто — самец макаки, свободно обитавший в заповеднике Тангкоко на острове Сулавеси

³ Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие. 2-е изд., доп. Н. Новгород, 2022. С. 155.

⁴ Закон об авторском праве Китая 1991 г. с изменениями от 2020 г. Ст. 2 // URL: <https://wipo.lex.wipo.int/ru/text/583283>.

⁵ См. решение по судебному спору: Complaint Naruto v. David Jonh Slater, 15-cv-04324 (N.D. Cal. Sep. 21, 2015).

в Индонезии. В 2011 г. Наруто сделал серию селфи, одна из которых получила всемирную известность как «обезьянье селфи». Фотографии были сделаны обезьяной при помощи камеры, оставленной без присмотра ответчиком Д. Слейтером. Аргументация «соистцов» опиралась на то, что селфи стали результатом серии целенаправленных и добровольных действий самого Наруто, без помощи Слейтера, в результате вполне осознанной и целенаправленной деятельности животного появились оригинальные произведения, автором которых является не Слейтер. Этот факт в суде признал и ответчик Слейтер. Тем не менее ранее Слейтер воспроизвел «обезьянье селфи», утверждая, что именно он является их автором, и продавал с целью получения прибыли.

Одно из требований заявителей состояло в том, чтобы суд признал макаку Наруто автором и владельцем прав на сделанные фотографии. По мнению заявителей, понятие «авторство» в соответствии с Законом об авторском праве, 17 USC § 101 и следующими статьями, распространяется на любую оригинальную работу, в том числе созданную Наруто, и является достаточно широким, чтобы обеспечить защиту не только авторских прав человека, но и видов, отличных от *homo sapiens*. Заявители добивались распоряжения суда, разрешающего управлять правами и защищать права Наруто на «обезьянье селфи» при условии, что прибыль от их коммерческого использования пойдет на благо Наруто и его стаи.

Судья отказал в обозначенном требовании, подчеркнув: «...обезьяна не наделена авторскими правами в силу Конституции США, что исправить могли бы президент страны и Конгресс, но не суд»⁶.

Мнения юридической общественности относительно роли Наруто в процессе создания фотографии оказались в канве вынесенного судом решения. Разногласия обозначились в основном применительно к аргументации возможности считать автором спорной фотографии Д. Слейтера. Юристами Великобритании высказывались следующие аргументы:

— если поискать аналогию закона в британском акте об искусстве, генерируемом компьютером, то можно утверждать, что фотограф может быть владельцем авторских прав на фотографии по факту владения им установленной на штатив камерой;

— человек установил все необходимое, а весь вклад животного — нажатие на кнопку, поэтому именно человек является автором фотографии и обладателем прав на нее;

— практика Европейского прецедентного права (со ссылкой на дело *Inforaq International A/S v Danske Dagblades Forening*) свидетельствует, что факт отбора фотографий достаточен для гарантирования оригинальности, если этот процесс отражает личность фотографа.

Российские юристы пришли к похожему выводу при использовании иной аргументации. Российское право защищает животных, однако признать авторами их нельзя. Хозяин животного мог бы распоряжаться произведениями, созданными

⁶ См.: *Complaint Naruto v. David Jonh Slater*, 15-cv-04324 (N.D. Cal. Sep. 21, 2015).

После указанного решения Бюро регистрации авторских прав США внесло в свои правила дополнения о том, что не могут быть зарегистрированы как произведения фотографии, сделанные обезьянами; рисунки, сделанные слонами, и изображения, напоминающие кожу настоящих животных.

его питомцами, поскольку животное не может обладать авторскими правами, но распорядиться отсутствующими правами невозможно. Если же человек помогал животному в творческом процессе, то юридически именно человек внес охраняемый творческий вклад и именно у него возникают авторские права на результат⁷.

Таким образом, к настоящему времени представление о животных как о несубъектах права, не поколеблено, соответственно, и авторские права за ними не признаны. Остается открытым вопрос об охраноспособности имеющих подчас коммерческую ценность результатов «творческой» деятельности животных и о личности обладателя прав на них.

Технические устройства: деятельность и результаты

Отдаленно напоминает ситуацию с «творчеством» животных работа технических устройств — камер наружного наблюдения, фотобудок, спутников и др. Они запрограммированы на выполнение определенных функций и попутно способны создавать фото- и видеорезультаты, которые могут иметь художественную ценность.

Так, дорожная камера в Канаде случайно запечатлела кадр, ради которого профессиональные фотографы дикой природы тратят годы: с близкого расстояния была снята редкая полярная сова, пролетающая над пригородной трассой А-40 к западу от Монреаля. И фотографии поверхности Марса, выполненные спутником NASA, не менее выразительны, чем художественная фотография.

В праве отдельных государств сформулировано, что «автором литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, считается лицо, которое предприняло необходимые для создания произведения меры»⁸. Из этого правила можно усмотреть четкую установку правотворческих органов не считать авторами произведений технические устройства, если они работают сами в пределах своих функций или эксплуатируются человеком в процессе его творческой работы.

В законодательстве Российской Федерации нет отдельной нормы, которая отрицала бы авторство технических устройств, но об однозначности позиции свидетельствует как содержание правового регулирования в целом, так, в частности, и тот факт, что предложение дополнить в ст. 1225 ГК РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» перечень пунктом «материалы и (или) данные, полученные в результате дистанционного зондирования Земли», в результате принятия которого технические средства (зонды) могли быть официально признаны создателями объектов интеллектуальной собственности, не было принято⁹.

⁷ П. Катков в мини-интервью к статье «Американская история: как обезьяну хотели признать автором фотографии». 11.08.2017 // URL: <https://pravo.ru/review/view/143323/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁸ Закон Англии об авторском праве. Ч. 3 ст. 9.

⁹ Проект федерального закона № 744685-6 «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция, принятая Государственной Думой в первом чтении 12.05.2015).

Однако фактически техническими устройствами могут генерироваться редкие видео- или фотокадры, имеющие художественную и коммерческую ценность, и это входит в диссонанс с существующим правовым регулированием и требует решения.

Искусственный интеллект: «творчество» и его результаты

Сложнее складывается ситуация с результатами «творчества» устройств, представляющих собой высокие технологии — ИИ.

ИИ — системы, способные выполнять по крайней мере часть когнитивных функций, которые обычно присущи человеку и позволяют ему правильно интерпретировать получаемые извне данные и адаптироваться к новым ситуациям: подстраиваться под заданные параметры; обучаться на собственном опыте; решать творческие задачи в конкретной сфере, сохранять полученные знания в памяти и др.

Интеллектуальные системы могут «получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹⁰ — произведениями науки, литературы, искусства. Так, в 2016 г. программа ИИ The Next Rembrandt¹¹ проанализировала полотна Рембрандта и создала «авторскую» картину в узнаваемом стиле художника. В 2018 г. на аукционе Christies в Нью-Йорке за 433 тысячи долларов была продана написанная ИИ картина «Портрет Эдмонда Белами». ИИ можно научить писать тексты любого содержания, рисовать картины и реалистические фотокартины, сочинять музыку и т.д.

В современных системах права прослеживаются два законодательных подхода к вопросу о возможности признать статус автора произведения за ИИ¹²:

— правовая охрана результатов деятельности роботов как интеллектуальной собственности невозможна, они переходят в общественное достояние сразу после создания (ФРГ);

— автором результата интеллектуальной деятельности признается лицо, создавшее программу ИИ (Великобритания, Индия, Ирландия, Новая Зеландия).

Правоприменительная практика непризнания авторства ИИ характерна для США. Бюро по авторским правам США обозначило позицию, что изображения, созданные при помощи нейросети, не должны защищаться авторскими правами. В частности, за автором книги комиксов «Заря рассвета» К. Каштановой признано

¹⁰ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

¹¹ URL: <https://www.nextrembrandt.com> (дата обращения: 20.06.2023).

¹² Описание обоих подходов см.: *Guadamuz A. Artificial intelligence and copyright // WIPO Magazine 5/2017-2017*. См. по этому вопросу также: *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон*. 2017. № 5. С. 161 ; *DeCosta F. A., Carrano A. G.* Intellectual property protection for artificial intelligence // *Westlaw journal intellectual property*. 30.08.2017.

авторское право на часть книги, которую она написала и оформила лично, но не на изображения, созданные нейросетью Midjourney¹³.

По пути признания авторства за разработчиком технологии развивается право-применительная практика в Китае: народный суд защитил авторство разработчика нейронной сети Dreamwriter, постановив, что компания Shanghai Yingxun Technology Company, незаконно скопировав текст статьи, написанной Dreamwriter, нарушила авторские права компании-разработчика¹⁴.

Современные системы ИИ далеки от сильного интеллекта, который реально мог бы претендовать на правосубъектность, однако в научной литературе уверенно присутствует точка зрения, что препятствий к возникновению систем, которые будут сознавать себя личностью и обладать внутренней мотивацией и эмоциональной структурой, не существует. И однажды вопрос об авторстве ИИ станет актуален для самого ИИ.

Уже сейчас в науке активно обсуждаются ситуации: если произведение создано исключительно системой ИИ, кто будет считаться автором; кому принадлежит право на результаты работы программы или на часть программного кода, написанного самой программой в рамках процесса самообучения?

Помимо того, что высокие технологии пока субъектом права не признаны ни и одним государством¹⁵, данные, на которых обучается ИИ, могут включать охраняемые правом интеллектуальной собственности объекты — изобретения, произведения и др. Даже факт временного копирования данных, являющихся объектом охраны чужих интеллектуальных прав, в оперативную память для обучения алгоритма ИИ является нарушением прав интеллектуальной собственности. Тем более узнаваемый чужой интеллектуальный продукт среди результатов деятельности ИИ станет очевидным нарушением¹⁶.

Вопрос возникает также в связи с эквивалентом формулы постмортального срока охраны авторских прав. Современные сроки охраны авторских прав связаны с периодом жизни автора-человека и определенным количеством лет после его смерти (25—50—70). Вопрос о гипотетическом сроке охраны авторских прав ИИ переплетается с рядом других морально-этических вопросов, которые потребуют правового решения: смертен ли ИИ; можно ли принудительно закончить цикл его существования; если интеллектуальный робот получит авторские права, не значит ли это, что он должен получить и какие-то другие права — на

¹³ URL: <https://kod.ru/ai-images-copyrights-us-status> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁴ Li Yan. Court rules AI-written article has copyright // URL: <http://www.ecns.cn/news/2020-01-09/detail-ifzsqcrm6562963.shtml> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁵ В Резолюцию ЕС для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике 2017 г. было включено предложение признать за наделенными искусственным интеллектом роботами, способными принимать самостоятельные решения, статус электронной личности, но на сегодняшний день это предложение не принято. См. об этом: Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61—71.

¹⁶ См. об этом: Lemley M. A., Casey B. Fair Learning // Texas Law Review. Vol. 99. Is. 4. URL: <https://texaslawreview.org/fair-learning/> (дата обращения: 20.06.2023).

неприкосновенность программного кода, на оболочку, на доступ к питанию и к информации, на доступ к творчеству...

Открытой остается и проблема трансграничного регулирования. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г. в порядке определения применимого права к вопросам интеллектуального статуса отсылает к национальному праву государства, где испрашивается защита произведения (*lex loci protectionis*), а также (как и Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г.) устанавливает национальный режим охраны.

Соответственно, только усилиями какого-либо одного или даже группы государств решить вопрос о предоставлении охраны ИИ в качестве автора произведений в зарубежных государствах невозможно, для этого потребовалось бы согласовывать волеизъявления государств — участников международной системы охраны авторских прав, в которую в настоящее время в масштабе базовых конвенций вовлечены почти все государства мира. Проведенный ранее обзор существующего правового регулирования показывает, что сегодня государства не готовы наделить ИИ статусом автора (и субъекта права).

Выходом из правового тупика, возможно, могло бы стать установление специального правового режима в отношении создаваемых нейросетями результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности, в частности с произведениями. Ввиду возможной коммерческой и художественной ценности последних целесообразно включение результатов, созданных системами ИИ, в перечень объектов гражданских прав, приравненных к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности. В отношении таких объектов может быть установлен специальный режим без предоставления кому-либо неимущественных прав, однако с признанием за собственником (арендатором) системы ИИ всех (или некоторых) имущественных прав на сокращенный период времени (например, 25 лет¹⁷).

Подведем итоги

В современном мире некоторые не обладающие правосубъектностью компоненты правоотношений — существа (животные) и материальные объекты (технические устройства, системы ИИ) способны генерировать сопоставимые с произведениями результаты, однако их регулирование в международных соглашениях не предусмотрено, а в национальных системах права представлено менее чем фрагментарно. Учитывая, что такие результаты могут обладать художественной и коммерческой ценностью, представляется целесообразной разработка специального режима их авторско-правовой охраны.

¹⁷ По аналогии со сроком охраны, который (как минимум) должен предоставляться фотографическим произведениям в государствах — участниках Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (ст. 7 (4)). Такой срок охраны в отношении фотографий был закреплен в конце XIX в., когда считалось, что творческий вклад человека в это произведение минимален, все делает фотоаппарат.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157—170.
2. *Морхат П. М.* Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия : Юриспруденция. — 2018. — № 2. — С. 61—71.
3. *Филипова И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие. — 2-е изд., доп. — Н. Новгород, 2022. — 275 с.
4. *DeCosta F. A., Carrano A. G.* Intellectual property protection for artificial intelligence // Westlaw journal intellectual property. — 30.08.2017.
5. *Lemley M. A., Casey B.* Fair Learning // Texas Law Review. — Vol. 99. — Is. 4. — P. 744—758.
6. *Li Y.* Court rules AI-written article has copyright // URL: <http://www.ecns.cn/news/2020-01-09/detail-ifzsqcrm6562963.shtml> (дата обращения: 20.06.2023).

**Ильяс Мифтахович
КУТУЗОВ,**

доцент кафедры
международного
частного права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических
наук, доцент

ilaskutuzov@gmail.com

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

О ценностном содержании международного договорного денежного обязательства в условиях цифровизации платежных средств¹

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования и изменения ценностного содержания договорных денежных обязательств в международных коммерческих договорах. Отмечена связь ценностного содержания денежных обязательств с динамикой изменений в покупательной способности валют, используемых для обозначения величины денежного обязательства. Анализируется зависимость денежного обязательства по уплате договорной цены от стоимостной оценки товаров (услуг, работ, прав на интеллектуальную собственность, информационных продуктов), выполняющих роль встречного представления. Обращено внимание на сохраняющий свое значение принцип номинализма, исторически сложившийся в правовой доктрине и правовом регулировании денежных обязательств отношений. В статье освещены актуальные вопросы стабилизации стоимостного содержания договорных денежных обязательств с учетом имущественных интересов сторон международного коммерческого договора. Показана роль валютных оговорок в условиях изменения покупательной силы валюты долга и валюты платежа. Рассмотрены различные аспекты ценностного содержания платежных обязательств, предусматривающих использование криптовалют и цифровых платформ, в том числе при осуществлении международных расчетных операций.
Ключевые слова: денежные обязательства, ценностное содержание обязательства, принцип номинализма, договорная цена, валюта долга, валютные оговорки, цифровые валюты, платежные токены.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.118-127

Ilias M. KUTUZOV,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (History), Associate Professor

ilaskutuzov@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the Value Content of the International Contractual Monetary Obligation in the Context of Digitalization of Means of Payment

Abstract. *The article deals with the problems of formation and change of the value content of contractual monetary obligations in international commercial contracts. The connection of the value content of monetary obligations with the dynamics of changes in the purchasing power of currencies used to denote the amount of monetary obligation is noted. The dependence of the monetary obligation to pay the contract price on the valuation of goods (services, works, intellectual property rights, information products) that serve as a counter representation is analyzed. Attention is drawn to the principle of nominalism, which retains its significance, historically developed in the legal doctrine and legal regulation of monetary obligations. The article highlights topical issues of stabilization of the value content of contractual monetary obligations, taking into account the property interests of the parties to an international commercial contract. The role of currency reservations in the conditions of changes in the purchasing power of the debt currency and the payment currency is shown. Various aspects of the value content of payment obligations involving the use of cryptocurrencies and digital platforms, including in the implementation of international settlement transactions, are considered.*

Keywords: *monetary obligations, value content of the obligation, the principle of nominalism, contractual price, debt currency, currency clauses, digital currencies, payment tokens.*

Баланс имущественных интересов участников международной коммерческой сделки обеспечивается согласованными и закрепленными в договорных условиях стоимостными характеристиками предмета сделки и соответствующими данным характеристикам средствами платежа. При этом участники договорных отношений традиционно обращаются к денежным агрегаторам, выполняющим функции меры стоимости (валюты долга) и платежного средства (валюты платежа).

Как следствие, в процессе осуществления международной коммерческой деятельности формируются международные договорные денежные обязательства. Указанные обязательства как важная составляющая возмездных гражданско-правовых и торговых отношений трансграничного характера непосредственно связаны с предметом международного частного права, международного коммерческого права, права международной торговли.

В процессе согласования сторонами коммерческого договора количественных характеристик денежного обязательства формируется его стоимостное (ценностное) содержание, выраженное в валюте долга. Как и во внутренних денежных отношениях, ценностное содержание международного денежного обязательства зависит от покупательной силы валюты долга. Понятие ценностного содержания денежного обязательства исследовалось рядом зарубежных и отечественных цивилистов при обращении к общим проблемам денежных обязательств. Ф. К. Савиньи использовал для обозначения денежного долга заключенную, по его мнению, в деньгах абстрактную «экономическую власть», величина которой не должна изменяться без согласия сторон при исполнении денежного обязательства. т.е. кредитор должен, несмотря на изменения в покупательной силе денег, получить ту стоимость (ценность), которая была первоначально согласована сторонами договорного обязательства².

Вслед за оппонентами Ф. К. Савиньи профессор Л. А. Лунц отмечал, что предметом денежного обязательства «является не известная абстрактная ценность, а денежные знаки в определенной сумме счетных единиц» и что «изменения в покупательной силе денег, последовавшие со дня заключения договора, не меняют суммы долга»³. Рассматривая действие принципа номинализма в сфере международных расчетов, ученый утверждал, что этот принцип распространяется на все денежные обязательства, выраженные в валюте долга, «независимо от национальности участников... договора, от места исполнения договора и от того, по какому законодательству обсуждается данное правоотношение»⁴.

Тот факт, что принцип номинализма предусматривает уплату должником лишь номинальной суммы долга, а не предоставление кредитору реальной ценности (определенного стоимостного эквивалента), обусловленной текущим состоянием валюты долга, не может не затрагивать интересы сторон международного договорного денежного обязательства. Наиболее заметным образом отмеченные обстоятельства проявляются на стадии исполнения международных договорных денежных обязательств. И если регуляторы договорных денежных обязательственных отношений не предусматривают автоматической корреляции номинальной суммы долга с реальным его ценностным содержанием, то необходимым становится проявление инициативы со стороны участников обязательственного отношения в данном направлении.

По словам Л. А. Лунца, «неопределенность “ценностного содержания” денежного обязательства, выраженного в определенной сумме денежных единиц, служит издавна основанием для введения в эти обязательства договорных условий, направленных на то, чтобы по возможности “стабилизировать” содержание такого обязательства»⁵. В связи с постоянными колебаниями валютных курсов соотношение реального ценностного содержания международного денежного обязательства и его номинальной величины, выраженных в одной национальной валюте, на момент исполнения денежного обязательства может серьезно

² Савиньи Ф. К. Обязательственное право. М., 2015. С. 507.

³ Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М., 1999. С. 106—107.

⁴ Лунц Л. А. Указ. соч. С. 110.

⁵ Лунц Л. А. Указ. соч. С. 222.

отличаться от соответствующего соотношения указанных величин, выраженных в другой национальной валюте.

В международных коммерческих отношениях складываются различные виды денежных обязательств. Одним из наиболее распространенных является денежное обязательство по уплате цены в международных коммерческих договорах (купли-продажи товаров, оказания услуг, выполнения работ). Оно относится к несамостоятельным международным денежным обязательствам, поскольку выполняет в договоре роль встречного представления.

Особенностью указанного денежного обязательства является то, что кредитор несет договорные обязанности имущественного характера перед должником, причем оцененные в стоимостном выражении аналогично денежному обязательству. На взаимосвязанность (взаимозависимость) денежных и неденежных обязательств, объединенных в одном коммерческом договоре, неоднократно обращалось внимание в юридической литературе⁶.

Одним из проявлений указанной зависимости является обусловленность ценностного содержания денежного обязательства стоимостью предоставляемых кредитором должнику материальных благ. Последние, выполняя в договорном контексте роль объектов гражданского права в коммерческом обороте, характеризуются, по словам Д. М. Мейера, тем, что «имеют значение имущества, т.е. представляют собой какую-либо ценность, имущественный интерес, сводятся к оценке на деньги»⁷. Благодаря экономическим свойствам денег товары (работы, услуги, права на интеллектуальную собственность, информация) могут быть измеримы по стоимости.

Используя функцию валюты долга как меру стоимости, стороны международного коммерческого договора конкретизируют валютно-финансовые условия, в том числе условие о договорной цене. Определенное таким образом стоимостное содержание имущественного предоставления опосредует ценностное содержание международного денежного обязательства.

В договорной цене находит отражение согласованная сторонами ценность товара (работ, услуг, прав на интеллектуальную собственность, информации), которая на момент заключения договора определяет ценностное содержание денежного обязательства и одновременно — его номинальную величину.

Соответствие суммы платежа (передаваемых кредитору средств платежа) стоимостному эквиваленту обязательства предполагается сторонами договорного обязательства в момент его возникновения (вступления в силу). Такому соответствию может помешать изменение покупательной силы используемых должником и кредитором средств платежа (валюты долга и валюты платежа).

Одним из основных выработанных международной коммерческой договорной практикой способов корректировки номинальной суммы долга с учетом колебаний ценностного содержания международного денежного обязательства являются включаемые в договор гарантийные валютные оговорки. В истории международных коммерческих договорных отношений на протяжении длительного времени

⁶ Новицкий И. Б., Лунц Л. А. *Общее учение об обязательстве*. М., 1950. С. 134—135.

⁷ Мейер Д. И. *Русское гражданское право*. Пг., 1915. С. 94.

основным способом стабилизации ценностного содержания денежных обязательств служили различные виды золотых оговорок.

К основным видам валютных оговорок в настоящее время относятся: прямая валютная оговорка (когда сумма платежа ставится в зависимость от курса валюты расчета по отношению к более стабильной валюте (валюте оговорки)⁸; косвенная валютная оговорка (когда валюта долга обозначается в одной валюте, а валюта цены — в другой); мультивалютная оговорка (когда сумма платежа корректируется пропорционально средневзвешенному изменению курса ряда заранее установленных валют).

К договорным условиям, уточняющим величину международного денежного обязательства в момент его исполнения относятся также индексные оговорки, которые ставят сумму платежа в зависимость от изменения конъюнктурных (индексных) цен на международных товарных рынках.

В самостоятельных международных денежных обязательствах, не связанных с функцией встречного представления (таких, например, как заемно-кредитные обязательства), изменение ценностного содержания зависит от колебаний покупательной силы (курсовой стоимости) валюты долга. При этом сохраняется действие принципа номинализма. Особую роль в такого рода международных денежных обязательствах играют дополнительные долговые обязательства по уплате процентов.

Начисляемые на основную сумму займа (кредита) проценты не влияют на ее ценностное содержание. Они представляют собой самостоятельное денежное обязательство со «своим» ценностным содержанием, определяемым и изменяющимся в соответствии с изменениями покупательной силы валюты процентного долга. В связи с постоянными колебаниями валютных курсов соотношение реального ценностного содержания международного денежного обязательства и его номинальной величины, выраженных в одной национальной валюте, на момент исполнения денежного обязательства может серьезно отличаться от соответствующего соотношения указанных величин, выраженных в другой национальной валюте.

Использование категории «ценностное содержание» для обобщенной характеристики денежного обязательства сопровождается введением в научный оборот и в правовые источники новых терминов и правовых дефиниций, отражающих современную динамику международных платежных и расчетных отношений. Новым явлением в международном коммерческом обороте стало развитие национальных и международных платежных систем с использованием электронных денег, а также вовлечение в процесс международных расчетов платформенных технологий и новых средств платежа. Наряду с исторически сложившимися национальными и международными денежными агрегаторами формируется понятие цифровой валюты, под которой понимается «особая форма валюты, существующая только в цифровом (электронном) виде»⁹.

⁸ См. подробнее: *Алимова Я. О.* Проблемы формирования отдельных видов оговорок международного коммерческого контракта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12 (28). С. 30.

⁹ Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 370.

Цифровая форма платежного средства (виртуальная валюта) оказалась востребованной в условиях бурного развития информационных технологий и формирования сетевых общественных связей. Под виртуальной валютой, «как правило, понимаются нерегулируемые цифровые деньги, которые подлежат контролю со стороны своего разработчика, организации-учредителя или определенного сетевого протокола и принимаются к оплате в виртуальном мире»¹⁰.

Как разновидность виртуальной валюты, криптовалюта рассматривается как «подвид электронных денег — нефтяное электронное денежное средство, учет которого базируется на криптографических методах, а функционирование самой платежной системы происходит децентрализованно в распределенной компьютерной сети»¹¹.

Обращение участников коммерческого оборота к криптовалютам как средству платежа вносит разнообразие в общую картину исполнения договорных обязательств. Особенности криптовалют (в том числе способность обмениваться на национальные электронные денежные средства по текущей стоимости) создают предпосылки для их использования в трансграничных расчетах без конвертации в свободно используемые валюты и без привязки к иностранным корреспондентским банковским счетам.

Ключевым инфраструктурным элементом такой новой системы платежных отношений становятся цифровые платформы и соответствующие информационные технологии. При этом заметным фактором риска при использовании криптовалют в качестве платежного средства (наряду с отсутствием статуса законного средства платежа) является высокий уровень волатильности их курса по отношению к национальным валютам.

Неочевидными остаются основания применения категории «денежное обязательство» к долговому обязательству в криптовалюте. В условиях сохраняющейся неопределенности правовых характеристик новых цифровых средств платежа (в том числе в части соответствия догматике денежных обязательств) их потенциал представляется недостаточным для реализации всех денежных функций, в том числе такой функции, как мера стоимости. Являясь все более признаваемым на практике и в правовой доктрине средством платежа, криптовалюты тем не менее «сами по себе не имеют стоимости»¹².

Они не могут быть основой для формирования ценностного содержания международного договорного обязательства в силу своей виртуальности и того обстоятельства, что они формируются и функционируют в использующей блокчейн-технологии информационной системе без какой-либо связи с потребительской стоимостью. В отсутствие реального стоимостного обеспечения важную

¹⁰ Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты / под общ. ред. М. А. Егоровой. М., 2023. С. 10.

¹¹ Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты. С. 84.

¹² Как отмечает проф. Л. Г. Ефимова, «криптовалюты представляют собой результат функционирования компьютерной программы и выглядят как длинная цифровая последовательность, которая... бесполезна для оборота и для человека вне соответствующего договора между участниками протокола» (Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект / отв. ред. Л. Г. Ефимова. М., 2021. С. 195).

роль начинает играть сама возможность выполнения криптовалютами функции средства платежа, особенно при проведении возмездных сделок в киберпространстве (метавселенной).

Определенный уровень доверия со стороны рынка и востребованности вызвал к жизни ликвидность основных цифровых валют и возможность их конвертации в национальные валюты по обменному курсу, что также влияет на стоимостные характеристики криптовалют. Цифровая валюта существует в цифровой (электронной) форме в виде цифрового кода (обозначения) и функционирует только в информационной системе на основе технологии распределенного реестра. Согласно действующему законодательству, цифровая валюта не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной единицей.

Анализируя национальное нормативное регулирование, Л. Ю. Василевская замечает, что «как средство платежа цифровая валюта не может быть использована в качестве встречного представления за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг)»¹³.

Новые цифровые средства платежа получают распространение в условиях поступательной цифровизации различных сфер общественной жизни. При цифровизации платежных отношений складывается особый способ фиксации отношений между должником и кредитором по поводу определенного финансового актива — криптовалюты. Речь идет, по мнению Л. Ю. Василевской, об учете цены «как количественного показателя (измерения) денежной суммы, уплачиваемой участником информационной системы в виде совершаемого действия — транзакции по переводу криптовалюты первоначальному правообладателю соответствующего приобретаемого объекта»¹⁴. Разновидностью криптовалюты является биткоин. В системе его обращения нет единого банка-эмитента и банковских счетов.

Хотя биткоин не привязан к международным расчетным единицам и национальным валютам, он обменивается на доллары США и евро, а также используется как средство платежа при приобретении товаров и оплате услуг. Как отмечалось в литературе, каждая транзакция в сети содержательно сводится исключительно к передаче «собственной» ценности биткоина, отражающей ресурс этой криптовалюты. При этом ресурсом биткоина обозначается «реализованная в нем возможность осуществления неограниченным кругом лиц трансграничных платежей»¹⁵.

В большинстве национальных юрисдикций криптовалюты относятся к денежным суррогатам (за исключением национальных криптовалют). Отсутствие статуса законного платежного средства ограничивает их использование для стоимостной характеристики ценностного содержания международного договорного долгового обязательства. Хотя фактическое использование криптовалют в коммерческом обороте развивается и они воспринимаются участниками рынка как определенное

¹³ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование). М., 2021. Т. 1. С. 121.

¹⁴ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 93.

¹⁵ Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты. С. 18.

средство платежа, их покупательная сила официально не подтверждена, что снижает уровень правовой защиты имущественных интересов участников оборота.

Последнее обстоятельство побудило многие страны к определению правовой позиции и к началу правового регулирования в данной сфере. По мнению А. В. Степанченко, «со временем криптовалюта могут приобрести статус платежного средства, стать “своеобразной” международной расчетной единицей, так как они выпускаются “виртуальным сообществом”, а не каким-либо определенным государством, группой государств... оборот такой особой международной расчетной единицы, безусловно, потребует специального регулирования на международном и национальном уровне»¹⁶.

Исходя из того, что цифровые права признаются в гражданском праве разновидностью имущественных прав, они могут иметь имущественную (стоимостную) оценку и быть объектом обязательственных отношений. В случае распространения на определенные виды цифровых денег правового режима, аналогичного режиму денежных средств в национальной и иностранной валюте, возникнут предпосылки для применения в сфере цифровых валют доктринальных и нормативных подходов, сложившихся в сфере денежных обязательственных отношений, в том числе в международном частном денежном праве.

В настоящее время использование криптовалюты в качестве средства платежа представляет собой специфическую форму встречного представления в долговом обязательстве. Не являясь деньгами в правовом значении и не создавая по этой причине предметную основу денежного обязательственного отношения, криптовалюта формирует неденежное встречное договорное обязательство по передаче цифрового актива как имущественной ценности. И если, по словам Л. А. Лунца, «выражение цены товара в иностранной валюте не превращает сделку купли-продажи в мену»¹⁷, то обеспечение возмездности коммерческой сделки путем встречного представления цифровой валюты ближе по своей правовой природе к конструкции договора мены.

Как отмечает А. В. Шамраев, «совершение сделок с криптоактивами может автоматизироваться посредством смарт-контракта (специального программного кода или алгоритма), в который включены условия и порядок исполнения обязательств по сделке с криптоактивом»¹⁸.

В отличие от денежных обязательственных отношений, предметом обязательства должника в криптовалютных отношениях будут не денежные знаки в номинальной сумме денежных единиц, а определенная цифровая ценность в форме цифрового актива (биткойны и другие цифровые валюты) либо токенизированного актива (цифровое представление в распределенном реестре в форме токена уже выпущенного ранее цифрового актива).

Криптовалютный токен выполняет функцию средства платежа и его можно обменять на иные цифровые объекты или оплатить им (через транзакцию)

¹⁶ Степанченко А. В. Правовое регулирование гражданского оборота иностранной валюты в Российской Федерации. М., 2019. С. 57.

¹⁷ Лунц Л. А. Указ. соч. С. 158.

¹⁸ Шамраев А. В. Международное финансовое регулирование: финансовые технологии. М., 2021. С. 49.

предоставление определенного товара, выполнение работ или оказание услуг. В таком значении токен «реализует функцию исполнения денежного обязательства за уже поставленные товары, выполненные работы и оказанные услуги либо дает право на их получение»¹⁹.

Стоимостной эквивалент такого токена, отражающий согласованную сторонами цену, формирует ценностное содержание исполняемого договорного обязательства. Данный эффект усиливается, когда речь идет о государственных цифровых валютах, о цифровых валютах центральных банков, а также об обеспеченных цифровых валютах — стейблкоинах. Обеспечением стейблкоинов могут выступать денежные средства, ценные бумаги, драгметаллы, другие неденежные активы и криптоактивы.

Для использования в трансграничных расчетах представляют интерес так называемые глобальные стейблкоины. Их внедрение требует правового оформления и регулирования отношений, возникающих в связи с использованием платформ для выпуска, стабилизации стоимости, обмена, погашения и перевода стейблкоинов. К описанным в правовой литературе примерам выпуска глобальных стейблкоинов относятся, в частности, проекты Tether и Libra²⁰.

Институт ценностного содержания международного денежного обязательства, разработанный Л. А. Лунцем на основе цивилистического подхода и во взаимосвязи с экономическими функциями денег, обретает в настоящее время новое звучание и вектор развития в контексте цифровизации средств платежа.

Особенности эмиссии и использования криптовалют и платежных токенов связаны с их виртуальной природой, функционированием платформ и отражаются на их стоимостных характеристиках. Различные виды обязательственных отношений в данной сфере формируются по мере расширения нормативной базы по регулированию цифровых отношений, в том числе складывающихся в связи с использованием цифровых валют в международном коммерческом обороте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алимова Я. О.* Проблемы формирования отдельных видов оговорок международного коммерческого контракта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 12 (28). — С. 20—32.
2. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование). — М., 2021. — Т. 1. — 287 с.
3. *Ефимова Л. Г.* Денежные обязательства и финансовые сделки. — М., 2023. — 672 с.
4. Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты / под общ. ред. М. А. Егоровой. — М., 2023. — 352 с.
5. *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М., 1999. — 352 с.

¹⁹ *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 94.

²⁰ Подробнее см.: *Шамраев А. В.* Указ. соч. С. 95—99.

6. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. — М., 1950. — 416 с.
7. Савельев А. И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8. — С. 136—153.
8. Савиньи К. Ф. Обязательственное право / пер. с нем. — М., 1876. — 600 с.
9. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М., 2021. — 417 с.
10. Цифровое право / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М., 2020. — 370 с.
11. Шамраев А. В. Международное финансовое регулирование: финансовые технологии. — М., 2021. — 176 с.
12. Legeais D. Enjeux de la blockchain et des crypto-monnaies // Revue de droit bancaire et financier. — 2019. — № 6.

**Андрей Анатольевич
ШУЛАКОВ,**

доцент кафедры
международного
частного права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

docent-law@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Позитивная оговорка о публичном порядке — основа защиты конституционно значимых ценностей государства¹

Аннотация. В статье отмечается, что цель и механизм защиты публичного порядка в международном частном праве могут быть уяснены только у истоков обоснования этой защиты — в доктрине Ф. К. Савиньи. Указываются причины формулирования Ф. К. Савиньи только двух исключений вытеснения иностранных законов местным правом и характеристики закрепления этих правил ст. 30 Вводного закона к ГГУ. Анализируются попытки неверного толкования доктрины Ф. К. Савиньи после принятия Римской конвенции «О праве, применимом к контрактным обязательствам» (1980) и решение Суда ЕС (2016), давшее окончательную оценку этим попыткам. Отмечается влияние голландской школы на современное международное частное право России. Исследуется закрепление сверхимперативных норм в законодательстве России и Нидерландов. Установлено, что первая группа норм непосредственного применения ст. 1992 ГК РФ, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях прямо указывает законодатель, имеет в соответствии с теорией международного частного права не материальный, а коллизионный характер. Дается определение сверхимперативных норм законодательства РФ, обеспечивающих защиту конституционно значимых ценностей государства.

Ключевые слова: концепция Савиньи, международное частное право, последствия, публичный интерес, публичный порядок, сверхимперативные нормы, добрые нравы, позитивная оговорка, негативная оговорка, конституционно значимые ценности.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.128-137

Andrey A. SHULAKOV,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

docent-law@rambler.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Positive Clause on Public Order is the Basis for the Protection of Constitutionally Significant Values of the State

Abstract. *The article notes that the purpose and mechanism of protection of public order in private international law can be understood only at the origins of the rationale for this protection, — in the doctrine of F. K. Savigny. The reasons for the formulation of F. K. Savigny only two exceptions to the displacement of foreign laws by local law, and the characteristics of fixing these rules in Art. 30 of the Introductory Law to the GGU. Analyzed are attempts to misinterpret the doctrine of F. K. Savigny after the adoption of the Rome Convention “On the law applicable to contractual obligations” (1980) and the Decision of the EU Court (2016), which gave a final assessment of these attempts. The influence of the Dutch school on modern international private law in Russia is noted. The consolidation of super-imperative norms in the legislation of Russia and the Netherlands is investigated. It has been established that the first group of norms of direct application of Art. 1992 of the Civil Code of the Russian Federation, the super-imperative nature of which in private cross-border legal relations is directly indicated by the legislator, has, in accordance with the theory of private international law, not a material, but a conflict character. The definition of super-imperative norms of the legislation of the Russian Federation, which ensure the protection of the constitutionally significant values of the state, is given.*

Keywords: *Savigny’s concept, private international law, consequences, public interest, public order, super-imperative norms, good morals, positive clause, negative clause, constitutionally significant values.*

I. Ф. К. Савиньи о цели и механизме защиты публичного порядка в международном частном праве

Цель и механизм защиты публичного порядка в международном частном праве (МЧП) могут быть уяснены только у истоков обоснования этой защиты — в доктрине Ф. К. Савиньи (1779—1861)².

Основатель современного международного частного права Ф. К. Савиньи отмечал, что *принцип правил коллизии*, обеспечивающий применение закона иностранного государства, должен быть ограничен судьей в отношении определенных

² Savigny F. C. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. S. 32—38.

типов (иностранных) законов двумя исключительными случаями вытеснения иностранных законов местным правом. Отметив, что эти случаи представляют собой самую сложную проблему всего учения, Савиньи также указал на то, что стороны могут следовать только убедительным ее решениям, поскольку «неверная их трактовка в доктрине мешает их единодушному признанию. Я постараюсь, — скромно отметил Ф. К. Савиньи, — свести указанные исключения к двум случаям»³.

Первый случай — когда иностранные законы противоречат специальным строго позитивным императивным нормам страны суда. Для выделения этих норм из всего блока императивных норм позитивного права Ф. К. Савиньи привел их характеристики: специальные строго позитивные императивные нормы должны быть основаны на *целях, соображениях публичного блага (publica utilitas)*, имеющих *политический, социальный или экономический характер*⁴.

Таким образом, ученый из всего многообразия императивных норм выделил важнейшие для государства императивные нормы, которым судья обязан следовать даже тогда, когда коллизионная норма указывает на применение иностранного права. Следует отметить, что односторонние коллизионные нормы и образованные из них двусторонние императивные коллизионные нормы изначально вытекают из целей публичного блага, из важнейших публичных интересов государства (например, закон места нахождения вещи и др.).

При нехватке подобных норм либо при получении результата, несовместимого с публичным порядком при применении коллизионных норм, судья должен обращаться к указанным Ф. К. Савиньи важнейшим строго позитивным (сверхимперативным) материальным нормам, не рассчитанным специально на трансграничный случай. В содержании этих норм отсутствует иностранный элемент, они основаны на соображениях общего, публичного интереса, имеющего политический, экономический или социальный характер. Указанные сверхимперативные материальные нормы Л. Раапе назвал «скрытыми коллизионными нормами»⁵.

Второй случай — неизвестные и (или) аморальные иностранные правовые институты, не могущие в силу этого получить правовую защиту в стране суда⁶. Неизвестные и (или) аморальные иностранные правовые институты — это институты, в отношении которых никаких норм в писаном (позитивном) праве страны суда попросту нет. В связи с этим для вытеснения неизвестных и аморальных иностранных правовых институтов судья обязан применять неписанные социальные нормы — нормы добрых нравов (нормы морали, обычаев, традиций и т.д.).

³ *Savigny F. C. von.* Op. cit. S. 33. Великий ученый оказался провидцем — неубедительное установление исключений из коллизионного регулирования в Римской конвенции 1980 г., как будет показано ниже, привело к непризнанию этих исключений целым рядом стран.

⁴ «Если закон нашего государства исключает полигамию, наш судья также должен отказать в правовой защите полигамному браку тем иностранцам, чье национальное законодательство его разрешает» (*Savigny F. C. von.* Op. cit. S. 36).

⁵ *Raape L.* Международное частное право. М. : Иностранная литература, 1960. С. 103.

⁶ Рабство, отмечал Ф. К. Савиньи, — институт неизвестный и аморальный немецкому праву. Гражданская смерть по французскому или российскому праву — неизвестный, но не аморальный институт (*Savigny F. C. von.* Op. cit. S. 37—38).

Таким образом, защитный правовой арсенал, используемый судьей для вытеснения иностранного права, в первом случае — сверхимперативные материальные нормы, во втором случае — нормы добрых нравов.

Германское гражданское уложение сохранило концепцию Ф. К. Савиньи о двух исключительных случаях вытеснения иностранного права. В статье 30 Вводного закона к ГГУ (1896—1986) были установлены *два ограничения принципа правил коллизии*, определенные ученым: «Применение иностранных законов исключается, если их применение противоречило бы добрым нравам или цели германского закона». Эти два ограничения действовали только тогда, когда «иностранное нормы могли породить последствия, не совместимые с целью, которую преследует германская юридическая норма», либо тогда, когда «иностранное нормы в случаях их применения порождали последствия противные добрым нравам»⁷.

Таким образом, оба эти исключения из коллизионного регулирования срабатывали *только по последствиям*, не совместимым с интересами германского публичного порядка. Автор известных в МЧП афоризмов Лео Раапе дал образные, яркие названия двум исключениям Ф. К. Савиньи, закрепленным в ст. 30 Вводного закона к ГГУ. Та часть ст. 30, «которая отвергает иностранную правовую норму по признаку ее противоречия цели германского закона» в силу того, что она опирается на наше позитивное право, была названа Л. Раапе позитивной (нем. *positiv*), или наступательной, оговоркой; другая часть ст. 30, исключающая применение аморального иностранного закона ввиду противоречия его добрым нравам, — оборонительной, или негативной» (нем. *negativ* — отрицательной), оговоркой⁸. С легкой руки Л. Раапе указанные названия-метафоры прижились и вошли в теорию международного частного права в качестве позитивной и негативной оговорок⁹.

II. Попытки опровергнуть указанные Ф. К. Савиньи два исключения, вытесняющие иностранное право

Попытки опровергнуть указанные Ф. К. Савиньи два исключения, вытесняющие иностранное право, появились после закрепления в Римской конвенции «О праве, применимом к контрактным обязательствам» (1980), помимо ст. 16 («Публичный порядок»), также ст. 7 («Императивные нормы»). Возникшая сразу же в ученом мире дискуссия основывалась главным образом на разделении механизма защиты публичного порядка на эти две статьи¹⁰ и стала возможна только по одной

⁷ Цит. по: *Вольф М.* Международное частное право. М.: Иностранная литература, 1948. С. 98—99.

⁸ *Раапе Л. С.* Указ. соч. 98—99.

⁹ В российской правоприменительной практике указано, что защитные средства ст. 1193 ГК РФ (негативная оговорка) включают основы морали, главные религиозные постулаты, традиции, сформировавшие российское гражданское общество.

¹⁰ Такая законодательная техника позволила одной группе ученых считать, что публичный порядок, «являющийся выражением самых общих морально-этических, социально-экономических и политических принципов, лежащих в основе правовой системы государства» сохранился только в ст. 16 Римской конвенции, содержащей оговорку о публичном

причине — в ст. 7 (1) Конвенции отсутствовали признаки императивных норм, определенные Ф. К. Савиньи (соображения публичного блага, имеющие политический, социальный или экономический характер). Отсутствие в ст. 7 (1) Римской конвенции (1980) признаков сверхимперативных норм, указанных Ф. К. Савиньи, фактически открыло путь применения в рамках этой статьи любых имеющихся в законодательстве императивных норм.

Основной недостаток новой теории заключался в том, что ее приверженцы (Т. G. Guedj, Y. Loussouran, P. Bourel и др.), помимо обоснованных Ф. К. Савиньи двух исключений иностранного права, защищающих важнейшие ценности публичного порядка страны суда, соорудили еще одно — *третье исключение*, «направленное на достижение конкретных целей и результатов более “низкого”, оперативного уровня значимости». Такая трактовка ст. 7 (1) Римской конвенции (1980) привела к увеличению числа случаев вытеснения иностранного права, т.е. к ситуации, о которой предупреждал Ф. К. Савиньи, — к непризнанию сторонами неубедительных исключений из коллизионного регулирования¹¹.

Окончательная точка в споре была поставлена Генеральным адвокатом Суда ЕС М. Шпунаром в заключении по делу C-135/15 (Греческая Республика v. Григориос Никифоридис) от 20.04.2016. Суд ЕС указал на то, что ст. 7 (1) Римской конвенции (1980), касающаяся императивных норм, имеющих преимущественную силу в иностранных государствах, была новаторским положением, но весьма спорным. В пункте 68 заключения (Overriding mandatory provisions and public policy) отмечено, что «пристальное изучение происхождения преобладающих императивных положений показывает очень тесную их связь с идеей защиты в оговорке о публичном порядке».

В этом отношении, отметил М. Шпунар, достаточно сослаться на вывод, сделанный Ф. К. Савиньи. Тем самым Суд ЕС подтвердил и позицию стран, отказавшихся от применения ст. 7 (1) Римской конвенции, и точку зрения известных ученых старой школы — Г. К. Дмитриевой, D. Kokkini-Iatridou, P. Lalive, G. Parra-Aranguren, M. Rubino-Sammartano и др., придерживающихся сложившегося со времен Ф. К. Савиньи взгляда на защитные оговорки о публичном порядке¹².

порядке, а императивные нормы ст. 7 Конвенции (в российской доктрине — сверхимперативные нормы, нормы непосредственного применения) «направлены на достижение конкретных целей и результатов более “низкого”, оперативного уровня значимости для соответствующего государства», «безразличны» к содержанию иностранного права (Guedj T. G.), не требуют анализа последствий применения иностранного права» (Loussouran Y., Bourel P.). (Жильцов А. Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 61—65).

¹¹ Ряд ведущих стран ЕС (ФРГ, Великобритания, Португалия и др.), указав на «неточность» ст. 7 (1), «приводящую к чрезмерным дискреционным полномочиям», использовали оговорку ст. 22 (1) относительно неприменения ст. 7 (1) Римской конвенции (Opinion of Advocate General Szpunar delivered on 20 April 2016. Republik Griechenland v Grigorios Nikiforidis. Request for a preliminary ruling from the Bundesarbeitsgericht. (79). C-135/15) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a62015cc0135> (дата обращения: 09.06.2023)).

¹² Заключение Генерального адвоката Суда Европейского союза М. Шпунара по указанному делу было подтверждено решением Большой палаты Суда ЕС 18.10.2016 (п. 6,

Таким образом, возникшая в Европе новомодная теория о третьем исключении из коллизионного регулирования прекратила свое существование там же по решению Суда ЕС¹³ (далее — Решение). В целом указанное Решение Суда ЕС в заключении по делу C-135/15 можно свести к двум важнейшим постулатам.

Во-первых, публичный порядок в соответствии с концепцией Ф. К. Савиньи защищается с помощью позитивной и негативной оговорок, основанных на одних и тех же соображениях публичного интереса, указанных в п. (37) преамбулы и п. 1 ст. 9 Регламента «Рим I» (п. 68 Решения). Этот вывод Суда ЕС полностью нивелирует точку зрения (Т. G. Guedj, Y. Loussouran, P. Vourel и др.), по которой только оговорка о публичном порядке (негативная оговорка) направлена на защиту фундаментальных интересов и ценностей, на которых основывается жизнь государства, а оговорка о сверхимперативных нормах (позитивная оговорка) может на них не основываться.

Во-вторых, нельзя априори составить каталог сверхимперативных норм (преобладающих императивных положений). Сфера применения таких положений не вытекает непосредственно из их формулировок. Это означает, что суд, решающий конкретное дело, решает их применить не заранее, т.е. до определения применимого права, выбирая их из каталога (перечня) сверхимперативных норм, а с учетом каждого конкретного случая (п. 72, 73 Решения). Указанный Судом ЕС вывод отвергает точку зрения (Y. Loussouran, P. Vourel и др.), согласно которой обращение к сверхимперативным нормам происходит еще до того, как будет установлен компетентный правопорядок. Попытки дать перечень (каталог) сверхимперативных норм и в отечественной (Л. А. Лунц), и в зарубежной доктрине «признавались наивными»¹⁴. По этой же причине, как указывалось выше, в немецкой доктрине Л. Раапе называет сверхимперативные нормы «скрытыми коллизионными нормами»¹⁵.

III. Влияние голландской школы на современное международное частное право России

Установленные в п. 1 ст. 9 Регламента ЕС «Рим I» (2008) признаки сверхимперативных норм, указанные Ф. К. Савиньи, получили закрепление в европейском законодательстве по международному частному праву. Первым правовым актом, закрепившим данное положение, был Гражданский кодекс Нидерландов, книга 10 «Международное частное право» (Закон от 19.05.2011). Этот правовой акт был разработан под руководством заместителя председателя Верховного суда Нидер-

41, 43). Document 62015CJ0135. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 18 October 2016. Republik Griechenland v. Grigorios Nikiforidis. Case C-135/15). См.: *Edoardo Avato, Matteo Winkler*. Reinforcing the Public Law Taboo: A Note on Hellenic Republic v Nikiforidis // *European Law Review*, 2018, 43(4). P. 569—582 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3251352 (дата обращения: 09.06.2023).

¹³ Opinion of Advocate General Szpunar delivered on 20 April 2016. (4).

¹⁴ Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. М., 2002. С. 271.

¹⁵ Раапе Л. Указ. соч. С. 103.

ландов и королевского комиссара по подготовке ГК Нидерландов В. Снайдерса (Wouter Snijders; 1928—2020).

Значение вклада В. Снайдерса не только в голландское, но и в российское гражданское право сложно переоценить. Руководитель рабочей группы по подготовке проекта ГК РФ А. Л. Маковский (1930—2020) отмечал, что разработка российского Гражданского кодекса на протяжении почти 15 лет проходила в постоянных консультациях с голландскими коллегами, главную роль среди которых играл судья В. Снайдерс¹⁶. Книга 10 «Международное частное право» ГК Нидерландов была принята в 2011 г., т.е. значительно позже раздела VI ГК РФ («Международное частное право»). В рамках темы данного исследования особого внимания заслуживает ст. 10:7 ГК Нидерландов «Применение преобладающих императивных положений», установившая в трех пунктах:

— понятие сверхимперативных норм (преобладающих императивных положений), базирующихся на защите публичных интересов государства, определяющих его политическую, социальную или экономическую организацию;

— механизм применения сверхимперативных норм Нидерландов, основанный на сравнении этих норм с правом, к которому отсылает коллизионная норма (иностранное право игнорируется в той мере, в какой результат (последствия) применения иностранной правовой нормы может нанести ущерб публичным интересам Нидерландов);

— общую формулу применения сверхимперативных норм, тесно связанных с отношением (принимаются во внимание характер и цель этих положений, а также последствия, которые могут возникнуть в результате применения или неприменения этих положений)¹⁷.

Правила о сверхимперативных нормах в современном европейском законодательстве по международному частному праву построены по образцу, предложенному в ст. 10:7 ГК Нидерландов. Определение сверхимперативных норм в этом законодательстве базируется на публичных интересах, закрепляющих три фундаментальные основы организации государства: политическую, социальную и экономическую, т.е. на признаках, установленных Ф. К. Савиньи¹⁸.

Сравнительный анализ формулировок о сверхимперативных нормах законодательства России и более позднего законодательства Нидерландов, послужившего образцом для ряда стран, показывает два основных отличия:

¹⁶ «Сегодня во многих десятках, а то и сотнях статей российского ГК, можно при желании найти отзвук добрых и ценных советов наших голландских друзей. Особенно важной для нас оказалась помощь голландских юристов в той части пути, которая была новой и малоизвестной для кодификации гражданского права не только России, но и самих Нидерландов и других стран. Речь идет о включении в российский ГК международного частного права (раздел VI)» (Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922—2006). М. : Статут, 2010).

¹⁷ Dutch Civil Code // URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook01010.htm> (дата обращения: 09.06. 2023).

¹⁸ См.: Закон о МЧП Черногории (2013). Ст. 10 ; Закон о МЧП Хорватии (2017). Ст. 13 ; Закон о МЧП Северной Македонии (2020). Ст. 13 ; проект закона о МЧП Сербии (2014). Ст. 40.

1) статья 1992 ГК РФ (в отличие от ст. 10:7 ГК Нидерландов) не дает как легального определения сверхимперативных норм, так и механизма применения сверхимперативных норм РФ, основанного на сравнении их с правом, к которому отсылает коллизионная норма;

2) и в ГК Нидерландов, и в другом современном европейском законодательстве по МЧП нет разделения сверхимперативных норм на две группы, как в п. 1 ст. 1192 ГК РФ, где к первой группе относятся конкретные императивные материальные нормы, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях прямо указано законодателем, а ко второй группе — нормы, сверхимперативность которых для указанных отношений определяет уже не законодатель, а правоприменитель¹⁹.

Европейский законодатель в соответствии с учением Ф. К. Савиньи относит к специальным строго позитивным императивным нормам (сверхимперативным нормам), не входящим в «коллизионный принцип» (коллизионное регулирование), только те нормы, которые определяет суд в каждом конкретном случае. Формулировки этих сверхимперативных норм не рассчитаны законодателем специально на трансграничный случай, иностранный элемент в них отсутствует.

Что же это за императивные материальные нормы, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях (отношениях с иностранным элементом), прямо указано законодателем в п. 1 ст. 1192 ГК РФ? Почему такой вид сверхимперативных материальных норм не установлен в зарубежном законодательстве? В отечественной доктрине и практике в качестве наиболее яркого примера сверхимперативной материальной нормы (нормы непосредственного применения), специально установленной законодателем для трансграничного случая, указывается материальная норма п. 2 в ст. 414 КТМ РФ²⁰.

В данном случае материальная по форме норма фигурирует в статье с коллизионным названием. Это материальная или коллизионная норма? Как отделить коллизионную норму от нормы материально-правовой? Ответ на этот вопрос дается и в зарубежной (Э. Цительман, Л. Раапе²¹), и в отечественной (В. М. Корецкий, В. П. Звеков²²) доктрине. В. М. Корецкий, ссылаясь на Э. Цительмана, указывает: «Для установления разграничения между материальным правом и конфликтным необходимо обращаться не к непосредственному содержанию

¹⁹ Развернутую характеристику этих двух групп сверхимперативных норм в отечественной доктрине дает, в частности, В. А. Канашевский. (Канашевский В. А. Международное частное право : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Международные отношения, 2019. С. 152—171).

²⁰ Например, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» установлено: «В силу прямого указания закона к числу норм непосредственного применения относятся положения пункта 2 статьи 414 КТМ РФ».

²¹ Комментируя абзац II ст. 7 Вводного закона к ГГУ (редакция 1957 года), Л. Раапе отмечает, что коллизионная норма всегда «имеет в виду “пограничный” случай и решает последний путем указания правопорядка, который подлежит здесь применению» (Раапе Л. Международное частное право. С. 16, 570).

²² Звеков В. П. Международное частное право : курс лекций— М., 1999. С. 29.

нормы и не к форме ее выражения, а исключительно к цели, которую преследует норма. Если норма имеет целью определить прежде всего границы господства собственного права, она коллизионная норма; если же норма применяется в силу уже существующей другой нормы таким образом, что разграничение господства уже дано, она — норма материального права».

Случаи переплетения материально-правовых и конфликтных приемов в одной норме, отмечает В. М. Корецкий, происходят по той причине, что «различие видят не в регулируемых этими нормами отношениях, а только в приемах регулирования, неудивительно, что законодатель при регулировании одних и тех же отношений не всегда выдерживает логическую чистоту расщепленных технических приемов»²³.

Таким образом, правило п. 2 ст. 414 КТМ РФ является ярким примером, когда «законодатель при регулировании одних и тех же отношений в этой норме не выдержал логическую чистоту расщепленных технических приемов». Во-первых, *коллизионная цель* прямо заявлена в названии ст. 414 КТМ «Определение права, подлежащего применению...». Во-вторых, не только название статьи, но и сама формулировка правила п. 2 ст. 414 КТМ свидетельствует о том, что это коллизионная норма, т.е. норма, рассчитанная на трансграничный (пограничный, по Л. Раапе) случай.

Материально-правовой формат нормы п. 2 ст. 414 КТМ без ущерба ее содержанию можно переформулировать в формат коллизионный²⁴. Следует отметить, что не только норма п. 2 ст. 414 КТМ РФ, но и другие сформулированные подобным образом нормы, относящиеся «в силу прямого указания закона к числу норм непосредственного применения», имеют коллизионный характер.

Таким образом, специально установленные в законодательстве нормы трансграничного (пограничного) характера, т.е. нормы, указывающие, во-первых, на наличие иностранного элемента и, во-вторых, имеющие целью определить прежде всего границы господства собственного права, являются по этим двум признакам нормами коллизионными, несмотря на юридическую технику.

По уже сложившейся в России традиции в качестве образца (эталона) закрепления сверхимперативных норм можно использовать правила, установленные в трех пунктах ст. 10:7 ГК Нидерландов. Эти правила должны учитывать и отечественную специфику. В частности, понятие сверхимперативных норм с учетом определения Конституционным Судом РФ важнейших публичных интересов как

²³ Корецкий В. М. Очерки международного хозяйственного права. Харьков, 1928. С. 93.

²⁴ Например: «Стороны договора, предусмотренного настоящим Кодексом, могут при заключении договора или в последующем *выбрать по соглашению между собой только такое право*, которое не может повлечь за собой устранение или уменьшение ответственности, которую в соответствии с настоящим Кодексом перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки». Либо: «Если согласованное сторонами право может повлечь за собой устранение или уменьшение ответственности, которую в соответствии с настоящим Кодексом перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки, *применяется российское право*».

конституционно значимых ценностей (п. 3 ст. 55 Конституции РФ) может быть сформулировано следующим образом: «Сверхимперативные нормы — императивные нормы законодательства РФ, имеющие своей основной целью защиту публичных интересов (конституционно значимых ценностей), обеспечивающих фундаментальные политические, социальные или экономические основы государства и в связи с этим применяемые к любым отношениям, подпадающим под их действие, независимо от подлежащего применению права».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вольф М.* Международное частное право. — М., 1948. — 702 с.
2. *Раале Л.* Международное частное право. — М. : Иностранная литература, 1960. — 607 с.
3. *Savigny F. C. von.* System des heutigen Römischen Rechts. — Bd. 8. — Berlin, 1849. — 540 s.

**Ангелина Олеговна
КРЫЛЕПОВА,**

ассистент кафедры
международного
частного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

aokrylepova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Соотношение экстерриториальной охраны исключительных прав на товарные знаки с охраной прав на доменные имена¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения охраны исключительных прав на товарные знаки, обладающей экстерриториальным потенциалом, с охраной прав на доменные имена, также не ограниченной географическими пределами государств. Автор анализирует соотношение международного и национального регулирования охраны прав на товарные знаки с регламентацией прав на доменные имена. В статье отмечается, что доменное имя до настоящего времени не является самостоятельным средством индивидуализации. Автор прогнозирует возможность дальнейшего отнесения доменных имен к средствам индивидуализации посредством принятия соответствующих норм на национальном и международных уровнях. В статье делается вывод о том, что в отсутствие международного договора об охране прав на доменные имена и ее соотношении с охраной прав на другие средства индивидуализации применимы положения статьи 10 bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. о защите от недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: товарные знаки, доменные имена, средства индивидуализации, экстерриториальная охрана, международный договор, право интеллектуальной собственности, применимое право, юрисдикция.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.138-146

Angelina O. KRYLEPOVA,

Assistant of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

okrylepova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Correlation of extraterritorial protection of exclusive rights to trademarks with protection of rights to domain names

Abstract. The article deals with the problem of the protection of exclusive rights to trademarks, which has an extraterritorial potential, with the protection of rights to domain names, also not limited by the geographical boundaries of states. The author analyzes the correlation of international and national regulation of

trademark protection with the regulation of domain name rights. The article notes that a domain name is still not an independent means of individualization. The author predicts the possibility of further attribution of domain names to means of individualization through the adoption of appropriate norms at the national and international levels. The article concludes that in the absence of an international treaty on the protection of rights to domain names and its relationship with the protection of rights to other means of individualization, the provisions of article 10 bis of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 1883 on protection against unfair competition have significant potential.

Keywords: *trademarks, domain names, means of individualization, extra-territorial protection, international treaty, intellectual property law, applicable law, jurisdiction.*

Товарный знак (изобразительное, словесное, комбинированное и (или) иное обозначение, наделяющее различительным свойством товары и услуги) является средством индивидуализации, имеющим продолжительную историю становления и развития.

Стремление предпринимателей идентифицировать производимую ими продукцию способствовало формированию системы охраны исключительных прав на товарные знаки на национальном, региональном и международном уровнях. Примерами международных договоров и нормативных правовых актов, закрепляющих нормы об охране исключительных прав на товарные знаки, могут служить Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1891 г., Договор о законах по товарным знакам (TLT) 1994 г., Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза 2020 г., Гражданский кодекс РФ 1994 г., Кодекс интеллектуальной собственности Франции 1992 г., Закон Германии «Об охране товарных знаков и других обозначений» 1994 г. и др.

Следует отметить, что в международном праве промышленной собственности преобладает территориальный подход к охране исключительных прав на товарные знаки. Вместе с тем отдельные положения международных договоров и национального законодательства позволяют сделать вывод о частичном преодолении территориального принципа. Так, например, согласно п. 3 ст. 6 Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1891 г. правовая охрана, полученная на основании международной регистрации знаков, не может испрашиваться, если до истечения 5 лет с момента международной регистрации базовая регистрация или базовая (национальная) заявка была отозвана, признана недействительной и т.п.

Указанное положение (наряду с другими проявлениями преодоления территориального принципа²) свидетельствует об экстерриториальном действии охраны исключительных прав на товарный знак, способствуя расширению сферы действия

² По вопросу преодоления территориального принципа при охране исключительных прав на товарные знаки см.: Крылепова А. О. Механизмы экстерриториальной охраны товар-

норм об отозванной или недействительной заявке на регистрацию товарного знака до пределов территорий всех государств — участников Мадридского союза.

Товарный знак является не единственным средством, позволяющим индивидуализировать производимые товары и услуги. За последние десятилетия стремительное развитие отношений в сети Интернет обусловило появление такого способа идентификации товаров и услуг, как включение наименования производителя, продавца, исполнителя либо другого лица в доменное имя. Под доменным именем (доменом) понимается наименование сайта, его адрес в сети Интернет.

Следует отметить, что любое доменное имя состоит как минимум из двух частей. Доменом первого уровня (доменной зоной) является правая часть домена после точки. Данный параметр может задавать исключительно ICANN — Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (англ. — Internet Corporation for Assigned Names and Numbers). Выделяют географические (.RU — Россия, .EU — Европейский Союз и т.п.) и тематические домены первого уровня (.COM. — домен, используемый в коммерческой сфере, и т.п.). Домен второго уровня — левая часть доменного имени до точки, представляющая собой комбинацию символов, которую создает правообладатель при регистрации интернет-сайта (rg.ru, vk.com и т.п.). Как правило, именно домен второго уровня обладает индивидуализирующим свойством.

Распространенное использование доменных имен для целей идентификации товаров и услуг обуславливает возникновение многочисленных судебных споров, связанных с использованием в доменном имени словесных обозначений, сходных с охраняемыми средствами индивидуализации, и прежде всего с товарными знаками³.

Недобросовестное использование товарных знаков в доменных именах привело к появлению понятия «киберсквоттинг» (от англ. — cybersquatting), означающего регистрацию доменных имен, совпадающих или сходных до степени смешения со средствами индивидуализации других лиц, с целью их дальнейшей перепродажи законным владельцам данных средств индивидуализации или использования для других целей⁴.

В доктрине выделяют три варианта поведения, которое может быть отнесено к киберсквоттингу: регистрация доменного имени, аналогичного существующему товарному знаку; «тайпосквоттинг» (typosquatting), предполагающий регистрацию измененных товарных знаков в расчете на неправильное написание товарного знака интернет-пользователем; перехват продления (renewal snatching, extension exaggeration, alert angling), означающий покупку доменного имени сразу по истечении срока регистрации, полученной первоначальным правообладателем⁵.

ных знаков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия : Экономика и право. 2020. № 11–2. С. 79–84.

³ Бобров М. Е. Средства индивидуализации товаров, работ и услуг как объекты интеллектуальных прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 164.

⁴ Тарасевич К. А. Киберсквоттинг как фактор воздействия на деловую репутацию юридического лица // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 1 (63). С. 111.

⁵ Сухарева А. Е., Туркин Р. Э. Сравнительное исследование механизмов защиты от киберсквоттинга в России и США // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 16. С. 84.

Учитывая, что отношения в сфере охраны прав на доменные имена возникают в сети Интернет, не имеющей географических пределов, такая охрана должна предоставляться экстерриториально, т.е. независимо от государства регистрации и места, где произошло нарушение прав или возникло спорное отношение. Как отмечает А. В. Бережная, охрана доменных имен имеет экстерриториальный характер, поскольку регистрация доменного имени в одном государстве не позволяет зарегистрировать идентичное доменное имя в другом государстве⁶.

В Российской Федерации определение понятия «доменное имя» содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷. Согласно российскому законодательству, доменные имена не включены в систему средств индивидуализации.

Вместе с тем в соответствии с пп. 5 п. 2 ст. 1484 ГК РФ исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности, путем размещения товарного знака в сети Интернет, в том числе в доменном имени. Данная норма гражданского законодательства позволяет правообладателям товарных знаков испрашивать охрану своих обозначений, используемых в доменных именах другими лицами.

Индивидуализирующее свойство доменного имени подчеркивается в том числе в практике высших судов. Так, например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.01.2001 отмечено следующее: «Доменные имена фактически трансформировались в средство, выполняющее функцию товарного знака, который дает возможность отличать товары и услуги одних... лиц от однородных товаров и услуг других... лиц»⁸.

Данное свойство доменного имени подтверждается и в иностранной правоприменительной практике. В 2020 г. Апелляционный суд США вынес решение по спору между сервисом бронирования отелей Booking.com и Национальным ведомством Соединенных Штатов по патентам и товарным знакам (USPTO). Представители патентного ведомства утверждали, что само слово booking является общеупотребимым словом, в переводе означающим «бронирование», следовательно, товарный знак Booking.com не подлежит регистрации. Однако Апелляционный суд США указал, что прибавление наименования домена верхнего уровня к словарному слову создает уникальное обозначение, подлежащее регистрации в USPTO в качестве товарного знака⁹.

⁶ Бережная А. В. Конфликт прав на доменное имя и товарный знак // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 823.

⁷ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁸ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по делу № А40-25314/99-15-271 от 16.01.2001 // URL: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/227228/> (дата обращения: 27.03.2022).

⁹ Постановление Апелляционного суда США от 30.06.2020 по делу № 19-46 // URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/19-46_8n59.pdf (дата обращения: 19.06.2022).

В судебной практике отсутствуют единые подходы к разрешению споров между правообладателями товарных знаков и владельцами доменных имен¹⁰. Особенно актуальной является данная проблема в спорах с участием иностранных правообладателей.

Суды при рассмотрении подобных споров в отдельных случаях руководствуются положениями международных договоров, в том числе нормами Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. Например, в деле № А56-46111/2003 российские правообладатели товарного знака обратились с заявлением о признании их права пользования доменным именем *denso.com*, используемым иностранным правообладателем. Суд первой инстанции квалифицировал действия организации по регистрации доменного имени как акт недобросовестной конкуренции, который, согласно статье 10 bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., способен вызывать смешение в отношении обозначений.

Применение судом положений Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. в деле о правах на доменное имя (в котором использовалось обозначение, совпадающее с зарегистрированным товарным знаком) свидетельствует об эффективности международных конвенций по вопросам права промышленной собственности при охране товарных знаков в доменных именах и постепенном преодолении территориальности в правовой охране товарных знаков в киберпространстве.

Кроме того, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, рассматривая жалобу по вышеуказанному делу отметил, что для установления содержания честных обычаев при регистрации доменных имен в зоне *.com* могут использоваться положения Единообразной политики по разрешению споров в связи с доменными именами (UDRP) и Правила по единообразной политике разрешения споров в связи с доменными именами (UDRP), принятые организацией ICANN, на основании которых регистрация доменного имени может быть аннулирована, если будет доказано, что доменное имя идентично или сходно до степени смешения с товарным знаком третьего лица¹¹.

Упомянутая международная административная процедура рассмотрения доменных споров UDRP (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy) была разработана Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) и принята организацией ICANN в 1999 г.¹² Следует отметить, что Единообразная политика по разрешению споров в связи с доменными именами (UDRP) также способствует экстерриториальной охране исключительных прав на товарные знаки в соотношении с охраной прав на доменные имена в силу ст. 4 Политики, согласно которой обязательное административное разбирательство проводится в соответствии с указанной Политикой в случае, если истец заявляет о том, что

¹⁰ *Пермякова Н. А.* Доменные имена и товарные знаки: вопросы правоприменительной практики // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 2 (27). С. 26.

¹¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.11.2008 № 5560/08 // СПС «Гарант» (дата обращения: 19.06.2022).

¹² *Терентьева Л. В.* Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 126.

спорное доменное имя идентично или сходно до степени смешения с товарным знаком или знаком обслуживания, права на которые имеются у истца¹³.

Документы ICANN определяют статус правообладателя ряда доменных имен (.COM, .NET, .ORG, .BIZ, .INFO и др.). Споры в отношении указанных доменных имен могут рассматриваться как в государственных судебных органах, так и в негосударственных арбитражных учреждениях, аккредитованных организацией ICANN. Данные учреждения рассматривают дела на основании оговорок, закрепленных в регистрационных соглашениях между регистраторами и администраторами соответствующих доменных имен¹⁴.

Указание суда в рассмотренном ранее деле № А56-46111/2003 на возможность использования правил проведения внесудебной процедуры UDRP в спорах с участием российских правообладателей в качестве обычая, как отмечает Л. В. Терентьева, явилось предметом критики со стороны юридического сообщества, поскольку до настоящего времени данные положения о рассмотрении споров в отношении доменных имен не являются устоявшимися и не оформлены в виде письменного кодифицированного документа¹⁵.

Помимо Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. и документов ICANN судебные органы в спорах об использовании товарных знаков в доменных именах применяют положения Мадридского соглашения о международной регистрации знаков 1891 г. и Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1989 г. в случаях, если охрана товарному знаку была предоставлена на основании международной регистрации.

Например, в постановлении от 18.05.2011 по делу № 18012/10 Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ по спору о защите исключительных прав на товарный знак путем запрета ответчику использовать товарный знак MUMM, принадлежащий истцу, в доменном имени mumt.ru признал право истца требовать защиты нарушенных прав на товарный знак на основании международной регистрации в силу Мадридского соглашения о международной регистрации знаков 1891 г. и Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1989 г.¹⁶

Использование общеизвестных средств индивидуализации в доменных именах, зарегистрированных на имя других правообладателей, способно послужить причиной введения потребителей в заблуждение. Так, например, окружной суд штата Иллинойс, США, в деле *Intermatic Inc. v. Тoеррен* указал, что использование известного товарного знака в доменном имени другой организацией приводит

¹³ Официальный сайт Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN). URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁴ Терентьева Л. В. Правовая природа арбитражных центров, рассматривающих споры по процедуре UDRP // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 133.

¹⁵ Терентьева Л. В. Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP. С. 128.

¹⁶ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.05.2011 по делу № 18012/10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2022).

к «размыванию» различительной способности товарного знака, независимо от наличия или отсутствия конкуренции между двумя организациями¹⁷.

Тем не менее, несмотря на индивидуализирующее свойство доменных имен, судебные органы подчеркивают, что домены до настоящего времени не являются самостоятельными средствами индивидуализации.

Суд по интеллектуальным правам в постановлении № А40-119557/2018 отметил, что перечень объектов интеллектуальной собственности является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. В постановлении делается вывод о том, что нижестоящие суды при рассмотрении дела необоснованно придали правовое значение дате регистрации спорного доменного имени по отношению к дате приоритета товарного знака¹⁸.

Указанная позиция также нашла подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому к числу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации не отнесены доменные имена¹⁹.

Одним из доводов, аргументирующих невозможность отнесения доменных имен к перечню средств индивидуализации, является то обстоятельство, что доменное имя не обладает различительной способностью, поскольку индивидуализирует не товар или услугу, а интернет-сайт²⁰.

Вместе с тем представляется целесообразным сделать вывод о возможности дальнейшего отнесения доменных имен к средствам индивидуализации путем включения соответствующих норм в национальное законодательство государств и международные договоры по ряду следующих причин:

1) доменные имена, используемые для целей торговли товарами и услугами, могут идентифицировать не только интернет-сайты, но и сами товары и услуги, поскольку их использование позволяет потребителю отличать товары/услуги одного производителя от аналогичных товаров/услуг другого производителя;

2) доменное имя может совпадать со словесным обозначением товарного знака (или иного средства индивидуализации), что может вводить потребителя в заблуждение;

¹⁷ *Intermatic incorporated v. Dennis Toeppen*. No. 96 C 1982. United States District Court, N.D. Illinois, Eastern Division. Nov. 26, 1996 // URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/6/domennoe_imya_i_intellektualnaya_sobstvennost#_ftn1 (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.03.2019 по делу № А40-119557/2018 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/db259197-5b48-4829-a751-720dec211131/5dcd0ae6-8ca3-4736-9ee8-c7c51b26934c/A40-119557-2018_20190325resheniya_i_postanovleniya.pdf?isaddstamp=true (дата обращения: 19.06.2022).

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://rg.ru/documents/2019/05/06/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 20.06.2023).

²⁰ *Сысоева А.* Доменное имя и интеллектуальная собственность // URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/6/domennoe_imya_i_intellektualnaya_sobstvennost (дата обращения: 20.06.2023).

3) доменные имена подлежат обязательной регистрации, что характерно для объектов права промышленной собственности, в том числе для средств индивидуализации, таких как товарные знаки, географические указания и наименования мест происхождения товаров (в отличие от объектов авторских прав);

4) в законодательстве создана правовая основа для сосуществования систем охраны прав на товарные знаки и географические указания с системой охраны прав на доменные имена (ст. 1484, 1519 ГК РФ). Указанные нормы являются предпосылкой для дальнейшего установления приоритета по дате подачи заявки на регистрацию доменного имени, что будет влиять на предоставление охраны другим средствам индивидуализации, сходным с доменным именем;

5) правоприменительные органы при рассмотрении споров в отношении доменных имен используют положения международных договоров по вопросам охраны прав на промышленную собственность, таких как Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. и Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1989 г.

В литературе отмечается, что включение доменного имени в перечень средств индивидуализации может способствовать контролю за количеством сайтов-двойников, что будет иметь положительный экономический эффект для правообладателей, а также препятствовать введению потребителей в заблуждение²¹.

Учитывая, что широко применяемые в настоящее время Единая политика по разрешению споров в связи с доменными именами (UDRP) и Правила по единообразной политике разрешения споров в связи с доменными именами (UDRP) не обладают юридической силой международных договоров, целесообразно спрогнозировать возможность принятия международного договора, включающего в себя общеобязательные положения об охране прав на доменные имена, их соотношении с охраной прав на другие средства индивидуализации, а также нормы об определении применимого права и установлении юрисдикции по спорам о доменных именах.

В отсутствие подобного международного договора в настоящее время значительным потенциалом при рассмотрении споров в отношении доменных имен, сходных с товарными знаками, обладают положения ст. 10 bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. о защите от недобросовестной конкуренции.

Таким образом, несмотря на то, что доменное имя до настоящего времени не является самостоятельным средством индивидуализации, использование товарных знаков в доменных именах другими лицами (в том числе иностранными правообладателями) может быть оспорено правообладателями таких знаков. В подобных спорах могут применяться как нормы национального законодательства, так и нормы международного права и международные обычаи.

Не исключается возможность дальнейшего принятия международного договора, включающего в себя положения об охране прав на доменные имена, об определении применимого права и установлении юрисдикции по спорам о доменных именах.

²¹ Жигулина Д. М., Кротов М. С. Доменное имя как средство индивидуализации // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 273.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бережная А. В.* Конфликт прав на доменное имя и товарный знак // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 15. — С. 820—833.
2. *Бобров А. Г.* Механизм и практика регистрационной защиты товарного знака в европейском сообществе // Наука и современность. — 2010. — № 5—3. — С. 271—275.
3. *Жигулина Д. М., Кротов М. С.* Доменное имя как средство индивидуализации // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 17. — С. 267—275.
4. *Пермякова Н. А.* Доменные имена и товарные знаки: вопросы правоприменительной практики // Сибирское юридическое обозрение. — 2015. — № 2 (27). — С. 26—28.
5. *Сухарева А. Е., Туркин Р. Э.* Сравнительное исследование механизмов защиты от киберсквоттинга в России и США // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2017. — № 16. — С. 84—94.
6. *Сысоева А.* Доменное имя и интеллектуальная собственность // URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/6/domennoe_imya_i_intellektualnaya_sobstvennost (дата обращения: 20.06.2023).
7. *Тарасевич К. А.* Киберсквоттинг как фактор воздействия на деловую репутацию юридического лица // Ленинградский юридический журнал. — 2021. — № 1 (63). — С. 108—119.
8. *Терентьева Л. В.* Правовая природа арбитражных центров, рассматривающих споры по процедуре UDRP // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 131—149.
9. *Терентьева Л. В.* Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 4.

О развитии международных стандартов раскрытия информации о ESG¹

Аннотация. В настоящее время факторы устойчивого развития оказывают существенное влияние на принятие экономических и инвестиционных решений компаний со всего мира. Данные о ESG относятся к нефинансовой информации, раскрытие которой на практике сопряжено с целым рядом проблем. Основной из них является отсутствие универсальных правил отчетности. В статье исследуются самые успешные глобальные инициативы, направленные на разработку и внедрение международных стандартов раскрытия информации в сфере ESG. Проанализированы положения новейших стандартов и руководств, регулирующих порядок, объем и принципы подготовки отчетов о влиянии компании на экологические, социальные и управленческие аспекты ответственного производства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, раскрытие информации, международные стандарты отчетности, цели устойчивого развития, нефинансовая информация, ESG, GRI, IFRS.

**Евгения Николаевна
ПУЗЫРЕВА,**

доцент кафедры
международного
частного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
enpuzyreva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.147-154

Evgeniya N. PUZYREVA,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
enpuzyreva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

About Development of International ESG Disclosure Standards

Abstract. Currently, sustainability factors have a significant impact on the economic and investment decisions of companies around the world. ESG data is included as part of the non-financial information, the disclosure of which poses a number of challenges in practice. The main being the lack of universal reporting rules. This article examines the most successful global initiatives aimed at developing and implementing international ESG disclosure standards. The provisions of the latest standards and guidelines governing the procedure, scope and principles for preparing reports on the company's impact on environmental, social and governance aspects of responsible production are analyzed.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Keywords: *sustainable development, information disclosure, international reporting standards, sustainable development goals, non-financial information, ESG, GRI, IFRS.*

За последнее десятилетие существенно вырос интерес к вопросам, связанным с устойчивым развитием и борьбой с климатическими изменениями. Вместе с тем современные бизнес-модели все еще не учитывают должным образом влияние частной деятельности на экологические, управленческие и социальные проблемы. В основном участники вспоминают о ESG, когда эти проблемы начинают негативно отражаться на прибыльности компании, в то время как возникающие риски часто упускаются из виду из-за их краткосрочного характера.

Открытым также остается вопрос о порядке измерения показателей ESG. Сегодня участники не обязаны использовать конкретную структуру для отчетности о своих нефинансовых результатах. Они сами выбирают вопросы, о которых они хотят сообщить, так как публикация отчета остается добровольной. В итоге наблюдаются заметные расхождения в объеме и качестве предоставляемых данных, что делает невозможными проведение оценки информации и ее сопоставление с показателями других организаций.

Создание единой стандартизированной отчетности позволило бы упростить процесс идентификации и устранения рисков, связанных с ухудшением состояния окружающей среды, социальными и политическими конфликтами, и повысило бы прозрачность в отношении вклада компаний в достижение целей устойчивого развития (ЦУР).

Для решения этой проблемы было предложено несколько инициатив, которые включают разработку заинтересованными международными организациями рекомендаций, методологических руководств и стандартов, направленных на повышение прозрачности работы компаний и доступности информации нефинансового характера, связанной с их деятельностью².

Так, в 1997 г. в развитие Программы ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme (UNEP))³ была основана Глобальная инициатива по отчетности (Global Reporting Initiative (GRI))⁴. Руководство GRI (GRI Guidelines (G1))⁵

² Рекомендации по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ. Приложение к письму Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49. С. 4 // URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

³ Программа ООН по окружающей среде — международная организация, определяющая международную экологическую повестку и содействующая согласованной реализации экологического компонента устойчивого развития в рамках Глобального договора ООН. Подробнее см.: URL: <https://www.unep.org/who-we-are/about-us> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Подробнее о GRI см.: URL: <https://www.globalreporting.org/> (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ *E-Vahdati S., Aripin N.* A Review of Global Reporting Initiative (GRI) Research with Sustainability Reporting: 1999—2020 dataset // *Spanish Accounting Review*. 2023. № 26 (2). P. 275.

2000 г. впервые закрепило механизм, гарантировавший соблюдение компаниями принципов ответственного экологического поведения. В новые версии документа⁶ были также включены социальные, экономические и управленческие вопросы⁷. Последняя редакция Руководства (GRI G4) легла в основу выпущенных в 2016 г. Стандартов раскрытия информации об устойчивом развитии (GRI Sustainability Reporting Standards (GRI Standards))⁸. Разработкой и внедрением Стандартов на практике занимается Совет по глобальным стандартам устойчивого развития (Global Sustainability Standards Board (GSSB))⁹.

Стандарты имеют модульную систему и нацелены на поддержку компаний и организаций во внешнем информировании об усилиях в сфере ответственного производства. По мере возникновения новых вопросов и обновления существующих критериев они пересматриваются и дополняются. Последние изменения в области налоговой прозрачности и перехода к экономике замкнутого цикла стали основой модернизации документа в 2019¹⁰ и 2020 гг.¹¹ С 01.01.2023 в силу вступила новая редакция 2021 г.¹²

Стандарты могут применяться любыми организациями, независимо от их отраслевой принадлежности, месторасположения и размера. Система учитывает особенности деятельности широкого круга участников — от малых предприятий до международных многоотраслевых компаний.

Стандарты разделены на три уровня: универсальные (которые используются всеми организациями, представляющими отчетность), секторальные (применяются компаниями определенного сектора экономики) и тематические (использование зависит от существенных тем и показателей, определенных самой организацией).

Обновленные универсальные стандарты включают:

- GRI 1: Основы (GRI 1: Foundation 2021)¹³ — определяет цель и принципы раскрытия информации, систему отчетности, дает разъяснения в части использования стандартов. В документе также установлены требования, которым должны соответствовать организации, представляющие отчет на основе данных правил. В частности, компании должны опубликовать содержание

⁶ Руководство пересматривалось в 2002 г. — GRI G2, в 2006 г. — GRI G3 и в 2013 г. — GRI G4.

⁷ Комарова А. С., Юдаев В. В. Теоретические аспекты политики устойчивого развития: ESG — от нефинансовых данных до корпоративной устойчивости // Politbook. 2022. № 2. С. 69.

⁸ Текст на английском языке см.: URL: <https://www.globalreporting.org/standards/media/1036/gri-101-foundation-2016.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).

⁹ Подробнее о GSSB см.: URL: <https://www.globalreporting.org/standards/global-sustainability-standards-board/> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁰ GRI 207: TAX 2019 // URL: <https://www.globalreporting.org/standards/media/2482/gri-207-tax-2019.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).

¹¹ GRI 306: WASTE 2020 // URL: <https://www.globalreporting.org/standards/media/2573/gri-306-waste-2020.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).

¹² Consolidated Set of the GRI Standards 2023.

¹³ GRI 1: Foundation 2021.

- отчетности, представить заявление об использовании стандартов, а также уведомить GRI о их применении;
- GRI 2: Раскрытие общей информации (GRI 2: General Disclosures 2021)¹⁴ — перечисляет данные, подлежащие раскрытию для создания профиля компании, оценки масштабов ее деятельности и усилий по внедрению принципов ESG (структура организации, практики раскрытия информации, стратегии и политики, управление, взаимодействие со стейкхолдерами и др.);
  - GRI 3: Существенные темы (GRI 3: Material Topics 2021)¹⁵ — содержит пошаговые инструкции о том, как определить темы и показатели для раскрытия, которые отражают вклад организации в улучшение или ухудшение экономических, экологических и социальных показателей, процессов развития и тенденций на местном, региональном и глобальном уровнях¹⁶.

В случае наличия секторального стандарта его применение обязательно для всех организаций конкретной отрасли. GRI запланирован выпуск 40 секторальных стандартов¹⁷. Последние обновления коснулись вопросов регулирования нефтегазового сектора, угольной сферы, а также сельского хозяйства и рыболовства¹⁸.

Если для конкретной отрасли нет стандартов, применяются тематические стандарты, соответствующие деятельности отчитывающейся организации. Они определяют критерии по каждой существенной теме, которые разделяются по компонентам устойчивого развития. Существенность тем определяется через оценку значимости экономического, экологического и социального воздействия компании или влияния, которое они оказывают на мнения и решения заинтересованных лиц.

Для достижения полной прозрачности при подготовке информации необходимо руководствоваться принципами нефинансовой отчетности¹⁹, которые действуют в отношении всех уровней стандартов. Представленные данные должны быть точными и подробными. Для большей объективности в отчет должны быть включены как положительные, так и отрицательные аспекты результативности. При этом охват существенных тем и показателей, а также границы отчетности должны быть достаточны для того, чтобы отразить значительное воздействие компании на экономику, окружающую среду и общество и дать заинтересованным сторонам возможность оценить результаты деятельности организации за отчетный период.

¹⁴ GRI 2: General Disclosures 2021 // URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language/> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁵ GRI 3: Material Topics 2021 // URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language/> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁶ ESG-Трансформация как вектор устойчивого развития : в 3 т. М. : Аспект Пресс, 2022. Т. 1 / под общ. ред. К. Е. Турбиной и И. Ю. Юргенса. С. 187.

¹⁷ GRI Sector Program — List of prioritized sectors. Revision 3. Approved by the GSSB on 19 October 2021 // URL: <https://www.globalreporting.org/media/mqznr5mz/gri-sector-program-list-of-prioritized-sectors.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁸ Ibid: Consolidated Set of the GRI Standards 2023.

¹⁹ Стандарт закрепляет следующие принципы представления отчетности: полнота, точность, сбалансированность, сопоставимость, своевременность, ясность, надежность и контекст устойчивого развития.

Сообщаемая информация должна быть представлена единообразно, чтобы можно было провести сравнение показателей результативности с данными других компаний.

Сроки раскрытия информации устанавливаются на основе регулярного графика, который определяет частоту и периоды ее представления. Это позволяет обеспечить сопоставимость информации по времени и гарантирует ее доступность для стейкхолдеров²⁰.

На сегодняшний день Стандарты GRI востребованы компаниями со всего мира, что объясняется прежде всего увеличением спроса среди стейкхолдеров на получение социальной и экологической информации, а также увеличением давления со стороны общественности в связи с необходимостью соблюдения принципов ESG²¹.

Работа по формированию единых глобальных подходов к раскрытию информации в области устойчивого развития также является одним из основных направлений деятельности Фонда Международных стандартов финансовой отчетности (International Financial Reporting Standards Foundation (IFRS Foundation))²². В 2021 г. под эгидой Фонда был создан Совет по международным стандартам отчетности в области устойчивого развития (International Sustainability Standards Board (ISSB))²³, которому были переданы полномочия по определению базовых критериев и требований к раскрытию информации по темам ESG на предмет соответствующих рисков и возможностей для удовлетворения информационных запросов со стороны инвесторов.

26.06.2023 Совет опубликовал первые два стандарта: IFRS S1 «Общие требования к раскрытию финансовой информации в области устойчивого развития» (General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information (S1))²⁴ и IFRS S2 «Раскрытие информации, связанной с климатом» (Climate-related Disclosures (S2))²⁵. Оба документа вступят в силу с 01.01.2024, но их внедрение

²⁰ Борзаков Д. В. Эволюция Руководств и Стандартов Global Reporting Initiative по отчетности в области устойчивого развития // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 1 (56). С. 89.

²¹ Гафаров М. М. Представление в нефинансовой отчетности российских организаций глобальной повестки ESG // Финансовые рынки и банки. 2023. № 6. С. 184.

²² Подробнее о деятельности фонда см.: URL: <https://www.ifrs.org/> (дата обращения: 12.09.2023).

²³ ISSB совместно с Советом по международным стандартам бухгалтерской отчетности (International Accounting Standards Board (IASB)) являются основными органами IFRS, занимающимися разработкой и внедрением стандартов. IASB специализируется на разработке финансовой отчетности, ISSB — нефинансовой.

²⁴ IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information (S1) // URL: <https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/publications/pdf-standards-issb/english/2023/issued/part-a/issb-2023-a-ifrs-s1-general-requirements-for-disclosure-of-sustainability-related-financial-information.pdf?bypass=on>.

²⁵ IFRS S2 Climate-related Disclosures // URL: <https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/publications/pdf-standards-issb/english/2023/issued/part-a/issb-2023-a-ifrs-s2-climate-related-disclosures.pdf?bypass=on>.

на практике будет поэтапным. Вначале компании смогут ограничиться представлением информации только в области климатических рисков (S2), без раскрытия информации об устойчивом развитии вместе с финансовой отчетностью. Информация по S1 будет публиковаться участниками только начиная со второго года. Более раннее использование не запрещено при условии одновременного применения обоих стандартов.

S1 устанавливает общие требования к раскрытию информации, которая является релевантной с точки зрения существенных рисков и возможностей для конкретной компании. Основными потребителями такой информации являются инвесторы, заемщики и кредиторы юридического лица. При этом от компании не требуется выявления тем и вопросов, общих для всех заинтересованных лиц. Часть данных может быть направлена исключительно одной группе участников, что обеспечивает больший охват компонентов ESG. Даже если такая информация уже известна широкому кругу лиц, это не освобождает от необходимости ее представления при составлении отчета.

Стандарты ISSB, в отличие от GRI, основываются на так называемой «финансовой существенности» (financial materiality). Существенность информации зависит от ее влияния на общие финансовые показатели. Финансовая отчетность должна включать полное, непредвзятое и точное описание всех рисков, чтобы помочь потребителям отчетности в прогнозировании будущих денежных потоков и оценке стоимости компании. При этом рекомендуется указывать информацию о руководстве, стратегиях, риск-менеджменте, метриках и целях, связанных с аспектами устойчивого развития.

Для определения тем для раскрытия S1 предписывает организациям обращаться к Стандартам SASB²⁶ и учитывать их применимость при выявлении рисков и возможностей, связанных с устойчивым развитием, которые могут повлиять на перспективы организации.

Стандарты SASB носят отраслевой характер и включают: описание отрасли (используется для выбора руководства с описанием бизнес-моделей, видов деятельности и других общих черт, характеризующих участие в отрасли), темы раскрытия (с описанием рисков и возможностей, возникающих у компании в конкретном секторе экономики), метрики (используемые для оценки влияния компании), технические протоколы (раскрывающие терминологию, сферу применения, внедрения и представления связанных метрик) и показатели активности (устанавливаются для отдельных видов деятельности и применяются совместно с общими метриками для проведения сравнения).

S2 — это тематический стандарт, составленный в соответствии с Рекомендациями Рабочей группы по вопросам раскрытия финансовой информации,

²⁶ Стандарты были разработаны Советом по стандартам учета в области устойчивого развития (Sustainability Accounting Standards Board (SASB)). В июне 2021 г. Совет был реорганизован в Фонд стоимостной отчетности (Value Reporting Foundation (VRF)), который совместно с Советом по стандартам раскрытия информации об экологическом воздействии (Climate Disclosure Standards Board (CDSB)) вошел в состав ISSB в 2022 г. С этого момента обязанность по продвижению и имплементации Стандартов были возложены на ISSB.

связанной с изменением климата (Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD))²⁷ и ориентированный на выявление и раскрытие информации о связанных с климатом рисках и возможностях, которые могут повлиять на показатели компании в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Для достижения этой цели организация должна обратиться к отраслевым темам раскрытия информации и рассмотреть их применимость, как это определено в Отраслевом руководстве по внедрению IFRS S2 (Industry-based Guidance on implementing Climate-related Disclosures)²⁸.

S2 также требует, чтобы компании учитывали семь межотраслевых показателей при раскрытии качественных и количественных компонентов измерения, мониторинга и управления выявленными рисками. Межотраслевые показатели включают раскрытие информации о выбросах парниковых газов, рисках климатического перехода, физических рисках, возможностях, связанных с климатом, размещением капитала, внутренними ценами на выбросы углерода и вознаграждениями.

Стандарты ISSB носят рекомендательный характер, но в перспективе рассматриваются как база для создания унифицированного регулирования для последующего внедрения на национальном уровне. Тем не менее решение об их адаптации принимается каждой страной самостоятельно, поэтому применение новой практики в разных странах может проходить неравномерно.

В Российской Федерации также обсуждается создание собственных рекомендаций раскрытия нефинансовой информации. В настоящее время большинство российских компаний сообщают данные о ESG по метрикам GRI²⁹. Отчеты публикуются добровольно и с использованием самых разнообразных стандартов и практик³⁰. Это ставит вопрос о необходимости разработки обязательных правил представления нефинансовой отчетности. Первые попытки на этом направлении были предприняты еще в 2017 г., когда Минэкономразвития РФ был подготовлен законопроект «О публичной нефинансовой отчетности»³¹, однако пока он так и не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу.

Также в 2021 г. Центральный банк РФ предложил свои Рекомендации по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации,

²⁷ В тексте рекомендаций приведены основные категории рисков, вызванных климатическими изменениями, а также перечень возможностей, которые можно использовать для создания новых источников для получения прибыли и увеличения конкурентоспособности за счет внедрения политики сокращения выбросов парниковых газов (URL: <https://www.fsb-tcfd.org/recommendations/> (дата обращения: 12.09.2023)).

²⁸ Industry-based Guidance on implementing Climate-related Disclosures. June 2023 // URL: <https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/publications/pdf-standards-issb/english/2023/issued/part-b/ifrs-s2-ibg.pdf?bypass=on> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁹ Корчагина С. А. Проблемы устойчивого развития в нефтегазовой отрасли: актуальность, перспективы // Вестник Евразийской науки. 2022. № 3. Т. 14.

³⁰ Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов // URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/.

³¹ Проект федерального закона «О публичной нефинансовой отчетности» (подготовлен Минэкономразвития России) // СПС «КонсультантПлюс».

связанной с деятельностью таких обществ. Рекомендации были составлены с учетом международных стандартов отчетности GRI и SASB.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть ту роль, которую выполняют современные международные стандарты в процессе гармонизации правил об отчетности ESG. По мере распространения в мире ответственного подхода к повседневным деловым практикам и растущего запроса со стороны инвесторов и иных заинтересованных лиц на доступность для анализа данных об учете компаниями ЦУР, а также об их влиянии на окружающую среду, социальную сферу и экономику, раскрытие нефинансовой информации, содержащей такие сведения, стало приобретать все большую актуальность.

Обеспечение прозрачности деятельности компаний позволяет наиболее адекватно оценить и предвидеть возникающие риски. Это, в свою очередь, способствует созданию более грамотной бизнес-стратегии по внедрению компонентов устойчивого развития. Применение международных стандартов позволяет упростить подготовку нефинансовой отчетности, и разработать документ, удовлетворяющий интересы всех заинтересованных сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борзаков Д. В.* Эволюция руководств и стандартов Global Reporting Initiative по отчетности в области устойчивого развития // Регион: системы, экономика, управление. — 2022. — № 1 (56). — С. 85—92.
2. *Гафаров М. М.* Представление в нефинансовой отчетности российских организаций глобальной повестки ESG // Финансовые рынки и банки. — 2023. — № 6. — С. 183—188.
3. *Комарова А. С., Юдаев В. В.* Теоретические аспекты политики устойчивого развития: ESG — от нефинансовых данных до корпоративной устойчивости // Politbook. — 2022. — № 2. — С. 67—88.
4. *Корчагина С. А.* Проблемы устойчивого развития в нефтегазовой отрасли: актуальность, перспективы // Вестник евразийской науки. — 2022. — № 3. — Т. 14.
5. ESG-Трансформация как вектор устойчивого развития : в 3 т. / под общ. ред. К. Е. Турбиной и И. Ю. Юргенса. — М. : Аспект Пресс, 2022. — Т. 1. — 631 с.
6. *E-Vahdati S., Aripin N.* A Review of Global Reporting Initiative (GRI) Research with Sustainability Reporting: 1999—2020 dataset // Spanish Accounting Review. — 2023. — № 26 (2). — P. 274—290.

Договорные обязательства в международном частном праве

Институциональная система исполнения трансграничных договоров лизинга. Правовая оценка условий бербоут-чартера

***Аннотация.** Статья посвящена многообразию правовых взаимосвязей в системе трансграничных отношений между фрахтователями и фрахтовщиками морских судов. Аренда в мировой судоходной отрасли приобретает самые разные формы, в зависимости от источников финансирования. Сегодняшнее состояние рынка располагает к тому, чтобы воспользоваться бербоут-чартером, свойственными ему структурностью и юридической строгостью, с которой заключаемые контракты квалифицируются на реальные и консенсуальные. Характерная для него системность предписаний, касающихся коллизионных аспектов формы и порядка заключения сделки, находит отражение в международных стандартах, подготовленных BIMCO, а также BARECON, что, однако, не мешает самодостаточности лизинговых компаний, особенно если они рассматривают бербоут-чартер в качестве источника привлечения основных активов. Необходимость их амортизации, выплаты нематериальных активов делает актуальной также и практику страхования.*

***Ключевые слова:** лизинговая сделка, фрахтование судна, экспортно-импортное финансирование, смешанный договор, индивидуально-определенные обязательства, бербоут-чартер, распоряжение имущественным комплексом, доверительный собственник, институционализация вещных прав, амортизация, морское обеспечение.*

**Никита Геннадьевич
СКАЧКОВ,**

доцент кафедры
международного
частного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
skanic@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.155-164

Nikita G. SKACHKOV,

*Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

skanic@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Institutional system of execution of cross-border leasing agreements; legal assessment of bareboat charter conditions

Abstract. *This article is devoted to the variety of legal relationships in the system of cross-border relations between charterers and charterers of ships. Leasing in the global shipping industry takes on a variety of forms, depending on the sources of financing. The current state of the market is conducive to taking advantage of bareboat charter, known for its inherent structurality, as well as the legal rigor with which the contracts are qualified for real and consensual. The systematic nature of its regulations concerning the conflict-of-laws aspects of the form and procedure for concluding a transaction is reflected in international standards prepared by BIMCO and BARECON, which, however, does not interfere with the self-sufficiency of leasing companies, in this regard, especially if they consider bareboat charter as a source of attracting fixed assets. The need for their depreciation, payment of intangible assets also makes the practice of insurance relevant.*

Keywords: *leasing transaction, vessel chartering, export-import financing, mixed contract, individually defined obligations, bareboat charter, disposal of the property complex, trustee, institutionalization of property rights, depreciation, maritime security.*

В соответствии с Конвенцией УНИДРУА (заключена в Оттаве 28.05.1988) о международном финансовом лизинге обязательственные связи по передаче оборудования во временное пользование становятся правообразующими, регулятивными. Закладываются основы применения институтов особого рода (*sui generis*) на трансграничном рынке лизинговых услуг.

Особо в этой связи выделим легитимацию титульного обеспечения. Его выкупная цена определяется кредитором. Преимущества договора финансового лизинга для внесения обеспечительных платежей (возврата финансирования) тем временем налицо. Конечно, вместо него можно было бы получить бюджетный кредит, но излишне обремененный дополнительной оценкой добавочного капитала

Надо ли говорить, что лизинговая сделка совершается с учетом договорной программы по управлению всеми понесенными расходами. Подобным образом упорядочиваются управляющая и, соответственно, управляемая структуры инвестиционной политики применительно к переходу имущественных прав, как к первоначальной сделке, а также к возврату вещи.

Вместе с тем, согласно Федеральному закону «О финансовой аренде (лизинге)» (в редакции от 14.07.2022), лизингодателю при этом необходимо заключить еще и залоговый договор. Следующим шагом становится контракт поручительства, где предусматривается ставка банковских займов. Впоследствии их можно перепродать, как и активы, полученные от кредитной организации (согласно ст. 187 ГК РФ).

Белым пятном продолжает оставаться открытие рефинансирования при реструктуризации кредитного портфеля, когда синдицированное кредитование, как выясняется, — глубоко вторичная процедура. Лизинговая сделка выступает связующим звеном между банками, а также инвестиционными и страховыми компаниями, хеджирующими риски финансовых продуктов.

Коллизии между юридической формой договора лизинга и экономическим его содержанием в части экспортно-импортного финансирования между тем неоспоримы. Содержательно они близки тем, что складываются при рефинансировании обязательств. Как отмечает Д. В. Федотов, причины их появления традиционны, это неопределенность правовой нормы, отступление от правоприменительного подхода, свойственного классической аренде¹.

Проблема выбора применимого права заключена также в корпоративной политике лизинговой компании, насколько она готова исполнять обязательства по внесению регулярных платежей. Погашение различных траншей обеспечивается, сверх того, целым пулом сделок. Преимущества договора лизинга, напротив, малозаметны, чего не скажешь о проектном финансировании, его роли в возмещении понесенных затрат.

Выкупной лизинг несколько выбивается из общего ряда договоров хотя бы потому, что закладывается критерий готовности лизингополучателя возложить на себя имущество, пока не истекли сроки действия договора. Согласно давнему уже постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», подобным образом очерчена передача прав собственности на предмет лизинга к лизингополучателю, при условии внесения им лизинговых платежей.

В результате, как разъясняет Р. Харрис (с коллегами), обосновываются пределы той валовой выручки по процентам, от которой заемщик вынужден банально отказаться².

Видимо, если мы перенесем данное заключение на российскую правовую почву, лизингодатель осуществляет и уступку прав требования по договору поставки. Данное положение содержится в Федеральном законе «О потребительском кредите» (в редакции от 14.04.2023). Водораздел между контрактными условиями не менее востребованных договоров займа, а также комиссии проведен в ст. 996 ГК РФ.

¹ См.: Федотов Д. В. Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 102—113.

² См.: Harris R. S., Jenkinson T., Kaplan S. N., Stucke R. Has Persistence Persisted in Private Equity? Evidence from Buyout and Venture Capital Funds // University of Virginia ; The National Bureau of Economic Research Working Papers. 2022. № 31 (45). P. 5.

Общий вывод на первый взгляд предельно понятен: какие бы сделки ни заключались, им еще нужно найти место в рамках инвестиционного проекта. Вместе с тем выкупная цена устанавливается сразу, соразмерно срокам оказываемых, согласно опционному договору, услуг. Праву страны — места его исполнения, очевидно, стоит предусмотреть отличия данного контракта от абонентского договора. На этом фоне лизинговый договор (с правом выкупа) квалифицируется как смешанный, вплоть до согласования в нем условий межотраслевого регулирования. Возможна и контрактная оговорка о предмете специального регулирования (согласно ст. 421 ГК РФ).

Такой смешанный договор отождествляет держателя имущества и обладателя прав на него в силу владения секундарными правомочиями. По субъектным своим признакам данные контракты напоминают абстрактную нормативную модель, «синтетическими» свойствами которой лицо и довольствуется, реализуя право. Открытым остается вопрос, какое место они готовы занять среди поименованных, а также непоименованных контрактов, поскольку сочетают в себе черты как тех, так и других.

На первый план, очевидно, выносятся индивидуально-определенные свойства договора выкупного лизинга. Они и накладывают отпечаток на реализацию системных юридических признаков контракта финансовой аренды. Уместно вспомнить мнение В. А. Ойгензихта о новом здесь качестве — обретаемом единстве, хотя контрактные условия и кажутся разнородными³.

Данные договорные конструкции крайне далеки от правового формализма, поэтому могут быть максимально приближены к запросам субъектов хозяйствования. Законодатель, в свою очередь, освобождается от необходимости искать компромисс относительно размера ответственности, дублируя один договор другими.

Правоотношения по аренде морских объектов тогда превалируют, и неважно, предусматривается ли последующий выкуп судна с целью погашения инвестиционных затрат. Фрахтование по бербоут-чартеру сегодня особенно актуально на фоне беспрецедентного санкционного давления, когда переформатирование транспортно-логистических потоков вполне реально, наряду с растущими рисками финансовой нестабильности любой из цепочек морских поставок.

Бербоут-чартер в этом отношении противоречив. С одной стороны, он призван помочь фрахтователю, фиксируя ставку расходов на эксплуатацию судна без экипажа; с другой — за видимой прозрачностью привлечения инвестиционных ресурсов коренятся риски безосновательного взыскания высвобождаемой прибыли, раскрытия «эскроу».

В то же время в ст. 787 ГК РФ содержится обоснованная отсылка к требованиям отраслевого нормативного акта — Кодекса торгового мореплавания. Ключевым тезисом является предоставление третьим лицам права пользования полезной площадью неснаряженного судна. При амортизации основных средств

³ См.: Ойгензихт В. А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве : учебное пособие. Душанбе, 1984. С. 4—5, 18. См. также: Абдуджалилов А. К. Проблема нетипичных договоров в работах В. А. Ойгензихта // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 107—109.

и капитальных вложений можно воспользоваться специальным повышающим коэффициентом.

По мнению Р. Дельгадо, впоследствии достаточно заключить распорядительное соглашение, отвечающее потребностям заказчика в сфере перехода прав собственности. Приоритет владеющего лица над субъектом, который вправе распоряжения ограничен, очевидно, продолжает сохраняться⁴.

Как предполагает В. Н. Гуцуляк, в этой связи судовладелец чаще всего доверяется функцией технического менеджера, для чего и ограничивает свое участие процедурой комплектования экипажа. Либо он руководствуется положениями Международного кодекса по управлению безопасной эксплуатацией судов и предотвращением загрязнения, отвечая в конечном итоге за обеспечение перевозки груза⁵.

Стратегический инвестор оценит по достоинству ту оптимизацию финансирования, которую ему предлагают. Трудно пройти мимо идеи создания стабилизационного фонда, что способствовало бы приобретению материальных активов. Тем не менее накопление основных средств производится постепенно. Лизинговые операции выгодны здесь до поры, пока они рассматриваются как структурно сложное, но единое обязательство. Для его возникновения требуется сочетание двух договорных конструкций: купли-продажи имущества и, строго говоря, лизинга.

Р. Дельгадо и его соавторы убеждены, что такое соотношение основывается на диалектике институционализации, откуда основные частнопровые начала вносятся в плоскость цивилистики⁶.

Если последует здесь выбор права, подлежащего применению, то нельзя будет исключать и приостановления встречного исполнения приобретателем. Основные активы тоже оказываются в подвешенном состоянии. Противостояние юридически разнозначных, законных интересов получает тогда новый импульс. Изменяется и статья расходования материальных активов и активов, соответственно, нематериальных. Соответственно, это ограниченные по времени совершения экспортно-импортные сделки, например, переуступки того же бербоут-чартера другому лицу.

Однако отправной точкой для заключения договора кредитования все равно становится уплата лизинговых платежей, а не переход прав собственности к заемщикам. Арендодатель тем не менее настаивает на возврате средств, независимо от самого факта переадресации исполнения обязательств сразу после согласования выкупной цены лизинговой сделки.

⁴ См.: *Delgado R. J. P. Security Interests over Ships: From the Current Conventions to a Possible Shipping Protocol to the UNIDROIT Lege Data and Lege Ferenda // Journal of Maritime Law and Commerce. 2018. Vol. 49. P. 239—306.*

⁵ См.: *Гуцуляк В. Н. Виды чартеров в международном торговом судоходстве // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 109—130.*

⁶ *Delgado R. J. P., Nawrot J., Pełowska-Dąbrowska Z. Successes and failures of uniform maritime law instruments: Is there room for a new approach? Codification of Maritime Law. Challenges, Possibilities and Experience. 1st edition. Informa Law from Routledge. London, 2020. P. 57—80.*

В то же время, как закрепляется в ст. 690 ГК РФ, прежде чем считать приобретение арендуемого имущества, индивидуально-определенной вещи состоявшимся, сто́ит осознать, какие обязательства будут еще исполнены. Именно они чаще всего и оказываются вне точных рамок контрактных условий.

Квалификация таких сделок означает, что неочевидное место бенефициара — хозяйствующего субъекта занял, наконец, истинный выгодоприобретатель. Участники обязательств выбирают тогда подлежащий исполнению договор, и неважно, относится ли он к разряду поименованных либо просто упомянут в качестве такового (закреплено в ст. 421 ГК РФ). Взаимность встречных требований убеждает лизингодателя в своевременности внесения лизингодателем платежей (ч. 2 ст. 491 ГК РФ).

Однако, как предупреждает С. К. Соломин, выгодоприобретатель уполномочен уточнять правовую судьбу имущества. Риски инверсии, переадресации выбора права от должника к кредитору станут тогда реальностью⁷. Видимо, правовед хочет напомнить нам о важности логически выверенной позиции в цельной системе исполнения обязательств. С ним, как сформулировано в параграфе 242 Германского гражданского уложения, контрагенты и соизмеряют свои юридические поступки, волевое, непосредственное поведение.

Рациональное зерно здесь, вне всякого сомнения, есть. Эффективный вопорядок всегда будет претендовать на оставление за собой свойств форума привилегированной юрисдикции. Иначе, пропусти заемщик разумные сроки погашения иска, судебный орган по результатам слушаний предоставит дополнительную защиту займодавцу. Вместе с тем С. И. Рафикова убеждена, что судебское усмотрение все еще приближается к осознанию принципа равенства сторон в судопроизводстве и в гражданско-правовых отношениях⁸.

В то же время, как предусматривается в Гражданском кодексе Португалии (с учетом изменений, а также дополнений от 12.02.2019), труднее всего обосновать делимость предмета обязательства на приложение усилий и результат. Хотя перевод долга всецело подчиняется тогда личному статусу кредитора.

Согласно Принципам европейского договорного права (PESL), данная коллизионная привязка закладывается в поручительский контракт. По мнению составителей DCFR (Модельный гражданский кодекс ЕС), признаки объекта договора опосредуются через причинную связь между возможностями его субъекта и избранной им стратегией исполнения обязательств.

Тем временем для прежнего арендодателя по договору бербоут-чартера все это оборачивается латанием пробелов в механизме защиты владельческого титула. Сущность предмета имущественного договора признается безоговорочно, однако изъяны в способе приобретения титула проступают не менее отчетливо.

⁷ См.: Соломин С. К. Отдельные вопросы квалификации договора финансовой аренды, предусматривающего переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6.

⁸ Рафикова С. И. Альтернативное обязательство в гражданском праве: немецкий и российский опыт регулирования // Вестник гражданского права. 2022. № 2.

В основном затрагивается не юридическая конструкция владения, а разница между компетенциями того лица, которое юридически владеет вещью, а также того, которое фактически ею обладает. Бербоут-чартер здесь декларирует добросовестность как оценочную категорию, малоценно распоряжаются ли ею приобретатель имущества или действующий *bona fide* в чьих-то интересах.

Едва ли правоприменительный орган станет защищать имущественные права управомоченного лица с упором на одно только *common law*, а не на материальные нормы, узаконившие титульное держание по иску *in rem*. Тем временем требования бенефициара, соответственно, *in personam* признаются юридическими владельцами вещи ничтожными.

При этом, по справедливому заключению И. М. Кутузова, морское судно является ликвидным имуществом, открытым для установления контроля над ним в интересах кредитора⁹.

В то же время, согласно Международной конвенции о морских залогах и ипотеках 1993 г. (*International Convention on Maritime Liens and Mortgage 1993*), правом на фактическое владение судном пользуется либо собственник, либо оператор. Заимодавец самостоятельно вычисляет и общую стоимость ликвидного актива, и балансовую сумму, исходя из коэффициента платежеспособности. Именно такое обоснование исключительной парадигмы бербоут-чартера закрепляется в ст. L 5423-1 Транспортного кодекса Франции. Тезис о неполном комплектовании судна как о предпосылке к предстоящему распоряжению данным имущественным комплексом выдвигается и законодателями Итальянской Республики (ст. 376 Кодекса судоходства). Обозначим особо, что регистрационная привлекательность такого судна не обязательно высока.

Отсюда залоговая, обеспечительные сделки призваны помочь выгодоприобретателю оплатить основной долг. Не важно, перечисляются ли данные выплаты одновременно либо по частям, по мере приискания средств. При этом, по логике Германского гражданского уложения, трактовка категории стоимости здесь пропорциональна периоду исполнения кредитного договора. Напротив, согласно Гражданскому кодексу Италии, расходы вносятся, исходя уже из сроков должного содержания имущества.

Открытым, правда, остается вопрос об ответственности кредитора, если он допустит просрочку исполнения обязательств. В российском праве предлагается прибегнуть к ст. 406 ГК РФ, где отрицание передачи благ преподносится и как отмена, и в качестве ограничения по *lex causae*. Данная норма определенно не похожа на правоположения озвученного выше акта, для которого много важнее пошаговая регламентация возмещения потерь.

Однако к моменту заключения договора бербоут-чартера возмещение начинает выплачиваться с момента наступления страхового случая. Выгодоприобретатель, кем бы он ни был, вправе рассчитывать на защиту от рисков неисполнения

⁹ См.: Кутузов И. М. Обеспечительные меры по договорным денежным обязательствам в морских частноправовых отношениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3 (79). С. 113—118.

договорных обязательств, договорной ответственности, трудно сопоставимых с последствиями возможного нарушения договора.

В то же время, как обуславливается пп. (b) Оговорки о форс-мажорных обстоятельствах Балтийского и международного морского совета (Force Majeure Clause — BIMCO) от 30.01.2022, пересмотр даже одного из контрактных условий (акцептование оферты уже состоялось) означает признание события страховым случаем. Однако едва ли он должен повлечь за собой прекращение договора (в силу кардинального изменения содержания). Иное дело, если от исполнения договора отказывается кредитор, пусть и с условием об упрочнении взаимосвязи между арендными, а также контрактными отношениями. Стоит им претерпеть изменения, как контрагент тут же воспользуется законным правом приостановить исполнение действующего контракта.

Согласно пп. (h) и (i) Оговорок (BIMCO), судовладельцу стоит предложить тогда воспользоваться гарантиями управления сомнительной задолженностью, выстроить цепочку поставок. Контрагент здесь самостоятельно выбирает наиболее подходящий для него способ реализации предмета лизинга, окончательная оплата производится кредитовым сальдо.

Бесспорно, сальдирование погашается сразу после зачета встречных однородных требований. Как следствие, складывается классическая схема перевода денежных средств, где нет больше необходимости формировать как клиринговый, так и имущественный пулы нетто-обязательств. Нейтрализуются многочисленные риски недостаточного размещения проекта эмиссии, потери активов.

Нынешние санкции, а ранее — всемирная пандемия выявили проблему упрочнения жизнестойкости морского транспортного менеджмента. В этом ключе очень востребована практика предоставления «удобного флага». Большая часть поставок тогда скрыта, поскольку связующие нити договорного сопровождения малозаметны для позитивного права. Крупные игроки судоходного рынка: те же судовладельцы, фрахтователи, страховые корпорации, наконец, классификационные общества — охотно манипулируют «теневым флотом».

При этом последняя редакция стандартного отраслевого контракта на фрахтование без экипажа, *Varecon 2017*, хотя и была опубликована BIMCO в докризисные годы, однако получилась весьма цельной. Права, а также обязанности распределяются после подтверждения повторной доставки партии товаров, поступления их на борт.

Видимо, поэтому во Французском торговом кодексе простое поручение крюинговому агенту рассматривается в качестве ключевого правоотношения. Особо оговорено, какие распоряжения отдаются принципалом. Вместе с тем неясно, можно ли применять данную норму в условиях дуализма права, когда полномочия собственника определять юридическую судьбу вещи, включая имущественное предоставление, выделяются особо.

Здесь стоит вспомнить, что обсуждение *Varecon 2017* вылилось в живейшую дискуссию о судьбе иска *Gard Marine and Energy v. China National Chartering*. Данные слушания, более известные как дело судна *The Ocean Victory*, призваны были внести ясность в намерения фрахтователя и собственника судна, предварительно застрахованного на условиях *Casco*. Однако позднее арендополучатель

подписал еще и контракт димайз-чартера, чем фактически заменил право пользования возмещением по базовому активу. Кораблекрушение все же последовало, ситуация осложнилась, поскольку целая цепочка фрахтователей так и не смогла предотвратить утрату груза. По мнению Э. Блекберна (с соавтором), главное было — распределить риски перестрахования после того, как вещные права перешли бы к другому контрагенту¹⁰.

Выражая свою озабоченность, Дж. Гаскон справедливо отметил, что за подобной позицией субфрахтователей коренится откровенное недострахование. Компенсация оказывается много ниже размера причиненных убытков¹¹.

Собственно, согласно Закону о страховании Великобритании (вступил в силу 12.08.2016), страхование производится по классической формуле H&M. Чаще всего это означает, что исковое заявление о нивелировании разницы между размерами возмещения и ущерба не удалось отклонить.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдуджалилов А. К. Проблема нетипичных договоров в работах В. А. Ойгензихта // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 1 (140).
2. Гуцуляк В. Н. Виды чартеров в международном торговом судоходстве // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 109—130.
3. Кутузов И. М. Обеспечительные меры по договорным денежным обязательствам в морских частнопроводных отношениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3 (79). — С. 113—118.
4. Ойгензихт В. А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве : учебное пособие. — Душанбе, 1984.
5. Рафикова С. И. Альтернативное обязательство в гражданском праве: немецкий и российский опыт регулирования // Вестник гражданского права. — 2022. — № 2.
6. Соломин С. К. Отдельные вопросы квалификации договора финансовой аренды, предусматривающего переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю // Вестник арбитражной практики. — 2021. — № 6.
7. Федотов Д. В. Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 102—113.
8. Blackburn E., Dinsmore A. Joint insurance issues in the Ocean Victory: the roads not taken, Lloyd's // Maritime and Commercial Law Quarterly. — 2018. — № 1. — P. 50—72.

¹⁰ Blackburn E., Dinsmore A. Joint insurance issues in the Ocean Victory: the roads not taken, Lloyd's // Maritime and Commercial Law Quarterly. 2018. № 1. P. 50—72.

¹¹ Gilabert Gascón Insurance related problems in bareboat charter agreements // Journal of Shipping and Trade. 2021. Vol. 6. P. 12—35. См. также: Boviatsis M. Comparative analysis of charter party clauses versus marine insurance contractual terms: present legal status and future trends // WMU Journal of Maritime Affairs. 2023. Vol. 22. P. 91—106.

9. *Boviatsis M.* Comparative analysis of charter party clauses versus marine insurance contractual terms: present legal status and future trends // *WMU Journal of Maritime Affairs*. — 2023. — Vol. 22. — P. 91—106.
10. *Delgado R. J. P.* Security Interests over Ships: From the Current Conventions to a Possible Shipping Protocol to the UNIDROIT Lege Data and Lege Ferenda // *Journal of Maritime Law and Commerce*. — 2018. — Vol. 49. — P. 239—306.
11. *Delgado R. J. P., Nawrot J., Pełowska-Dąbrowska Z.* Successes and failures of uniform maritime law instruments: Is there room for a new approach? Codification of Maritime Law. Challenges, Possibilities and Experience. — 1st edition. — Informa Law from Routledge. — London, 2020. — P. 57—80.
12. *Gilabert Gascón* Insurance related problems in bareboat charter agreements // *Journal of Shipping and Trade*. — 2021. — Vol. 6. — P. 12—35.
13. *Harris R. S., Jenkinson T., Kaplan S. N., Stucke R.* Has Persistence Persisted in Private Equity? Evidence from Buyout and Venture Capital Funds // *University of Virginia ; The National Bureau of Economic Research Working Papers*. — 2022. — № 31 (45).

Международные механизмы защиты прав детей и семейных прав в условиях трансформации межгосударственного сотрудничества¹

Аннотация. Автор анализирует современные механизмы защиты прав ребенка в условиях происходящей трансформации международного сотрудничества государств. На протяжении многих десятилетий в Российской Федерации происходили становление и развитие институтов защиты и поощрения прав ребенка как элементов универсального механизма защиты прав человека. В основе данного механизма лежала так называемая европейская модель защиты прав человека, но принятие политизированных решений международных правозащитных органов относительно России, российских граждан привело к решению нашего государства выйти из ряда международных органов по защите прав человека.

Автор дает оценку изменениям, которые коснулись российских граждан при реализации ими права на международную защиту в свете кризиса взаимоотношений между государствами. Методология обусловлена поставленной целью исследования и включает прежде всего всеобщие и общенаучные методы исследования: системный, логический, функциональный, исторический. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости создания альтернативных инструментов защиты и поощрения прав человека, площадкой для которого может выступить Содружество Независимых Государств или сообщество дружественных государств. Научная и практическая значимость представленных выводов обусловлена комплексным анализом сложившихся международных механизмов защиты прав ребенка в условиях кризиса международного сотрудничества, что может повлиять на их модификацию.

Ключевые слова: права ребенка, механизм защиты прав детей, санкционное давление, семейные правоотношения, защита ребенка, трансформация международного сотрудничества.

Оксана Евгеньевна САВЕНКО,

доцент кафедры
международного частного
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
[oksanasavenko76@
gmail.com](mailto:oksanasavenko76@gmail.com)

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.165-173

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Oksana E. SAVENKO,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

oksanasavenko76@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

International mechanisms for the protection of children's rights and family rights in the context of the transformation of interstate cooperation

Abstract. *In this article, the author analyzes modern mechanisms for protecting the rights of the child in the context of a regulated transformation of international cooperation between states. On a regular basis, a medical institution appears in the Russian Federation and the development of institutions for the protection and protection of human rights as a universal mechanism for the protection of human rights. This approach is based on the so-called European model of human rights protection, but the adoption of politicized decisions of international bodies for the protection of human rights.*

The authors presented sustainable changes that have affected Russian citizens in the exercise of their rights to international protection in the context of a global crisis between states. The methodology is conditioned by the goal of the research and includes, first of all, general and general scientific methods of research: systemic, unified, functional, historical.

As a result of the study, the author concludes that it is necessary to create alternative instruments for the protection and promotion of human rights, the platform for which can be the Commonwealth of Independent States or the community of friendly states. The scientific and practical significance of the presented conclusions is due to a comprehensive analysis of the existing international mechanisms for the protection of the rights of the child in conditions that may affect their modification — the crisis of international cooperation.

Keywords: *rights of the child, mechanism for protecting children's rights, sanctions pressure, family legal relations, child protection, transformation of international cooperation.*

Современные международные отношения переживают острый кризис. За 2022 г. в отношении России было введено беспрецедентное количество санкций: их число превысило 10 тысяч². Появления так называемой «культуры отмены» проявилось во введении мер, направленных против российского бизнеса, в наложении ареста на имущество российских граждан, принуждении к публичным покаяниям и осуждению действий российских властей,

² Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022) // URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения: 15.06.2023).

в призывах к исключению российской музыки, литературы из всемирного культурного наследия и т.д.

Как отмечается в Докладе Министерства иностранных дел РФ «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» за 2022 год³, «нарушение прав россиян в государствах “коллективного Запада” приобрели массовый характер. Особую тревогу вызывает получившая широкое распространение дискриминация в отношении наиболее уязвимой части соотечественников — детей, имеющих российское гражданство или даже просто русские корни». В этой связи как никогда актуально стоит проблема предоставления нашим детям защиты их прав на международном уровне.

На сегодняшний день международная защита прав ребенка представляет собой систему взаимосогласованных действий государства и неправительственных международных организаций, направленных на разработку и обеспечение прав ребенка с целью формирования полноценной и гармонически развитой личности, на содействие их закреплению в национальном законодательстве и оказание международной помощи детям слаборазвитых государств⁴. Нормативной базой такой защиты выступают международные соглашения в данной области: Женевская декларация прав ребенка 1924 г., Декларация прав ребенка 1959 г.⁵, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.⁶, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.⁷, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁸ и, конечно, Конвенция о правах ребенка 1989 г.⁹

Как отмечает М. Л. Шелютто, Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепила международное признание детей самостоятельными субъектами прав, которое в последующие годы было воспринято в иных международных документах, а также в национальных правовых системах, в ряде стран на самом

³ Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» за 2022 год // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1815559/ (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Павлова Л. В. Международная защита прав ребенка // Права ребенка — законодательство и практика : материалы республиканской научно-практической конференции. Минск., 1991. С. 4.

⁵ Декларация прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.

⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

⁸ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

⁹ Конвенции о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

высоком — конституционном уровне¹⁰. В этой Конвенции закреплён весь спектр прав человека применительно к детям: гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права.

Международный механизм обеспечения прав ребенка представляет собой механизм контроля международного сообщества через специальные органы за выполнением международных обязательств государств в области защиты прав ребенка. Стоит отметить, что данный механизм сформировался как универсальный механизм защиты прав человека, без выделения автономно «детского направления».

Среди договорных (конвенционных) контрольных органов в области защиты прав ребенка выделяют Комитет по правам ребенка, учрежденный Конвенцией о правах ребенка 1989 г. В компетенцию данного Комитета входят:

— заслушивание докладов государств о соблюдении взятых на себя обязательств, в рамках Конвенции о правах ребенка 1989 г. и Факультативных протоколов к Конвенции, касающихся участия детей в вооруженных конфликтах и торговли детьми, детской проституции и детской порнографии;

— рассмотрение жалоб, представленных индивидами, в которых государство — участник соответствующих международных документов обвиняется в нарушении их прав;

— проведение расследований по факту нарушений прав детей¹¹. По состоянию на 12.05.2023 года за период с 2019 по 2023 г. на рассмотрении Комитета по правам ребенка находится 103 обращения на нарушения прав детей, закрепленных в указанных документах¹².

Сама идея индивидуального обращения в договорные органы — это достижение в области мониторинга соблюдения прав человека, но небольшое количество обращений свидетельствует о несовершенстве процедуры рассмотрения и декларативности принимаемых решений. Деятельность Комитета по правам ребенка, в частности Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросу о детях и вооруженных конфликтах (СААС), также характеризуется политизированностью и односторонностью в принятии решений.

Подтверждение данного тезиса — просьба Генерального секретаря к специальному представителю о взаимодействии со всеми сторонами в конфликте на Украине для безотлагательного решения вопросов защиты детей, включая

¹⁰ Шелютто М. Л. Конвенция о правах ребенка и конституционный уровень защиты прав детей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 2. С. 30—36.

¹¹ Правила процедуры в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений (приняты Комитетом на его шестьдесят второй сессии, проходившей с 14 января по 1 февраля 2013 г. (CRC/C/62/3). Настоящий документ, содержащий поправки и дополнения, был принят Комитетом на его восемьдесят восьмой сессии (6—24 сентября 2021 г.).

¹² URL: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crc/individual-communications> (дата обращения: 08.07.2023).

предотвращение нарушений прав детей¹³. Интересен тот факт, что в 2014 г. по ситуации на Донбассе международные органы игнорировали улики, не проводили необходимые мирные процедуры, не вводили санкции против стороны, применяющей оружие против детей, семей и всего мирного населения. Следует согласиться с А. Е. Тарасовой, что «если бы международный мандат вспомнил о своем существовании и своей миссии в 2014 году, когда убивали детей Донбасса и международное право молчало, текущую ситуацию с положением на Украине можно было бы предотвратить»¹⁴.

Как отмечает ряд исследователей, в отечественной доктрине международного права много внимания уделяется европейской системе защиты прав и свобод человека. Вместе с тем огромный научно-практический интерес представляют такие региональные правозащитные системы, как межамериканская, африканская и формирующаяся азиатская¹⁵.

В июне 1981 г. в Найроби была принята Африканская хартия прав человека и народов, которая стала основой для создания региональной африканской системы защиты прав человека. Это самая молодая региональная система, но и самая представительная (в нее входит 54 государства — члена Африканского союза (ранее — ОАЕ), которая включает: Африканскую комиссию по правам человека и народов, Африканский суд по правам человека и народов и Африканский комитет экспертов по правам и основам благосостояния ребенка.

В 1990 г. была принята Африканская хартия прав и основ благосостояния ребенка¹⁶ (далее — Хартия), которая отражает политическую реальность континента, а также исторические традиции африканских народов и ценности африканской цивилизации и закрепляет с учетом этих особенностей права детей, охраняемые международным правом.

В статье 2 Хартии под ребенком понимается «каждое человеческое существо, не достигшее 18-летнего возраста». В Конвенции о правах ребенка 1989 г. в ст. 1 закреплено, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». Согласно данному положению, возрастной ценз, закрепленный в национальном праве государства будет иметь приоритетное

¹³ Новости ООН. 9 мая 2023 // URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/05/1440827> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁴ Тарасова А. Е. Международные органы вспомнили о своих мандатах? // URL: https://zakon.ru/blog/2023/05/10/mezhdunarodnye_organu_vspomnili_o_svoih_mandatah (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁵ Абашидзе А. Х., Конева А. Е., Солнцев А. М. Африканская система защиты прав человека // Международная защита прав человека : учебник / отв. ред. А. Х. Абашидзе. М. : РУДН, 2017. С. 321 ; *Нгатею Акони Шани П.* Африканский суд по правам человека и народов: история и современность // Научные ведомости. Серия : Философия. Социология. Право. 2016. № 24. Вып. 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrikanskiy-sud-po-pravam-cheloveka-i-narodov-istoriya-i-sovremennost/viewer> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁶ Африканская хартия прав и основ благосостояния ребенка (принята 01.09.1990 на 26-й Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ) // URL: <https://au.int/en/treaties/african-charter-rights-and-welfare-child> // (дата обращения: 12.07.2023).

значение для квалификации ребенка в случае применения положений Конвенции о правах ребенка 1989 г.¹⁷ Положения Хартии не отсылают к национальному праву государств для целей квалификации и, можно сказать, формируют обычай на региональном уровне, позволяющий рассматривать любого человека, не достигшего 18-летнего возраста как ребенка.

Комитет обладает юрисдикцией получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц, групп, неправительственных организаций и государств — участников Хартии. Комитет вынес свое первое решение в 2011 г. и признал Кению нарушителем положений Хартии по делу «Дети нубийского происхождения в Кении»¹⁸.

Как отмечает А. М. Дроздова, на современном этапе в Российской Федерации на проблемы создания механизмов реализации и защиты прав ребенка оказывает значительное воздействие концепция прав человека, разработанная на основе многолетнего развития международного регулирования прав человека¹⁹.

Конституция России, провозглашая детей важнейшим приоритетом государственной политики, признала общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью своей правовой системы²⁰. Россия ратифицировала ряд международных документов, направленных на формирование международного механизма защиты прав ребенка. С целью дальнейшего развития и создания механизма реализации прав ребенка на защиту декларированных в Конвенции о правах ребенка и в других ратифицированных международных договорах РФ прав принят целый ряд законодательных актов: Семейный кодекс РФ²¹, Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»²²; Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»²³; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»²⁴ и др.

¹⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁸ Кабанов В. Л. Проблематика реализации принципа наилучших интересов ребенка в Африке на примере дела «Дети нубийского происхождения в Кении» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-realizatsii-printsipa-nailuchshih-interesov-rebenka-v-afrike-na-primere-dela-deti-nubiyskogo-proishozhdeniya-v-kenii/viewer> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁹ Дроздова А. М. Некоторые проблемные аспекты теоретического осмысления механизмов реализации и защиты прав ребенка // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 15.

²⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2021 году // URL: <http://deti.gov.ru/documents/doklad> (дата обращения: 08.07.2023).

²¹ Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16 ; 2020. № 11. Ст. 1496.

²² Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

²³ Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. 29.05.2023) // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

²⁴ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Годы членства и исполнение обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы, повлияли на развитие отдельных отраслей права, были внесены изменения в действующие или приняты новые нормативные правовые акты, созданы правовые институты, способствующие восстановлению нарушенных прав, по мере возможности осуществлялась унификация норм права государств²⁵.

Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод 1950 г. еще в 1998 г., и в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции России общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором, где одной из сторон является Российская Федерация, установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного документа.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»²⁶ постановления Европейского Суда по правам человека, вступившие в силу после 15.03.2022, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Так как Россия больше не является членом Совета Европы, она перестает быть и высокой договаривающейся стороной Конвенции, на основании п. 3 ст. 58 Конвенции, это касается и всех протоколов к ней, которые Россия подписала и ратифицировала²⁷.

В сегодняшних реалиях европейские механизмы защиты прав человека, и в частности прав детей, показали свою несостоятельность и зависимость от давления группы государств, преследующих корыстные цели в отношении России. В связи с этим российским гражданам нужно будет искать иные механизмы защиты своих прав в международных организациях.

Конечно, не стоит умалять значение ЕСПЧ для отечественной правовой системы²⁸, но выход России из ЕСПЧ позволит российским судам использовать все инструменты и правовые механизмы для защиты прав отечественных граждан. Также в юридическом сообществе идет обсуждение создания суда по правам человека в рамках Содружества Независимых Государств, который стал бы неполитизированной и объективной альтернативой ЕСПЧ²⁹.

Ввиду трансформации международного сотрудничества в области защиты прав детей и отхода от европейской модели возникает необходимость создания альтернативного механизма защиты прав детей. В этой связи деятельность

²⁵ Ермолаева Т. А. Защита институтов брака и семьи в условиях международно-правовой изоляции Российской Федерации // Публичное право сегодня. 2023. № 1. С. 103—110.

²⁶ Гарифуллин Р. Р., Аминов И. Р. Последствия выхода России из Совета Европы // Образование и право. 2022. № 5. С. 36—41.

²⁷ Гарифуллин Р. Р., Аминов И. Р. Указ. соч.

²⁸ Зорькин В. Д. Выступление на X Всероссийском съезде судей // URL: <https://pravo.ru/news/244154/> (дата обращения: 14.07.2023).

²⁹ Матвиенко В. И. В России могут создать единый с СНГ суд по правам человека // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5282330> (дата обращения: 16.07.2023).

Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка приобретает особое значение в рамках международного сотрудничества между государствами.

Среди основных задач Уполномоченного по правам ребенка следует выделить развитие международного сотрудничества в области обеспечения прав, свобод и законных интересов ребенка. В частности, 05.06.2023 Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Мария Львова-Белова была избрана председателем Комиссии уполномоченных по правам ребенка (омбудсменов) государств — участников Содружества Независимых Государств. Данная Комиссия была создана по инициативе Российской Федерации решением Совета министров иностранных дел СНГ от 12.10.2022³⁰. В ее состав вошли детские омбудсмены и иные уполномоченные лица от шести государств — Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан.

Деятельность Комиссии уполномоченных по правам ребенка (омбудсменов) направлена на содействие развитию сотрудничества государств — участников СНГ в области защиты прав и законных интересов детей, в том числе совершенствование законодательства, определяющего правовой статус ребенка и института семьи; организацию обмена опытом государств — участников СНГ по совершенствованию правовых основ гарантий прав ребенка, по формированию эффективной региональной семейной политики, внедрению механизмов по укреплению и защите института семьи.

Представляется, что принятые в рамках СНГ документы направлены на формирование регионального механизма защиты прав и основных свобод человека. Об этом свидетельствует и «реанимирование» Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств³¹.

Как отмечает Т. А. Ермолаева, практика создания подобных организаций существует на различных континентах. Как правило, при их учреждении учитываются культурные, политические, исторические, социальные особенности группы стран, которые объединяются для решения глобальных задач и эффективного взаимодействия по различным направлениям деятельности³².

Конвергенция правовых систем, исторические особенности развития государств — членов Содружества Независимых Государств, сходные семейные ценности могут стать основой действенного механизма защиты прав человека, в том числе и прав детей и семьи, а в будущем стать альтернативой европейскому механизму защиты прав человека, который долгое время оказывал влияние на правовую систему России.

³⁰ Решение о Комиссии уполномоченных по правам ребенка (омбудсменов) государств — участников Содружества Независимых Государств // URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6618#text> (дата обращения: 14.07.2023).

³¹ Решение о новой редакции Положения о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств // URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6636#text> (дата обращения: 14.07.2023).

³² Ермолаева Т. А. Указ. соч.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А. Х., Конева А. Е., Солнцев А. М.* Африканская система защиты прав человека // Международная защита прав человека : учебник / отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М. : РУДН, 2017.
2. *Абашидзе А. Х., Конева А. Е., Солнцев А. М.* Система договорных органов по правам человека // Международная защита прав человека : учебник / отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М. : РУДН, 2017.
3. *Бурков А. Л., Чуркина Л. М.* Европейская система защиты прав человека // Международная защита прав человека : учебник / отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М. : РУДН, 2017.
4. *Гарифуллин Р. Р., Аминов И. Р.* Последствия выхода России из Совета Европы // Образование и право. — 2022. — № 5. — С. 36—41.
5. *Дроздова А. М.* «Некоторые проблемные аспекты теоретического осмысления механизмов реализации и защиты прав ребенка» // Право: история и современность. — 2018. — № 4.
6. *Ермолаева Т. А.* Защита институтов брака и семьи в условиях международно-правовой изоляции Российской Федерации // Публичное право сегодня. — 2023. — № 1. — С. 103—110.
7. *Кабанов В. Л.* Проблематика реализации принципа наилучших интересов ребенка в Африке на примере дела «Дети нубийского происхождения в Кении» // Правовое государство: теория и практика. — 2015. — № 3 (41). — С. 159—164.
8. *Нгатею Акони Шани П.* Африканский суд по правам человека и народов: история и современность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — Серия : Философия. Социология. Право. — 2018. — № 24 (245). — С. 105—110.
9. *Павлова Л. В.* Международная защита прав ребенка // Права ребенка — законодательство и практика : материалы республиканской научно-практической конференции. — Минск, 1991.
10. *Шелютто М. Л.* Конвенция о правах ребенка и конституционный уровень защиты прав детей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 2. — С. 30—36.

**Мария Николаевна
ПАНКОВА,**

старший преподаватель
кафедры
международного
частного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
**pankovmariy1986@
yandex.ru**
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Наименование места происхождения товара и географическое указание: сравнительно-правовой аспект¹

Аннотация. В статье проведен сравнительно-правовой анализ понятий наименования места происхождения товара и географического указания. Нередко происходит отождествление указанных понятий, в связи с чем представляется необходимым соотнести данные обозначения и провести их сравнительную характеристику в соответствии с нормами международных соглашений и законодательства РФ. Анализируются нормы международных соглашений в области охраны наименования места происхождения товара и географического указания. Приведены примеры из судебной практики. Рассмотрены известные в Российской Федерации примеры наименования места происхождения товара и географического указания. В качестве примеров наименования места происхождения товара приведены: «Краснодарский чай», «Вологодское масло», «Тульский пряник», «Астраханские арбузы», «Жостово», «Хохлома», «Гжель», «Алтайский мед», «Астраханская осетровая икра». Примерами географических указаний являются сыр «Рокфор», «Шуйское мыло».

Ключевые слова: наименования мест происхождения товара, географическое указание, национальное законодательство, международные соглашения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.174-181

Maria N. PANKOVA,

Senior Lecturer of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

pankovmariy1986@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Appellation of Origin and Geographical Indication: Comparative Legal Aspect

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the concepts of appellation of origin and geographical indication. Often there is an identification of these concepts, in connection with which it seems necessary to correlate these designations and conduct their comparative characteristics in accordance with the norms of international agreements and the legislation of the Russian Federation. The norms of international agreements in

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

the field of protection of the appellation of origin and geographical indication are analyzed. Examples from judicial practice are given. Examples of the appellation of origin of goods and geographical indication known in the Russian Federation are considered. As examples of the appellation of origin of goods, such goods as "Krasnodar tea", "Vologda butter", "Tula gingerbread", "Astrakhan watermelons", "Zhostovo", "Khokhloma", "Gzhel", "Altai honey", "Astrakhanskaya sturgeon caviar". Well-known examples of geographical indications are cheese "Roquefort", "Shuyskoye soap".

Keywords: *appellations of origin, geographical indication, national legislation, international agreements.*

Наименование места происхождения товара представляет собой средство индивидуализации, позволяющее закрепить в установленном законом порядке за производителем определенного региона права на указанное наименование.

Вместе с тем товарный знак также может сохранять свою связь с определенным регионом. В этой связи наименование места происхождения товара и географическое указание именуют региональными брендами. Но есть и отличительные особенности между товарным знаком и наименованием места происхождения товара. В чем они выражаются? Во-первых, определяют связь качества того или иного товара с конкретным регионом, в котором изготовлен или выпущен товар. Во-вторых, одно конкретное наименование места происхождения товара может принадлежать не одному, а нескольким предприятиям данного географического региона, выпускающим аналогичную продукцию, тогда как товарный знак может принадлежать только одному предприятию.

В Российской Федерации норма о наименовании места происхождения товара закреплена в ст. 1516 ГК РФ², в соответствии с которой наименованием места происхождения товара является обозначение, представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами.

Важно отметить, что особые свойства определяются характерными для определенного региона природными особенностями и людскими факторами, а все стадии производства товара должны осуществляться на географической территории данного объекта. В качестве убедительных, наглядных примеров можно привести такие известные товары, как «Краснодарский чай», «Вологодское масло», «Тульский пряник», «Астраханские арбузы», «Жостово», «Хохлома», «Гжель», «Алтайский мед», «Астраханская осетровая икра».

² Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Например, «Краснодарский чай» — это яркий пример наименования места происхождения товара. Указанное наименование места происхождения товара «Краснодарский чай» было зарегистрировано в 2016 г. Чай выращивается в Краснодарском крае в окрестностях Большого Сочи. Чайные плантации находятся в субтропической зоне с повышенной влажностью и отсутствием морозов. В настоящее время чай выращивается на Мацесте, в Дагомысе, в Солох-ауле, в Шапсуге и в Хосте³.

Другим не менее известным примером являются изделия «Жостово». Особым свойством указанных изделий являются изготовление в стиле русской лаковой росписи на металле, базирующейся на традиционной технологии ручного изготовления предметов быта (подносов) и сочетающей в себе определенную последовательность ремесленных приемов со свободным творчеством мастера-художника. История Жостово и жостовского промысла восходит к началу XIX в., когда в ряде подмосковных сел и деревень бывшей Троицкой волости (ныне Мытищинский район Московской области) — Жостово, Осташкове, Хлебникове, Троицком и других — возникли мастерские по изготовлению расписных лакированных изделий из папье-маше⁴. Отличительной особенностью данной росписи подносов являются цветочные мотивы: композиции из крупных садовых цветов, дополненные более мелкими полевыми, реже — цветочными гирляндами, портретами, жанровыми сценками, фрагментами картин известных живописцев, натюрморты, пейзажами, архитектурой, изображениями фруктов и ягод, птиц, животных и др.⁵

Также «Семикаракорская керамика» является примером наименования мест происхождения товара. Она представляет собой фаянсовые изделия утилитарно-бытового назначения с ручной декоративно-художественной росписью⁶. Как правило, это посуда (чайники, чашки, тарелки, статуэтки) белого цвета, на которой изображены цветы, пейзажи, люди и животные, выполненные ручной росписью и расписанные разными цветами.

Вышеназванные примеры позволяют сформулировать следующие выводы:

- 1) наименования места происхождения товара указывают связь качества товара с местом его изготовления;
- 2) одно наименование места происхождения товара может принадлежать не одному, а нескольким предприятиям географического региона, выпускающим данную продукцию.

Показательным примером является решение Суда по интеллектуальным правам (СИП) от 06.10.2020 по делу № СИП-551/2020. В указанном случае Суд устанавливал наличие сходства до степени смешения между товарным знаком «Тульская набережная» и наименованием места происхождения товаров

³ История Краснодарского чая // URL: <https://krasnodarskiychay.ru/brend/history.php> (дата обращения: 11.06.2023).

⁴ История Жостово и жостовского промысла // URL: <https://zhostovo.com/history/> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Жостово — НМПТ № 47 // URL: <https://innotec.ru/articles/naimenovanie-mesta-proiskhozhdeniya-tovarov/886-zhostovo-nmpt-47> (дата обращения: 10.06.2023).

⁶ Зарегистрированные ГУ и НМПТ // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/sources/regional-brands/registered> (дата обращения: 14.06.2023).

«Тулский пряник». В результате исследования Суд пришел к выводу об отсутствии сходства между товарным знаком и наименованием места происхождения товаров и обязал Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) зарегистрировать товарный знак «Тулская набережная».

В другом решении СИП от 06.11.2020 по делу № СИП-558/2020 Суд, напротив, отказал в удовлетворении требований истца о признании недействительным решения ФИПС об отказе в регистрации товарного знака, принятого на основе поданных возражений⁷. Истец ссылался на отсутствие сходства между комбинированным обозначением «Камчатский дом» и наименованием места происхождения товара «Камчатская нерка» в отношении рыбной продукции. В результате истец не сумел доказать отсутствие сходства между обозначениями из-за наличия звукового сходства. Сходную позицию СИП занял при вынесении решения от 14.02.2020 по делу № СИП-839/2019. Истец требовал отмены отказного решения ФИПС по обозначению «Вологодская кружевница», сходному с наименованием мест происхождения товара «Волгоградское кружево»⁸. СИП не удовлетворил иск. Таким образом, судебная практика неоднозначно разрешает вопрос установления сходства до степени смешения наименования места происхождения товара с иными обозначениями.

Нередко происходит отождествление понятий географического указания и места происхождения товара. В связи с этим представляется необходимым соотнести данные объекты охраны и провести их сравнительную характеристику в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормами международных соглашений.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 1516 ГК РФ географическое указание представляет собой обозначение, которое идентифицирует происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутацию или другие характеристики, в той или иной мере связанные с его географическим происхождением (характеристики товара). Таким образом, на территории определенного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, которая оказывает существенное влияние на формирование характеристик данного товара. Известными примерами географических указаний в Российской Федерации являются сыр «Рокфор» (район Рокфор-сюр-Сультзон), швейцарские часы (географическое указание Switzerland или Swiss).

В 2020 г. в России впервые было зарегистрировано географическое указание «Шуйское мыло» для товара «продукция косметическая гигиеническая моющая: мыло туалетное твердое ручной работы». Мыло производится в Ивановской области в городе Шуя. Примечательно, что мыловарение является одним из древнейших промыслов города Шуи. Первое упоминание о нем было в 1629 г. В начале XVIII в. в городе было 11 мыловаренных заводов. В 1781 г. российская императрица Екатерина Великая издала указ об образовании Владимирского наместничества и утвердила герб города Шуи. Герб представлял собой щит, разделенный на две части: в верхней части — стоящий на задних лапах лев (символ

⁷ Малейкин М. Наименование места происхождения товара // URL: <https://www.law.ru/article/23028-naimenovanie-mesta-proishojdeniya-tovara> (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ Малейкин М. Указ. соч.

губернского города Владимира), в нижней части — изображение мыла на красном фоне, означающее мыловаренные заводы, расположенные в городе. В настоящее время на гербе города Шуи также присутствует изображение мыла. В свою очередь, на каждом куске мыла есть штамп герба города Шуи образца 1781 г. и надпись «Шуйское мыло»⁹.

В 2021 г. Роспатентом было зарегистрировано географическое указание «Майкопский лимонад». Отличительной особенностью сладкого безалкогольного напитка является местная горная вода, обладающая уникальными питьевыми свойствами и редким минеральным составом, который определяет качество и вкус лимонада. Для производства «Майкопского лимонада» используется вода, добываемая из водозабора № 3, который каптирует родник «Первый Шумик» на 15 км от устья реки Цина. Родник расположен в урочище Шумичка в 80 км западнее города Майкоп на территории муниципального образования Апшеронский район Краснодарского края¹⁰.

А теперь рассмотрим особенности, отличающие географическое указание от наименования места происхождения товара. В качестве главных можно выделить следующие.

Во-первых, географическое указание является обозначением, позволяющим идентифицировать товар как происходящий с территории определенного географического объекта, его географическим происхождением определяются качество и репутация товара. Хотя бы одна из стадий производства товара, оказывающая влияние на формирование характеристик товара (географического указания), на территории определенного географического объекта должна реализовываться.

Во-вторых, наименование места происхождения товара представляет собой словесное обозначение, наименование географического объекта, ставшее известным в результате использования определенного товара, имеющего особые свойства, характерные для данного географического объекта, природных условий и (или) людских факторов. Все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара (наименования места происхождения товара), должны осуществляться на территории географического объекта.

Географическое указание, напротив, представляется более широким объектом охраны (наименование места происхождения товаров — лишь вид географического указания), так как предполагает более широкую связь особых свойств товара с той или иной территорией, а именно с географическим происхождением в широком смысле слова (местом производства, местом продажи)¹¹.

Международные соглашения в области промышленной собственности также предусматривают положения об охране указаний происхождения или наименования места происхождения. Так, Парижская конвенция по охране промышленной

⁹ URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/vpervye-zaregistrirovano-gu-11122020> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁰ Майкопский лимонад // URL: [https://www.yugpatent.ru/1/statii/news/majkopskij-limonad#:~:text=\(дата обращения: 14.06.2023\)](https://www.yugpatent.ru/1/statii/news/majkopskij-limonad#:~:text=(дата обращения: 14.06.2023)).

¹¹ Луткова О. В., Шахназаров Б. А., Терентьева Л. В. Интеллектуальная собственность в международном частном праве. М. : Проспект, 2021. С. 159.

собственности 1883 г.¹² оперирует термином «указание происхождения», но при этом не дает его определения или признаков¹³. Конвенция закрепляет норму о том, что арест налагается на любой товар, незаконно содержащий указание о его происхождении, в странах, в которых это указание имеет право на охрану. Тем самым вопрос оставлен на усмотрение национального права.

Мадридское соглашение о пресечении ложных и вводящих в заблуждение указаний о происхождении на товарах 1891 г.¹⁴ содержит положения о пресечении использования ложных и вводящих в заблуждение указаний о происхождении товаров, в частности о наложении ареста на любой товар, содержащий ложное или вводящее в заблуждение указание происхождения. Статья 1 Соглашения закрепляет норму о необходимости наложения ареста на все товары, имеющие ложное или вводящее в заблуждение указание, посредством которого одна из стран, к которой применяется Соглашение, или место, находящееся в ней, прямо или косвенно указаны в качестве страны или места происхождения.

Так, в соответствии со ст. 3 Соглашения страны, в которых применяется данное Соглашение, обязаны запрещать при продаже, демонстрации или предложении товаров употребление любых обозначений, имеющих рекламный характер, способных ввести потребителей в заблуждение относительно происхождения товаров, путем помещения этих обозначений на вывесках, в объявлениях, счетах, картах вин, деловой корреспонденции или бумагах либо на любых других торговых сообщениях.

В статьях 22—24 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. (ТРИПС)¹⁵ впервые закрепляется понятие «географическое указание». В соответствии с ТРИПС географические указания представляют собой обозначения, идентифицирующие товар как происходящий с территории государства-участника или региона, или местности на этой территории, где определенное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением.

Государства — участники Соглашения предусматривают правовые меры в отношении географических указаний, направленные на предотвращение использования любых средств в обозначении или представлении товара, которые указывают или создают впечатление, что товар происходит из географического района, отличного от его истинного места происхождения, в результате чего общественность может быть введена в заблуждение относительно географического происхождения данного товара.

Статья 2 Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г.¹⁶ закрепляет понятие указания

¹² См.: Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. // URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/paris/> (дата обращения: 15.06.2023).

¹³ Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности : учебник. М. : Статут, 2018. Т. 3 : Средства индивидуализации. С. 295.

¹⁴ URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/madrid/> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁵ URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁶ URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/registration/lisbon/summary_lisbon.html (дата обращения: 15.06.2023).

места происхождения. Так, под указанием места происхождения понимается географическое название страны, района или местности, используемое для обозначения происхождения оттуда изделия, качество и свойства которого определяются исключительно или в существенной мере географической средой, включая природные и этнографические факторы.

В рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности был принят Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях 2015 г.¹⁷, который, как следует из названия, предоставляет возможность осуществлять международную регистрацию не только наименований мест происхождения, но и географических указаний¹⁸.

Так, согласно ст. 1 Женевского акта, наименованием места происхождения названо любое наименование, охраняемое в государстве — участнике соглашения (страна происхождения) и являющееся названием географического района или иного наименования, известного как указание на такой район или содержащего такое название или иное наименование, которое служит для обозначения товара как происходящего из этого географического района, когда качество или свойство товара обусловлены исключительно или главным образом географической средой, включая природные и людские факторы, что создало этому товару его репутацию¹⁹.

Географическое указание — указание, охраняемое в государстве — участнике соглашения, являющееся названием географического района или содержащее такое название или такое указание, которое идентифицирует товар как происходящий из этого географического района, когда определенное качество, репутация или иное свойство товара обусловлены главным образом его географическим происхождением²⁰.

Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза 2020 г.²¹ в ст. 2 определяет наименование места происхождения товара Союза как обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, или обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами, охраняются одновременно на территориях всех государств-членов.

Согласно п. 5 ст. 20 данного Договора, не признается наименованием места происхождения товара обозначение, вошедшее во всеобщее употребление как

¹⁷ URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/registration/lisbon/summary_lisbon-geneva.html (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁸ Дмитриева Г. К. Международное частное право : учебник. М. : Проспект, 2022. С. 954.

¹⁹ Дмитриева Г. К. Указ. соч. С. 975.

²⁰ Дмитриева Г. К. Указ. соч. С. 975.

²¹ Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза 2020 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/564233352> (дата обращения: 15.06.2023).

обозначение товара определенного вида на территории любого государства-члена, не связанное с местом его производства.

Подводя итог сравнительной характеристике наименования места происхождения товара и географического указания, важно отметить, что указанные объекты охраны не являются тождественными в силу следующих основополагающих факторов:

1. Географическое указание является обозначением, позволяющим идентифицировать товар как происходящий с территории определенного географического района, качество и репутация которого определяются его географическим происхождением. Хотя бы одна из стадий производства товара, оказывающая влияние на формирование характеристик товара (географического указания), должна реализовываться на территории определенного географического объекта. Географическое происхождение определяется местом продажи или производства товара. Основной этап производства осуществляется на территории определенного географического района.

2. Наименование места происхождения товара представляет собой словесное обозначение, наименование географического объекта, ставшее известным в результате использования в отношении определенного товара, имеющего особые свойства, характерных для данного географического объекта природных условий и (или) людских факторов. Все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара (наименования места происхождения товара), должны осуществляться на территории географического объекта. Особые свойства товара и его репутация будут определяться географической средой. Все стадии производства происходят на территории определенного географического района.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Дмитриева Г. К.* Международное частное право : учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2022. — 216 с.
2. *Луткова О. В. Шахназаров Б. А. Терентьева Л. В.* Интеллектуальная собственность в международном частном праве. — М. : Проспект, 2021. — 272 с.
3. *Новоселова Л. А.* Право интеллектуальной собственности : учебник. — М. : Статут, 2018. — Т. 3 : Средства индивидуализации. — 432 с.

**Хатиа Давидовна
ПИРЦХАЛАВА,**

доцент кафедры
международного
частного права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

hdpirchalava@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Нормы этики в инновационной медицине¹

Аннотация. Государства стараются развить сектор медицины и здравоохранения в целом, поскольку они являются одними из факторов, способствующих экономическому развитию государств.

Тренд на необходимость внедрения инноваций в сфере технологий, инновационных лекарственных средств приводит к внесению изменений в законодательство региональных интеграционных объединений, внутреннее законодательство государств — участников данных интеграционных объединений. Развитие медицины способствует развитию медицинского туризма, что является положительным трендом. Вместе с тем необходимость инновационного развития медицины не может идти в отрыве от религиозных норм. С развитием рынка лекарственных средств, инновационного фармацевтического бизнеса пересекаются вопросы развития современного образования, трудового законодательства, конституционного законодательства, а также норм международного публичного, а также международного частного права, когда речь идет о частных медицинских компаниях, трансграничном фармацевтическом бизнесе. Действительно, инновационное развитие здравоохранения возможно при консолидации медицинского сообщества, с учетом обмена опытом, в сочетании с нормами религии.

Ключевые слова: инновационная медицина, современное здравоохранение, нормы этики, международные конвенции, цели устойчивого развития, биоэтика, современные медицинские технологии.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.182-187

Khatia D. PIRTSKHALAVA,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

hdpirchalava@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Ethical Standards in Innovative Medicine

Abstract. States are trying to develop the sector of medicine and healthcare in general, as they are one of the factors contributing to the economic development of states. The trend towards the need to invent innovations, both in the field of technology and medicines, leads to changes in the legislation of regional integration associations, as well as in the domestic legislation of the member states of these integration associations. The development of

medicine contributes to the development of medical tourism, which is a positive trend. At the same time, the need for innovative development of medicine cannot go in isolation from the norms of religion. With the development of the innovative pharmaceutical business, such issues as the development of modern education, labor legislation, constitutional legislation, as well as the norms of international public and international private law intersect when it comes to private medical companies, cross-border pharmaceutical business. Indeed, the innovative development of health care is possible in the consolidation of the medical community, the exchange of experience, in combination with the norms of religion.

Keywords: *innovative medicine, modern healthcare, ethics, international conventions, sustainable development goals, bioethics, modern medical technologies.*

В 1994 г. был принят Международный кодекс медицинской этики, в котором указано, что «с нормами медицинской этики не совместимы: а) самореклама, если она специально не разрешена законами страны и этическим кодексом национальной медицинской ассоциации; б) выплата врачом комиссионных за направление к нему пациента либо получение платы или иного вознаграждения из любого источника за направление пациента в определенное лечебное учреждение, к определенному специалисту или назначение определенного вида лечения без достаточных медицинских оснований»².

В России был принят Кодекс этики российского врача, в ст. 16 которого указано, что врач обязан поддерживать честь и благородные традиции медицинского сообщества³. В течение всей жизни врач обязан сохранять уважение, благодарность и обязательства по отношению к тому, кто научил его врачебному искусству. Врач обязан делать все от него зависящее для консолидации врачебного сообщества, активно участвовать в работе врачебных ассоциаций, защищать честь и достоинство коллег как свои собственные, не применять диагностические и лечебные методы, осужденные ассоциацией врачей.

Моральная обязанность врача блюсти чистоту рядов врачебного сообщества, беспристрастно анализировать ошибки своих коллег как свои собственные, активно препятствовать практике бесчестных и некомпетентных коллег, а также различного рода непрофессионалов, наносящих ущерб здоровью пациентов.

Кроме того, в ст. 19 Кодекса указано, что врач должен соблюдать крайнюю осторожность при практическом применении новых для него методов.

Новые медицинские технологии или препараты могут применяться во врачебной практике только после одобрения медицинской ассоциацией. Врач должен избегать рекламирования открытий или новых методов лечения через непрофессиональные каналы⁴.

² URL: <https://webmed.irkutsk.ru/doc/order/wmaethics.pdf>.

³ Кодекс этики российского врача 1994 г. // URL: <https://onf.ru/2013/05/30/kodeks-e-tiki-rossijskogo-vracha/> (дата обращения: 19.06.2023).

⁴ См.: Кодекс этики российского врача.

В 2011 г. в России был принят Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в ст. 45 которого закреплен запрет эвтаназии: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, т.е. ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента»⁵.

На наш взгляд, запрет эвтаназии в законодательстве является положительным вектором, и здесь видна связанность норм законодательства с нормами религии. В качестве принципов охраны здоровья в данном Законе закреплены: недопустимость отказа в оказании медицинской помощи; соблюдение врачебной тайны.

В Указе Президента РФ от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» говорится об обеспечении ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, внедрении инновационных медицинских технологий⁶.

В пункте 7 ст. 24 Федерального закона «О рекламе» установлено, что реклама лекарственных препаратов, медицинских услуг, в том числе методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, медицинских изделий, должна сопровождаться предупреждением о наличии противопоказаний к их применению и использованию, необходимости ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов.

В рекламе, распространяемой в радиопрограммах, продолжительность такого предупреждения должна составлять не менее чем 3 секунды, в рекламе, распространяемой в телепрограммах и при кино- и видеообслуживании, — не менее чем 5 секунд, и этому должно быть отведено не менее чем 7 % площади кадра, а в рекламе, распространяемой другими способами, — не менее 5 % рекламной площади (рекламного пространства). Требования настоящей части не распространяются на рекламу, распространяемую в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий, а также в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях и на иную рекламу, потребителями которой являются исключительно медицинские и фармацевтические работники⁷.

В пункте 1.1 ст. 25 Закона «О рекламе» указано, что реклама биологически активных добавок в каждом случае должна сопровождаться предупреждением о том, что объект рекламирования не является лекарственным средством.

В рамках ЕАЭС было принято решение от 21.05.2021 «Основные ориентиры макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2021—2022 годы». К таким ориентирам отнесены «обеспечение защиты конкуренции на трансграничных рынках; развитие сотрудничества в сфере здравоохранения в части обеспечения доступности современных достижений

⁵ URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g> (дата обращения: 19.06.2023).

⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 19.06.2023).

⁷ Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // Российская газета. 15.03.2006. № 51.

в сфере здравоохранения, использование технологий телемедицины, оказания высокотехнологичной медицинской помощи»⁸.

В России действует постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 305 (с изм. и доп. от 29.12.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие фармацевтической и медицинской промышленности”», в которой в качестве приоритетов государственной политики в сфере реализации государственной программы указаны:

— импортонезависимость (в том числе субстанций, лекарственных препаратов, входящих в перечень стратегически значимых лекарственных средств, низкомаржинальных, но востребованных отечественной системой здравоохранения лекарственных препаратов и медицинских изделий и др.) в целях обеспечения лекарственной безопасности Российской Федерации;

— обеспечение необходимого роста производственных мощностей фармацевтической и медицинской промышленности для достижения цели государственной программы, в том числе с помощью адресного финансирования объектов капитального строительства за счет средств федерального бюджета;

— развитие института обеспечения качества лекарственных препаратов и медицинских изделий для национальной системы здравоохранения;

— создание и совершенствование условий для разработки инновационных лекарственных препаратов и медицинских изделий⁹.

В 2018 г. в России были приняты Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 № 8028п-П13), где закреплено, что Правительство РФ примет активные меры по стимулированию развития производственного и инновационного потенциала высокотехнологичных отраслей, к которым относятся в том числе фармацевтическая и медицинская промышленность¹⁰.

В рамках ЕАЭС действует Договор о ЕАЭС, в котором указано, что функционирование общего рынка лекарственных средств в рамках Союза осуществляется начиная с 01.01.2016 в соответствии с международным договором в рамках Союза, определяющим единые принципы и правила обращения лекарственных средств, который должен быть заключен государствами-членами не позднее 01.01.2015.

Функционирование общего рынка медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Союза осуществляется в соответствии с международным договором и с учетом положений ст. 100 Договора¹¹.

К Договору о ЕАЭС был принят Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском Экономическом союзе от 29.05.2014 в котором указано на «недопущение действий, которые могут являться препятствием для возникновения

⁸ URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 19.06.2023).

⁹ СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. I). Ст. 2152.

¹⁰ URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения: 19.06.2023).

¹¹ Договор о Евразийском экономическом Союзе от 29.05.2014 // URL: https://economy.gov.ru/material/file/2bbbbf9ae33443d533d855bf2225707e/dogovor_ees.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

конкуренции и (или) могут привести к ограничению, устранению конкуренции на трансграничном рынке и нарушению общих правил конкуренции»¹².

В рамках ЕАЭС принято решение ЕАЭС «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». В нем ставится задача проработки вопроса о необходимости последовательного сближения государствами-членами квалификаций специалистов различных видов профессиональной деятельности (в том числе в сфере медицинского, педагогического, юридического и фармацевтического образования) для повышения эффективности функционирования рынка трудовых ресурсов в рамках Союза¹³.

Принятая в 2005 г. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека преследует следующие цели:

— обеспечение универсального комплекса принципов и процедур, которыми могут руководствоваться государства при выработке своих законодательных норм, политики или других инструментов в области биоэтики;

— поощрение уважения человеческого достоинства и защиты прав человека путем обеспечения уважения человеческой жизни и основных свобод в соответствии с международными нормами в области прав человека;

— признание важного значения свободы научных исследований и благ, приносимых научно-техническим прогрессом, с указанием при этом на необходимость того, чтобы такие исследования и прогресс не выходили за рамки этических принципов, изложенных в настоящей Декларации при уважении человеческого достоинства, прав человека и основных свобод;

— содействие многодисциплинарному и плюралистическому диалогу по биоэтическим проблемам между всеми заинтересованными сторонами и в рамках общества в целом¹⁴.

Кроме того, во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека указано, что в целях содействия реализации принципов, изложенных в настоящей Декларации, и обеспечения более глубокого понимания этических последствий научно-технического прогресса, в частности для молодежи, государствам следует прилагать усилия по содействию образованию и профессиональной подготовки в области биоэтики, а также поощрению осуществления программ распространения информации и знаний о биоэтике¹⁵.

Таким образом, для прогресса в развитии экономики, бизнеса либо медицины необходимо соотнесение их с нормами этики, морали.

В Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года предусмотрены следующие шаги:

— поддержка инновационных и технологических проектов в приоритетных областях сотрудничества;

¹² URL: https://economy.gov.ru/material/file/2bbbbf9ae33443d533d855bf2225707e/dogovor_ees.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

¹³ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-01-2021-1.aspx> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁴ URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142825_rus.page=90 (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁵ URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142825_rus.page=90 (дата обращения: 19.06.2023).

— повышение мобильности внутри БРИКС, включая представителей делового сообщества, медицинских работников, студентов, рабочих, научных сотрудников;

— развитие сотрудничества в сфере туризма и туристических услуг в странах БРИКС, привлечение инвестиций для развития туристической отрасли;

— содействие развитию и использованию новых и новейших технологий и услуг путем реализации научных и технологических проектов и создания благоприятных условий для инновационной деятельности¹⁶.

Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. разработаны цели устойчивого развития, третья из которых направлена на обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию всех в любом возрасте¹⁷. В частности, поставлены задачи:

— обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, в том числе защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медикосанитарным услугам и доступ к безопасным, эффективным, качественным и недорогим основным лекарственным средствам и вакцинам для всех;

— существенно увеличить финансирование здравоохранения и набор, развитие, профессиональную подготовку и удержание медицинских кадров в развивающихся странах, особенно в наименее развитых странах и малых островных развивающихся государствах¹⁸.

В качестве девятой цели намечено создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям. В частности, указано о необходимости развития качественной, надежной, устойчивой и стойкой инфраструктуры, включая региональную и трансграничную инфраструктуру, в целях поддержки экономического развития и благополучия людей, уделяя особое внимание обеспечению недорогого и равноправного доступа для всех¹⁹.

Постановлением Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 была принята Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019—2027 годы, в которой в качестве основных целей указаны комплексное решение задач ускоренного развития генетических технологий, в том числе технологий генетического редактирования, и создание научно-технологических заделов для медицины, сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствование мер предупреждения чрезвычайных ситуаций биологического характера и контроля в этой области²⁰.

Таким образом, развитие новейших технологий оказывает огромное влияние на сферу здравоохранения, промышленность.

¹⁶ URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁷ Цели в области устойчивого развития // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁸ URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁹ URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/infrastructure-industrialization/> (дата обращения: 19.06.2023).

²⁰ Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 «Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019—2027 годы» // URL: <http://static.government.ru/media/files/1fervexysovyfduun1tstwllykrtemu.pdf> (дата обращения: 19.06.2023).

**Сергей Леонидович
СИТНИКОВ,**

партнер, глава

ESG-практики

адвокатского бюро

«ЕМПП»,

кандидат юридических наук

sitnikovserge@gmail.com

125009, Россия, г. Москва,

Дегтярный пер., д. 4/1

Некоторые аспекты углеродного ценообразования и его особенности¹

Аннотация. В ситуации, когда климат на планете продолжает катастрофически меняться, а последствия такого изменения могут быть предотвращены только скорейшими совместными усилиями мирового сообщества, значительно возрастает роль инструментов углеродного регулирования и их гармонизации. В число наиболее важных из них входят инструменты углеродного ценообразования и формируемая ими цена на углерод. Настоящая работа является первой частью теоретического исследования актуальных вопросов формирования цены на углерод на международном и национальном уровнях. В ней сравниваются и анализируются разные подходы к перечню и содержанию инструментов углеродного ценообразования, критически осмысливаются различные сложившиеся в иностранных юрисдикциях подходы к классификации таких инструментов и впервые формулируются универсальные принципы, на которых должна строиться цена на углерод. Автор обращает особое внимание на необходимость следования консервативному подходу к определению инструментов углеродного ценообразования и цены на углерод, а также на необходимость различать непосредственно инструменты углеродного ценообразования и иные механизмы стимулирования ограничения выбросов парниковых газов.

Ключевые слова: цена на углерод, углеродное ценообразование, углеродное регулирование, углеродные единицы, трансграничное углеродное регулирование, ТУР.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.188-198

Sergey L. SITNIKOV,

Partner and Head of ESG practice at EMPP Law Firm,

Cand. Sci. (Law)

sitnikovserge@gmail.com

4/1, Degtyarny per., Moscow, Russia, 125009

Certain aspects of carbon pricing and its peculiarities

Abstract. In a situation when the climate on the planet continues to change catastrophically, and the consequences of this change can only be prevented by the rapid joint efforts of the global community, the role of instruments of carbon regulation and their harmonization increases significantly. Among the most important such instruments are carbon pricing instruments and the

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

carbon price that they form. This paper is the first part of an extensive theoretical research of acute issues of carbon pricing on the international and national levels. It compares and analyzes different approaches to the list and elements of carbon pricing instruments, critically analyzes various approaches to the classification of such instruments developed in foreign jurisdictions, and for the first time formulates universal principles on which the carbon price should be based. The author emphasizes the need for a conservative approach to defining carbon pricing mechanisms and carbon price, as well as the importance of distinguishing between carbon pricing instruments and other mechanisms for incentivizing greenhouse gas emissions reduction.

Keywords: *carbon price, carbon pricing, carbon regulation, carbon credits, carbon border adjustment, CBAM.*

Неутешительные экспертные прогнозы относительно вероятного сценария будущего человечества в контексте изменений климата² остаются неизменными. Поэтому так важны совместные усилия всего сообщества для решения этой проблемы³. Одним из примеров таких усилий является работа над созданием инструментов (в том числе регуляторных), которые могли бы предотвратить обозначенные экспертами негативные последствия роста глобальной средней температуры или помочь адаптироваться к ним.

В число одних из наиболее важных таких инструментов входят так называемые инструменты углеродного ценообразования. Они зачастую становятся основой функционирования комплексных механизмов национального регулирования в сфере ограничения выбросов парниковых газов⁴. В наши дни такие механизмы начинают приобретать не только внутринациональный, но и трансграничный характер, что придает инструментам углеродного ценообразования еще большее значение (а от качества их проработки и гармонизации с международными подходами начинает зависеть и их экономический эффект, влияние на экономику вообще и хозяйствующих субъектов соответствующего государства в частности).

От юрисдикции к юрисдикции, относясь к одной и той же сфере и аспектам экономических отношений, эти инструменты углеродного ценообразования зачастую не совпадают не только по их набору, но и по содержанию. Даже на экспертном уровне отмечаются разные подходы к этим вопросам, что на практике

² См., например: Шестой оценочный доклад МГЭИК // URL: <https://www.ipcc.ch/languages-2/russian/> (дата обращения: 19.06.2023).

³ Ackerman F., Stanton E. A. Climate Change and Global Equity. Anthem Press, 2015. 284 с. ISBN 9781783084296.

⁴ На экспертном уровне можно также часто встретить термин «углерод», обозначающий как непосредственно диоксид углерода, так и иные парниковые газы, регулируемые в рамках соответствующей юрисдикции или механизма и рассчитываемые в эквиваленте к диоксиду углерода. Именно в таком контексте данный термин стал частью иных самостоятельных терминов (углеродное регулирование, цена на углерод и др.). В таком же значении данный термин используется и в настоящей работе.

начинает приводить к несовпадению соответствующих инструментов, их набора и принципов работы.

Это особенно проявляется на уровне трансграничных отношений между хозяйствующими субъектами из юрисдикций, где функционируют соответствующие инструменты и отсутствуют единые подходы к ним. Поэтому так важно формировать единое понимание по ключевым вопросам, касающимся общего и универсального перечня инструментов углеродного ценообразования, соотношения между ними, их классификации, элементов и возможностей применения.

Без единообразного подхода к этим вопросам было бы, как представляется, невозможно обеспечить эффективное международное взаимодействие (в том числе в рамках межгосударственного сотрудничества по борьбе с изменением климата), а также достижение национальных климатических целей, которые ставят перед собой отдельные страны (включая Россию). При этом данный вопрос должен решаться в рамках правового регулирования, учитывая как научные и технологические возможности (возможности реальной оценки углеродоемкости продукции и др.), так и складывающиеся международную конъюнктуру и государственную политику в отношении формирования и использования инструментов углеродного регулирования третьими странами.

1. «Пигувианский налог»

Однозначно установить истоки возникновения такого элемента углеродного регулирования, как углеродное ценообразование, каким мы его знаем в настоящее время, весьма затруднительно. Однако в контексте его появления нельзя не вспомнить имя английского экономиста XX в. Артура Пигу.

В трактате «Экономика благосостояния», 1920 г.⁵, Артур Пигу, помимо прочего, отметил и описал такое явление, как побочный негативный эффект от обычной деятельности, стоимость которого не отражена в рыночной стоимости такой деятельности. Он предложил оценивать соответствующий эффект и возлагать на лицо, осуществляющее такую деятельность, обязанность по его компенсации. В качестве примера таких внешних негативных эффектов можно назвать курение в общественном месте и влияние сигаретного дыма на здоровье окружающих людей, строительство фабрики в густонаселенном районе и ее воздействие (в том числе в виде шума, выбросов и проч.) на жилые кварталы вокруг нее, образование выхлопных газов в результате использования человеком своего автомобиля и др.

Помимо прочего, в качестве меры компенсации такого рода негативных эффектов А. Пигу видел создание специального налога (получившего впоследствии его имя — налог Пигу или Пигувианский налог, которым облагается создатель негативного внешнего эффекта и величина которого равна денежной сумме, необходимой для того, чтобы частные издержки лица, чьи действия приводят к негативным последствиям, были равны социальным издержкам по устранению такого последствия или адаптации к нему.

⁵ Пигу А. Экономика благосостояния. М. : Прогресс, 1985. 512 с. ISBN 978-5699883950.

Отражение идей А. Пигу можно увидеть и в более современных работах экспертов⁶, и в существующих подходах к углеродному ценообразованию, которое начинает внедряться во все большем числе юрисдикций. Понимая необходимость внедрения правовых инструментов, направленных на устранение негативных эффектов, являющихся результатом выброса углерода, страны все более активно обращаются к экономическим инструментам, стимулирующим лиц, чья деятельность сопровождается такими выбросами (или косвенно связана с ними), осуществлять мероприятия по сокращению этих выбросов или участию в устранении наступающих последствий либо нести расходы по уплате так называемой цены на углерод для компенсации соответствующих негативных эффектов своей деятельности.

2. Углеродное регулирование, углеродное ценообразование и цена на углерод

Рассмотрение вопроса об углеродном ценообразовании нельзя начать без определения его соотношения с такими категориями, как цена на углерод и углеродное регулирование. Как показывает практика, достаточно часто возникает путаница в использовании соответствующих терминов даже в экспертной среде, а потому этот вопрос до сих пор остается актуальным.

Прежде всего обратимся к термину, который обычно вызывает меньше всего вопросов: «углеродное регулирование». Данный термин описывает совокупность нормативных актов и иных источников права (в зависимости от специфики конкретной юрисдикции), которые посвящены непосредственно регулированию отношений в сфере ограничения в соответствующей юрисдикции выбросов углерода: диоксида углерода и иных парниковых газов, регулируемых в соответствующей юрисдикции и рассчитываемых в определенном эквиваленте к диоксиду углерода.

Углеродное регулирование, таким образом, является, по сути, полем, на основании (и в рамках) которого произрастают различные правовые институты и механизмы, объединенные указанной единой целью — ограничить выбросы парниковых газов. При этом, с точки зрения принадлежности к конкретной отрасли права, элементы углеродного регулирования могут возникать в совершенно разных и независимых отраслях (например, в налоговой, административной, уголовной и пр.), но все они, объединенные указанной общей целью, являются неотъемлемыми частями одного явления.

Помимо термина «углеродное регулирование» в различных источниках (а часто и в рамках одного и того же источника)⁷ можно встретить два практически

⁶ См., например: *Carraro C., Metcalf G. E. (eds.). Behavioral and Distributional Effects of Environmental Policy.* Chicago : University of Chicago Press, 2000 ; *Spash C. Greenhouse Economics: Value and Ethics.* London : Routledge, 2002 ; *Tol R. The Social Cost of Carbon.* Annual Review of Resource Economics. DOI: 3.10.1146/annurev-resource-083110-120028.

⁷ См., например: Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj> (дата обращения: 19.06.2023).

совпадающих по формулировке, но существенно различающихся по смыслу термина: «углеродное ценообразование», или carbon pricing (и его производные типа «инструменты углеродного ценообразования», или carbon pricing instrument(s)), с одной стороны, и «цена на углерод», или carbon price (иногда также обозначаемого price on carbon и т.п.).

Инструменты углеродного ценообразования, как представляется, можно определить, как механизмы регулирования выбросов парниковых газов, формирующие для хозяйствующих субъектов экономические стимулы (негативного характера) по ограничению выбросов парниковых газов и (или) по снижению углеродоемкости продукции и углеродного следа. При этом природа таких инструментов может быть различной, например, налоговой (в случае принятия инструментами углеродного ценообразования формы углеродного налога), административной (в случае принятия инструментами углеродного ценообразования формы административных сборов или платежей) и даже гражданско-правовой (в том числе в случае функционирования в рамках юрисдикции некоторых форм механизма торговли углеродными активами⁸).

В свою очередь, термин «цена на углерод» (и производные данного термина) характеризует непосредственно финансовую стоимость (денежную сумму), возникающую в результате функционирования инструментов углеродного ценообразования и относящуюся к выбросам парниковых газов⁹. Иными словами, цена на углерод возникает в результате применения и работы инструментов углеродного ценообразования и не может существовать отдельно от них, а использование термина «цена на углерод» в качестве самостоятельного инструмента углеродного ценообразования является абсолютно неверным.

Цена на углерод должна строиться на консервативных принципах: прозрачность и бесспорность ее определения, прямая связь с выбросом парниковых газов, а также фактическая уплата лицом, в результате деятельности которого произошел соответствующий выброс. Рассмотрение цены на углерод в более широком смысле (например, учитывая в ее рамках и иные экономические (или иные) явления (нефинансовая мотивация субъекта сокращать выбросы парниковых газов и т.п.), которые не соответствуют указанным выше принципам) не только приводит к различным спорам относительно ее фактической величины в той или иной юрисдикции (ввиду широкого спектра различных механизмов углеродного регулирования, направленных на ограничение парниковых газов, но напрямую не являющихся инструментами углеродного ценообразования), но и нивелирует значение цены на углерод как важного элемента углеродного регулирования.

⁸ Под углеродными активами понимаются любые виды доступных для обращения эквивалентов сокращения парниковых газов и (или) увеличения их поглощения, выраженных в массе парниковых газов эквивалентной 1 т CO₂ (углеродные разрешения, углеродные оффсеты, углеродные единицы и др.).

⁹ Такого подхода придерживаются, в частности, европейские регуляторы в рамках Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism (URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj> (дата обращения: 19.06.2023)).

Очевидно, что чем выше в рамках конкретной юрисдикции цена на углерод, тем больший стимул к ограничению выбросов парниковых газов создается в рамках соответствующей юрисдикции (но и тем большие вызовы испытывают хозяйствующие субъекты, работающие в этой юрисдикции). В том числе по этой причине так важно максимально точно определять цену на углерод (как своего рода эндшпиль углеродного регулирования), используя указанные выше принципы и не допуская ее необоснованного расширительного толкования, особенно, при введении новых инструментов углеродного ценообразования в рамках соответствующей страны (а уж тем более «трансграничного» регулирования).

Термины «углеродное ценообразование» и «цена на углерод» описывают, таким образом, явления, возникающие исключительно по причине существования (и в рамках) соответствующего углеродного регулирования, и при этом цена на углерод возникает как результат функционирования существующих инструментов углеродного ценообразования (см. рис. 1).

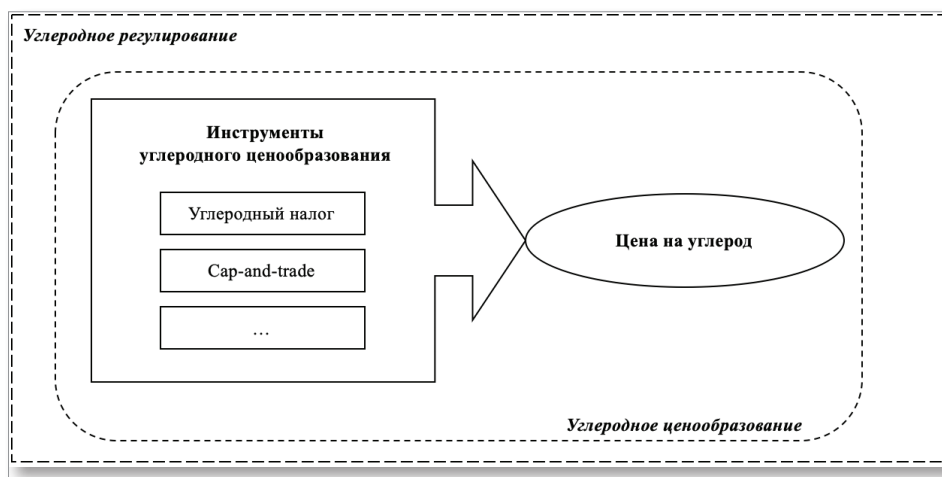

Рис. 1. Углеродное ценообразование как элемент углеродного регулирования (разработано автором)

3. Виды углеродного ценообразования

В зависимости от видов инструментов углеродного ценообразования, а также принципов их действия углеродное ценообразование традиционно разделяют на прямое (эксплицитное) и косвенное (имплицитное), а инструменты углеродного ценообразования, соответственно, на прямые и косвенные¹⁰.

¹⁰ См., например, отчеты: World Bank. 2023. State and Trends of Carbon Pricing 2023. Washington, DC : World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-2006-9 ; OECD (2022), «Effective carbon prices in industry and electricity, by country», in Pricing Greenhouse Gas Emissions: Turning Climate Targets into Climate Action, OECD Series on Carbon Pricing and Energy Taxation, OECD Publishing, Paris, URL: <https://doi.org/10.1787/684645d7-en>.

3.1. Прямое углеродное ценообразование

К инструментам прямого углеродного ценообразования международные эксперты традиционно относят следующие:

- углеродный налог;
- систему торговли выбросами в ее классическом виде ограничения и торговли по принципу cap-and-trade с функционирующими в ее рамках разрешениями на выбросы¹¹. При этом некоторые эксперты предлагают учитывать и иные механизмы торговли углеродными активами (например, предполагающие возможность торговли углеродными офсетам и др.)¹², но такой подход представляется недостаточно обоснованным (в частности, в связи с невозможностью учета в рамках таких механизмов принципов формирования цены на углерод, указанных выше, в разделе 2).

В отношении термина «углеродный налог» отсутствует единое юридическое определение. В связи с этим в среде экспертов и регуляторов наблюдаются расхождения относительно того, представляет ли собой эта категория конкретно фискальный механизм (или «классический» налог)¹³ либо же она включает в себя любые административно устанавливаемые платежи¹⁴. Даже само по себе существование таких расхождений в подходах заставляет признать, что указанный перечень инструментов прямого углеродного ценообразования должен быть расширен и в число этих инструментов необходимо отдельно также включить и такого рода платежи и сборы, непосредственно связанные с выбросами углерода.

Более того, во многих юрисдикциях (в том числе в Российской Федерации) налогом является специальный фискальный сбор, устанавливаемый в особом порядке и по особым правилам, а целью налога обычно является «финансовое обеспечение деятельности государства и (или) муниципальных образований»¹⁵.

В свою очередь, платежи и сборы, связанные непосредственно с выбросами парниковых газов, могут устанавливаться в обычном порядке на уровне подзаконных актов, а их основной целью является реализация принципа «загрязнитель платит» и возложение на лицо, в результате деятельности которого осуществляются выбросы парниковых газов, обязанности по выплате финансовой компенсации ущерба окружающей среде, связанного с таким выбросом. Эти платежи и

¹¹ См., например, отчет: OECD (2022), “Effective carbon prices in industry and electricity, by country”, in Pricing Greenhouse Gas Emissions: Turning Climate Targets into Climate Action, OECD Series on Carbon Pricing and Energy Taxation. P. 14. OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/684645d7-en>.

¹² См., например, отчет: World Bank. 2023. State and Trends of Carbon Pricing 2023. P. 11. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-2006-9.

¹³ Подход, в частности, избранный европейскими регуляторами, разделившими категории «углеродный налог» и «сборы и пошлины» в рамках документа: Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism. П. 29 ст. 3.

¹⁴ Так, например, описывают углеродный налог Lawrence H. Goulder и Andrew Schein. См.: Goulder L. H., Schein A. Carbon Taxes versus Cap and Trade: A Critical Review // Climate Change Economics. 2022. Vol. 4. No. 3. P. 4.

¹⁵ Налоговый кодекс РФ. Ч. 1 ст. 8 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

сборы рассчитываются в зависимости от массы выброшенного углерода и оплачиваются по фиксированной или плавающей шкале — в зависимости от правил функционирования углеродного регулирования соответствующей юрисдикции.

Учитывая это, соответствующие платежи и сборы не могут (и не должны), как представляется, включаться в состав такой категории, как углеродный налог, и являются самостоятельным инструментом прямого углеродного ценообразования.

3.2 Косвенное углеродное ценообразование

Помимо инструментов прямого углеродного ценообразования значительное число экспертов выделяет и инструменты косвенного углеродного ценообразования. Причем круг последних обычно очерчивается шире и включает различные экономические механизмы и инструменты, например:

- налоги (акцизы) на топливо (ВБ¹⁶/ОЭСР¹⁷);
- дифференцированные ставки налога на добавленную стоимость (ВБ);
- дифференцированные ставки корпоративных налогов или налогов на прибыль организаций (ОЭСР);
- субсидии на использование возобновляемых источников энергии (ВБ/ОЭСР);
- тарифы на подключение к сети (ОЭСР);
- налоги и субсидии на электрическую энергию (ОЭСР);
- некоторые субсидии в промышленном секторе, сельском хозяйстве и ЖКХ (ОЭСР);
- иные.

Однако, если придерживаться консервативного подхода к цене на углерод и принципов, которым она должна соответствовать (указанных в разделе 2 настоящей работы), то становится очевидно, что механизмы, которые определяются экспертами в качестве инструментов косвенного углеродного ценообразования, не имеют прямого отношения непосредственно к углеродному ценообразованию. В частности, это связано с тем, что в результате функционирования таких механизмов не возникает прозрачная и бесспорно определяемая (с точки зрения ее величины и расчета) фактически уплачиваемая денежная стоимость выброса конкретно 1 тонны эквивалента углерода. В зависимости от конструкции соответствующего механизма обязанность по внесению соответствующего платежа совершенно не обязательно возлагается непосредственно на то лицо, в результате деятельности которого образуются выбросы.

Поэтому представляется важным придерживаться консервативного подхода к данному вопросу и рассматривать в качестве инструментов углеродного ценообразования только инструменты прямого углеродного ценообразования¹⁸.

¹⁶ По мнению экспертов Всемирного банка в рамках отчета World Bank. 2023. State and Trends of Carbon Pricing 2023.

¹⁷ По мнению экспертов ОЭСР в рамках отчета OECD (2022), "Effective carbon prices in industry and electricity, by country".

¹⁸ Например, европейские регуляторы также напрямую отмечают необходимость однозначного и обоснованного учета выбросов парниковых газов для целей формирования цены на углерод (см.: Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of

Остальные механизмы и инструменты (в том числе относимые некоторыми экспертами к так называемым инструментам косвенного углеродного ценообразования) являются, по сути, мерами стимулирования ограничения выбросов, но не формируют цену на углерод.

Для иллюстрации возьмем, к примеру, акцизы на топливо. Их целью может, конечно, быть создание экономического стимула для потребителей выбирать более энергоэффективные и низкоуглеродные альтернативы, что в результате может привести к снижению выбросов углерода. Регулируя размер акциза (например, повышая его) можно стимулировать отказ от использования соответствующей продукции (например, с намерением стимулировать потребителя переходить на транспортные средства с меньшим уровнем выбросов и поиск более экологически чистых альтернатив, таких как электромобили или общественный транспорт). Можно предположить, что потребители, сталкивающиеся с более высокими расходами на топливо, постепенно меняют свое поведение в сторону более устойчивых практик, что способствует снижению общего объема выбросов углерода.

Таким образом, акцизы на топливо теоретически могут служить механизмом внедрения принципа «загрязнитель платит», где потребители, использующие топливо с высоким содержанием углерода, компенсируют негативное воздействие своих выбросов путем уплаты дополнительного сбора в качестве компенсации негативных социальноэкономических последствий использования автотранспорта, а размер акциза зависит от реальной массы углерода, содержащейся в конкретном топливе.

На деле же целью внедрения акциза на топливо является общее пополнение бюджета, а не реализация принципа «загрязнитель платит», связь между массой выбрасываемого углерода и размером акциза обычно полностью отсутствует — и все это противоречит принципам функционирования цены на углерод.

Дифференцированные ставки налогов (в том числе НДС и налога на прибыль организаций), различного рода субсидии (на подключение к энергосети, на использование ВИЭ, субсидии в промышленном секторе и сельском хозяйстве и иные, а уж тем более — субсидии на приобретение сжигаемого топлива) призваны, по мнению предлагающих их экспертов, стимулировать хозяйствующих субъектов направлять высвобождаемые за счет реализации соответствующих мер средства на мероприятия, направленные на снижение углеродного следа, ограничение выбросов парниковых газов и т.п.

Показательно, что даже сами авторы классификации, включающей инструменты прямого и косвенного углеродного ценообразования, стремятся использовать в отношении описываемых ими косвенных инструментов указание на то, что такие, скорее, посылают сигнал в отношении цены на углерод¹⁹.

10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism. Пп. 34—35 преамбулы) и в рамках формирования цены на углерод основываются исключительно на инструментах «прямого» углеродного ценообразования (см.: там же. П. 29 ст. 3).

¹⁹ См. отчет: World Bank. 2023. State and Trends of Carbon Pricing 2023. P. 18.

3.3. Консервативный подход к углеродному ценообразованию

Представляется, таким образом, что описанная выше экспертная классификация инструментов углеродного ценообразования (и набор конкретных инструментов внутри нее, включающий косвенные инструменты) призвана «широким мазком» охватить всю палитру углеродного регулирования²⁰. Очевидно, причиной этого является стремление авторов такой классификации учесть максимум механизмов, существующих в рамках углеродного регулирования в соответствующей юрисдикции.

Однако именно поэтому такая классификация не только неизбежно не учитывает нюансы непосредственно углеродного ценообразования и формирования цены на углерод (как апофеоза функционирования соответствующих инструментов), но и может нивелировать значение и роль реальных инструментов углеродного ценообразования, а также создать повод для сомнений в справедливости оценки цены на углерод, рассчитываемой в рамках такого «расширенного» подхода (сведя на нет работу инструментов прямого углеродного ценообразования).

В связи с этим только инструменты прямого углеродного ценообразования должны (особенно в рамках регуляторной деятельности) рассматриваться как непосредственно инструменты углеродного ценообразования и как источник формирования цены на углерод, что не должно мешать экспертам оценивать и обосновывать целесообразность этого или любого иного подхода. Иные же механизмы и инструменты (в том числе относимые некоторыми экспертами к так называемым инструментам косвенного углеродного ценообразования) являются механизмами стимулирования ограничения выбросов углерода и напрямую не формируют цену на углерод в чистом виде.

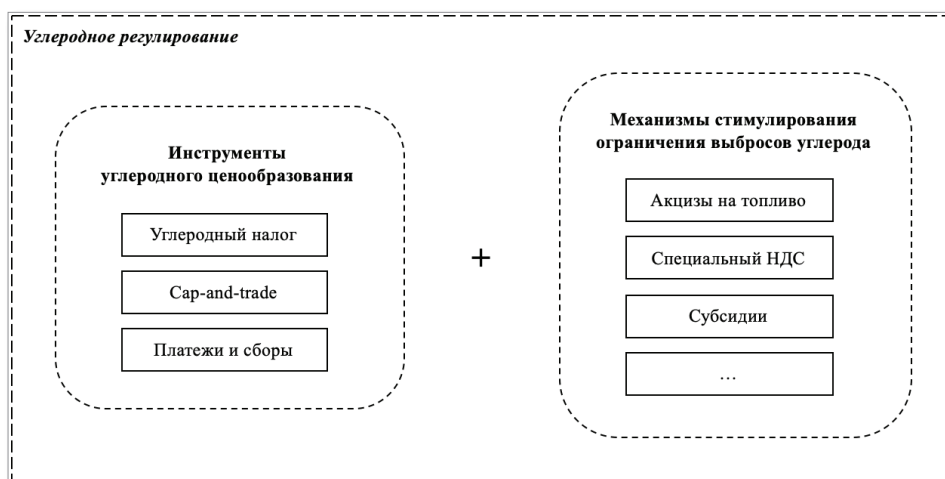

Рис. 2. Инструменты углеродного ценообразования и механизмы стимулирования ограничения выбросов углерода (разработано автором)

²⁰ Cramton P., MacKay D. J. C., Ockenfels A. (eds.). Global Carbon Pricing: The Path to Climate Cooperation. The MIT Press, 2017.

Такой подход ни в коем случае не умаляет роли этих механизмов в вопросе ограничения выбросов углерода. Более того, для оптимального достижения целей по декарбонизации национальной экономики и борьбы с изменением климата в рамках юрисдикции желательно создавать такое углеродное регулирование, в рамках которого гармонично сочетались бы как непосредственно инструменты углеродного ценообразования (в качестве которых могут рассматриваться только те, которые характеризуются экспертами как прямые), так и иные механизмы стимулирования ограничения выбросов углерода (в том числе те, которые сейчас ошибочно характеризуются некоторыми экспертами как инструменты косвенного (или имплицитного) углеродного ценообразования).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Пугу А.* Экономика благосостояния. — М. : Прогресс, 1985. — 512 с. — ISBN 978-5699883950.
2. *Ackerman F., Stanton E. A.* Climate Change and Global Equity. — Anthem Press, 2015. — 284 с. — ISBN 9781783084296.
3. *Carraro Carlo, Metcalf Gilbert E.* (eds.). Behavioral and Distributional Effects of Environmental Policy. — Chicago : University of Chicago Press, 2000. — 360 p. — ISBN 978-0226094816.
4. *Cramton P., MacKay David J. C., Ockenfels A.* (eds.). Global Carbon Pricing: The Path to Climate Cooperation. — The MIT Press, 2017. — 268 с. — ISBN 978-0262036269.
5. *Goulder L. H., Schein A.* Carbon Taxes versus Cap and Trade: A Critical Review // Climate Change Economics. — 2022. — Vol. 4. — No. 3.
6. *Spash C.* Greenhouse Economics: Value and Ethics. — London : Routledge, 2002. — 316 с. — ISBN 978-0415127189.
7. *Tol R.* The Social Cost of Carbon. Annual Review of Resource Economics. — DOI: 3.10.1146/annurev-resource-083110-120028.

Зарубежный опыт

Перспективы, дилеммы и верховенство права для цифровой торговли в рамках «Пояса и пути»¹

Аннотация. Глобальная цифровая трансформация и кардинальные изменения в системе управления открывают новые возможности для развития цифровой торговли вдоль «Пояса и пути». Цифровой Шелковый путь получил новые миссию и задачу, привлек активное внимание и широкое участие стран, расположенных вдоль «Пояса и пути». В процессе развития цифровой торговли вдоль «Пояса и пути» при строительстве цифрового Шелкового пути возникают определенные дилеммы. К ним относятся такие проблемы, как дисбаланс в ценности глобального цифрового порядка, дерегулирование международных правил цифрового управления и значительные различия в региональном развитии «Пояса и пути». Руководство и продвижение построения цифровой торговли вдоль «Пояса и пути» с соблюдением принципа верховенства права, а также содействие развитию цифрового верховенства права в различных странах с помощью цифровой торговли имеет большое значение для содействия качественному развитию цифровой торговли вдоль «Пояса и пути». Конкретные пути включают в себя: создание основы верховенства права для «Цифрового сообщества единой судьбы», установление правил верховенства права для глобального цифрового управления, содействие взаимному доверию к верховенству права в многостороннем сотрудничестве и т.д.

Ключевые слова: инициатива «Пояса и пути», цифровая торговля, международное верховенство права, «Цифровой шелковый путь».

Цзя Шаосюе,
доцент, доктор
юридических наук,
Шанхайский политико-
юридический университет,
Центр международной
юридической подготовки
и сотрудничества для
ШОС, Китай
ys02302041@126.com
201701, Китай, Шанхай,
район Цинпу, шоссе
Вайцинсун, 7989

Гун Нань,
доцент, доктор
юридических наук,
юридический факультет
Хэйлунцзянского
университета,
Харбин (Китай)
gong525@163.com

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.199-209

¹ Данная статья подготовлена в рамках общего проекта Национального фонда общественных наук КНР под названием «Исследование механизма правового управления безопасностью данных в ШОС» (№ 22BFX160) и проекта философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян (№ 22FXB102).

Jia Shaoxue,

Associate Professor, Dr. Sci. (Law),
Shanghai University of Politics and Law,
Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO, China
7989, Weiqinsong Highway, Qingpu District, Shanghai, China, 201701
ys02302041@126.com

Gong Nan,

Associate Professor, Doctor of Law
Faculty of Law of Heilongjiang University, Harbin (China)
gong525@163.com

Prospects, dilemmas and ways of the rule of law for digital commerce in the framework of the Belt and Road

Abstract. *Global digital transformation and fundamental changes in the management system open up new opportunities for the development of digital trade along the Belt and Road. The Digital Silk Road received a new mission and task, attracted active attention and broad participation of the countries located along the Belt and Road. In the process of developing digital trade along the Belt and Road, certain dilemmas must be overcome during the construction of the Digital Silk Road. These include problems such as the imbalance in the value of the global digital order, the deregulation of international rules of digital governance and large differences in the regional development of the Belt and Road. Guiding and promoting the construction of digital trade along the Belt and Road in compliance with the rule of law principle, as well as promoting the development of digital rule of law in various countries through the Belt and Road digital trade is of great importance for promoting the qualitative development of digital trade along the «Belts and Paths». Specific ways include: creating a rule of law framework for a «Digital Community of One Destiny», establishing rule of law rules for global digital governance and promoting mutual trust in the rule of law in multilateral cooperation, etc.*

Keywords: *Belt and Road Initiative, Digital Trade, International rule of law, Digital Silk Road.*

Введение

Четвертую промышленную революцию характеризуют такие понятия, как «информация», «интеллект» и «цифровизация». На фоне глобальной цифровой трансформации и кардинальных изменений в системе управления процесс цифрового развития человечества продолжает ускоряться, открывая неограниченные возможности для будущего развития. Цифровые технологии укрепили взаимосвязь между странами, еще больше расширили и обогатили общение людей. В ряде стран ускоряется развитие цифровой экономики, разрабатываются

стратегические планы развития цифровых технологий, такие как национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», «Повестка дня цифровой экономики США», государственная программа «Цифровой Казахстан» и «Цифровая стратегия 2025» Германии.

В 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин на саммите по международному сотрудничеству «Пояс и путь» предложил совместно использовать возможности цифрового, сетевого и интеллектуального развития, совместно изучать новые технологии, новые бизнес-модели и новые режимы, выявлять новые факторы роста и пути развития, строить цифровой Шелковый путь и инновационный Шелковый путь.

Введение цифрового Шелкового пути имеет большое историческое и практическое значение. Цифровой Шелковый путь как важный компонент инициативы «Пояс и путь» является ключевым звеном для углубления экономического сотрудничества вдоль «Пояса и пути». Цифровой Шелковый путь — это важная инициатива для участия Китая в глобальном цифровом развитии, глубокая интеграция цифровой экономики и «Пояса и пути», а также новый импульс для высококачественного развития цифровой торговли вдоль «Пояса и пути».

В этом году исполняется 10 лет инициативе «Пояс и путь», и сейчас важной задачей для Китая является содействие дальнейшему развитию цифровой экономики, завладение инициативой в четвертой промышленной революции и активное решение проблем глобального цифрового управления. Верховенство права лежит в основе строительства цифровой торговли в рамках инициативы «Пояс и путь», одновременно продвигая развитие цифрового верховенства права в каждой причастной к нему стране через цифровую торговлю, что имеет большое значение для совместного высококачественного развития цифровой торговли в рамках инициативы «Пояс и путь».

I. Широкие перспективы цифровой торговли вдоль «Пояса и пути»

С момента своего появления шесть лет назад цифровой Шелковый путь привлек активное внимание стран, расположенных вдоль его маршрута, и строительство цифрового Шелкового пути достигло значительных успехов. Китай тесно сотрудничает со странами, расположенными вдоль «Пояса и пути», подписывает меморандумы о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках цифрового Шелкового пути, создавая двусторонние механизмы сотрудничества в области электронной коммерции Шелкового пути, прокладывая трансграничные наземные кабели, международные подводные кабели и т.д.

Тем самым Китай способствует развитию цифрового соединения с Европой, Азией, Африкой и другими регионами. Успешная реализация крупных проектов цифровой инфраструктуры, таких как Информационный порт Китай — АСЕАН, Китайско-арабский онлайн-Шелковый путь и Платформа земных данных цифрового Шелкового пути, сыграли важную роль в качестве модели сотрудничества в области цифровой экономики вдоль «Пояса и пути».

Китайский бизнес трансграничной электронной коммерции растет, несмотря на вялое восстановление мировой экономики. Многие интернет-компании

принимают активное участие в строительстве цифрового Шелкового пути, экспортируя высококачественные цифровые общественные товары в страны, расположенные вдоль его маршрута. Цифровые технологии широко интегрированы во все сферы экономического сотрудничества вдоль «Пояса и пути» и в полной мере демонстрируют привлекательность модернизации в китайском стиле.

Китай является крупной страной с цифровой экономикой, стоящей во главе глобальной цифровой экономики, постепенно превращающейся в державу цифровой экономики. Согласно Отчету о цифровом развитии Китая (2022), цифровая экономика стала важным двигателем стабильного роста и содействия преобразованиям в стране. По объему цифровой экономики в 2022 г. (50,2 трлн юаней) Китай занял второе место в мире.

Некоторые страны, расположенные вдоль «Пояса и пути», обладают большим потенциалом в области цифровых инноваций и имеют обширный и глубокий потенциал для сотрудничества в области информационных технологий. В последние годы Китай способствовал цифровому экономическому развитию стран, расположенных вдоль «Пояса и пути», обеспечил мощный импульс и поддержку и ускорил поток цифровых товаров и услуг на межстрановом рынке. Китай обладает хорошей промышленной структурой и основой промышленного масштаба для продвижения строительства цифрового Шелкового пути, а пространство для цифровой торговли в рамках «Пояса и пути» огромно.

Построение цифрового Шелкового пути требует глубокого понимания неотъемлемых атрибутов цифровой экономики. Данные являются неконкурентными и могут одновременно использоваться различными субъектами, а из исходных данных могут быть получены новые данные, способствующие технологическим инновациям. Данные являются основой цифровой экономики, цифровые технологии, основанные на потоках данных, облегчили традиционную торговлю, а в некоторых случаях даже заменили традиционные методы торговли.

Благодаря совместному использованию цифровых продуктов и строительству цифровой инфраструктуры Китай разработал и внедрил различные проекты сотрудничества, которые варьируются от страны к стране, время от времени меняются и адаптируются к местным условиям, помогая странам, расположенным вдоль маршрута, повысить уровень строительства цифровой инфраструктуры и обеспечить новые широкие перспективы развития «Пояса и пути». Бурное развитие цифровой экономики Китая привнесло новые темы, новые пространства и новые модели в экономическое развитие стран вдоль маршрута.

Во-первых, если раньше основным направлением сотрудничества в рамках «Пояса и пути» было строительство традиционной инфраструктуры, то в условиях конвергенции цифровой экономики строительство инфраструктуры перешло от формы к содержанию: безопасность данных, цифровое здравоохранение, электронная коммерция и искусственный интеллект стали новыми сферами строительства.

Во-вторых, в форме цифровой экономики пространство больше не будет независимым от времени и продолжит усиливать свою собственную виртуализацию, а границы между физической и виртуальной реальностью будут продолжать стираться. Эффективность развития «Пояса и пути» должна перейти от традиционных когнитивных измерений «количества», «скорости» и «региона» в прошлом к новому пониманию смысла и процесса цифрового экономического развития.

В-третьих, интеграция инфраструктуры и цифровых технологий вновь стала отличительной чертой сотрудничества в рамках цифровой экономики «Пояса и пути» и представляет собой модель развития, в которой реальная экономика и виртуальная экономика интегрированы, а физическая граница и виртуальное пространство смешаны. Использование цифровых технологий стало важным средством реорганизации региональных ресурсов «Пояса и пути», изменения структуры торговли, повышения уровня сотрудничества и содействия формированию новой торговой экосистемы «Пояса и пути». Цифровая трансформация в рамках цифрового Шелкового пути — новый этап развития сотрудничества «Пояса и пути».

II. Реалистичные задачи цифровой торговли в рамках «Пояса и пути»

В наши дни беспрецедентные изменения, произошедшие в мире за сто лет, ускорили его эволюцию; обострились глобальные проблемы, усиливается торговый протекционизм и антиглобалистское мышление, а в международном порядке, в котором по-прежнему доминируют развитые страны, существует большое количество подходов в духе «игры с нулевой суммой». Существуют серьезные отставания в глобальном цифровом управлении на концептуальном и институциональном уровнях. Несколько развитых стран добились цифровой гегемонии, что привело к дефициту управления, такому как «цифровой разрыв». Торговая среда «Пояса и пути» становится все более сложной. При строительстве цифрового Шелкового пути необходимо преодолеть определенные проблемы.

Во-первых, ценность глобального цифрового порядка не сбалансирована. С глобальной точки зрения цифровому капиталу присущи такие характеристики, как распространение капитала и непрерывное расширение. Отдельные развитые западные страны полагаются на цифровые технологии для содействия глобализации и расширения цифрового капитала, продвигают цифровой империализм по всему миру посредством манипулирования ключевыми цифровыми технологиями и используют цифровой капитал для более скрытой эксплуатации капитала в других странах, постоянно расширяя цифровую пропасть.

Экономические стратегии отдельных развитых западных стран демонстрируют протекционистское мышление и реализуют «стратегическое окружение» в глобальном цифровом поле, что, в свою очередь, приводит к феномену «цифрового беспорядка». Дисбаланс в развитии цифровых технологий, весьма вероятно, приведет к еще большему цифровому разрыву. Развитые страны занимают и монополизируют вершины цифровых технологий, пользуются зависимостью развивающихся стран от их цифровых технологий, извлекают из этого огромные экономические выгоды, укрепляют свое доминирующее положение в структуре мировых интересов и захватывают первые места на новом витке промышленной революции. Развивающиеся страны будут подчиненными и пассивными, оставаясь на периферии цифровых технологий, а модель «центр — край» глобального разделения труда еще больше укрепится.

Многие страны вдоль цифрового Шелкового пути относятся к развивающимся странам со слабой цифровой инфраструктурой, недостаточными возможностями

обслуживания цифровыми технологиями и недостаточным предложением цифровых продуктов. Некоторые страны находятся в «цифровой изоляции», не в состоянии обеспечить эффективное информационное взаимодействие, обмен опытом и технологиями, становясь, таким образом, «одинокими цифровыми островами».

Цифровая эпоха требует создания справедливой и честной среды управления цифровыми технологиями, и с тех пор, как было введено понятие «цифровой пропасти», некоторые новые цифровые неравенства усугубляются по мере того, как цифровые технологии все шире используются в жизни людей.

Цифровая эпоха требует создания справедливой среды цифрового управления. С тех пор, как была предложена концепция «цифровой пропасти», в связи со все более широким использованием цифровых технологий в жизни людей некоторые новые проблемы цифрового неравенства еще более усугубились. Перед лицом «цифровой гегемонии» и «цифровой пропасти» развивающиеся страны нуждаются в большей защите своего голоса и своих цифровых прав.

Во-вторых, правила международного цифрового управления не работают. Единые международные правила и согласованная система управления для стран в глобальном масштабе еще не сформированы; цифровое управление характеризуется фрагментацией, регионализацией и раздробленностью.

Во Всемирной торговой организации также недостаточно развито цифровое управление, решение существенных вопросов в цифровой сфере продвигается с трудом. Борьба между странами в области цифровых интересов, принципов позиционирования и правил становится все более ожесточенной, и региональные торговые правила конкурируют между собой. Из-за отсутствия глобальных единых правил управления цифровыми технологиями в цифровой торговле в разных странах существует большое количество угроз, таких как утечка личной информации, монополия цифровых платформ и кибератаки.

Для поддержания цифровой безопасности и цифрового суверенитета глобальные правила цифрового управления становятся настоящей потребностью для всех стран. Вопрос цифрового управления вышел за рамки простого понимания цифровой экономики и наполнен сильным политическим подтекстом. Данные, алгоритмы и вычислительные мощности стали политическим инструментом и козырем в игре великих держав. Развитые западные страны установили правила цифровой торговли с помощью законодательства, правоприменения, правосудия и технологических преимуществ, создав «маленькие дворы и высокие стены».

Вопрос о том, как поддерживать национальный суверенитет и безопасность в эпоху цифровых технологий и как использовать цифровые технологии для действия экономическому сотрудничеству, стал основным вопросом в развитии «Пояса и пути» в новую эпоху.

В-третьих, региональное развитие в рамках «Пояса и пути» очень неоднородно. Большинство стран, расположенных вдоль «Пояса и пути», являются развивающимися и находятся на относительно низком уровне в плане цифрового строительства и законодательства. В этих странах существуют различные правовые традиции, включающие системы советского социалистического права, общего права, исламского, индийского права и т.д.

Обеспечение верховенства права также во многом различается, и существует необходимость в скоординированной коммуникации. Вопросы цифровой торговли

обсуждаются чаще в азиатских экономиках, расположенных вдоль «Пояса и пути», чем в других регионах. Государства — члены АСЕАН являются важными участниками цифровой торговли «Пояса и пути», а Сингапур, Китай и Вьетнам играют ведущую роль в разработке правил цифровой торговли в рамках «Пояса и пути».

Существуют также серьезные различия в конкретных национальных правовых системах разных стран, стратегиях цифрового развития, единый гармоничный механизм цифрового сотрудничества еще не сформирован. Практика развития цифровой торговли показала, что во многих странах цифровая экономика недостаточно развита, существуют проблемы с кадрами, остро встает вопрос построения правовой системы, в большинстве стран отсутствует правовая защита цифровой внешней коммуникации. Подписание торговых соглашений между странами, расположенными вдоль «Пояса и пути», в настоящее время является основным способом создания правил цифровой торговли.

Странам-участницам в области цифровой торговли «Пояса и пути» необходимо срочно уточнить, углубить и сделать системными, целостными и целенаправленными стратегии развития, а также укрепить цифровую коммуникацию и сотрудничество между странами в целях повышения региональной конкурентоспособности. В развитии цифровой торговли вдоль «Пояса и пути» Россия и страны Центральной Азии являются важными партнерами Китая и сыграли большую роль в строительстве цифрового Шелкового пути.

Китаю необходимо сотрудничать с соответствующими странами в разработке регионального плана цифрового экономического развития в рамках «Пояса и пути», чтобы способствовать скоординированному развитию различных стран и создать систему, состоящую из договоров, соглашений, контрактной документации, уставов и других юридических документов, чтобы совместно повысить уровень развития цифровой торговли на принципах верховенства права.

III. Пути обеспечения верховенства права в цифровой торговле в рамках «Пояса и пути»

Верховенство права признается всеми странами как наиболее стабильный и эффективный способ участия в глобальном и региональном управлении, как платформа для экономического развития, политического сотрудничества, культурной коммуникации, научного, технологического и гуманитарного сотрудничества между странами в рамках инициативы «Пояс и путь». Нет никаких сомнений в основополагающей и гарантированной роли верховенства права.

Во-первых, нужно заложить фундамент верховенства права в «цифровом сообществе единой судьбы». Ситуация с безопасностью в современном мире очень сложная, угрозы безопасности постоянны, при этом возникло много новых ситуаций и проблем. Перед лицом этих новых вызовов и проблем нынешняя система управления глобальной безопасностью должна быть реформирована и усовершенствована, чтобы способствовать развитию системы управления глобальной безопасностью в более справедливом, разумном и эффективном направлении.

На Всемирном форуме цифровой экономики в 2021 г. Китай как главный ее инициатор предложил Инициативу построения цифрового сообщества единой

судьбы, которая обеспечивает реальное решение текущей ситуации глобального цифрового управления. Цифровая экономика как новая бизнес-модель зарядила энергией глобальную экономику, но в то же время несет с собой сложные проблемы управления.

Будучи новым форматом, цифровая экономика вдохнула жизненную силу в глобальную экономику, но в то же время она сталкивается со сложными проблемами в управлении. Сможет ли она соответствовать законам развития цифровой эпохи и создать более тесное «сообщество единой судьбы», зависит от направления развития человечества. Цифровой Шелковый путь — важная инициатива для Китая, вызванная требованием идти в ногу со временем, откликаться на зов времени и участвовать в глобальном цифровом управлении.

Развитие цифрового Шелкового пути будет способствовать контактам и обменам с Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и другими странами и регионами вдоль его маршрута в области цифрового общества, цифровой экономики и торговли, цифровой культуры, а также созданию «цифрового сообщества единой судьбы» в более широком масштабе. С внедрением инициатив цифрового сотрудничества, таких как Глобальная инициатива по обеспечению безопасности данных и Инициатива действий по созданию сообщества единой судьбы в киберпространстве, концепции цифрового развития, связанные с миром, развитием, сотрудничеством и взаимовыгодностью, продолжают воплощаться в реальность и получают все большее признание и поддержку со стороны международного сообщества.

Китай совместно с ШОС, БРИКС, Евразийским экономическим союзом и развивающимися странами будет содействовать углублению цифрового сообщества единой судьбы, в том числе ускорению реализации соответствующих экономических соглашений ШОС, БРИКС и ЭПШП (Экономический пояс Шелкового пути) и ЕАЭС, а также продвижению строительства правовой системы для развития цифровой экономики.

Во-вторых, нужно установить правила верховенства права для глобального цифрового управления. Ориентация на правила заключается в том, чтобы требовать от деятельности по сотрудничеству и развитию при строительстве «Пояса и пути» соблюдения существующих принципов и норм международного права, соблюдения общеприменимых международных правил ведения бизнеса и практики и осуществления комплексного системного строительства.

В эпоху цифровой экономики производство и образ жизни людей претерпевают огромные изменения. Традиционная система международной торговли оказалась не способной адаптироваться к фундаментальным требованиям цифровой экономики, и на повестке дня стоит вопрос о едином глобальном цифровом управлении. Торговая система, ядром которой является Всемирная торговая организация, имеет серьезные недостатки в управлении, существуют серьезные разногласия по таким вопросам, как трансграничные потоки данных, защита интеллектуальной собственности, доступ к цифровым рынкам и упрощение процедур цифровой торговли.

Региональные институциональные механизмы, возглавляемые западными развитыми странами, такие как Соглашение США, Мексики и Канады (USMAC) и Общий регламент по защите данных (GDPR), имеют очевидные недостатки,

связанные с их консерватизмом, ограничениями и ориентацией. Основная их цель состоит в том, чтобы консолидировать и усилить существующие цифровые преимущества развитых стран и контролировать дискурс правил цифровой торговли.

Высокая степень глобализации и широкое распространение самой цифровой экономики требуют установления глобальных правил цифрового управления. Только на основе цифрового верховенства права и цифрового совершенствования можно способствовать здоровому развитию цифровой экономики. Перед лицом новых задач, новых вызовов и новых угроз безопасности в эпоху цифровых технологий ни одна страна, ни одна организация и ни один человек не могут быть одиноки. Необходимо коренным образом изменить недостаточно обоснованные международные правила в рассматриваемой сфере в сторону взаимных консультаций, строительства и обмена, а также сформулировать глобальные правила цифрового управления, отвечающие требованиям цифровой эпохи.

В-третьих, необходимо продвигать взаимное доверие к верховенству права в многостороннем сотрудничестве. Суть многостороннего сотрудничества заключается в том, что международные дела должны решаться всеми вместе, а будущее и судьба мира должны совместно контролироваться всеми странами. Глобальная цифровая экономика постоянно ускоряется, и будущие перспективы развития мира в значительной степени определяются не несколькими западными странами, а зависят от развития большинства стран и от общего развития человечества.

Соединенные Штаты и Европейский союз, руководствуясь узкими геополитическими интересами, рассматривают китайский цифровой Шелковый путь как потенциальную угрозу их технологическому суверенитету, который приведет к развитию цифровых технологий в странах, расположенных вдоль маршрута, и усилит влияние Китая в мировой цифровой экономике. Поэтому они выступают против развития взаимовыгодного сотрудничества.

Единодушное желание всех стран — развивать цифровую экономику, и неизбежный исторический выбор — придерживаться концепции совместного управления и активно соответствовать общей тенденции экономической глобализации. В этом контексте использование концепции верховенства права и метода верховенства права для углубления сотрудничества может прагматично и эффективно продвигать многостороннее сотрудничество в области цифровой торговли по маршруту «Пояса и пути».

Необходимо активно содействовать улучшению функционирования многосторонних правовых механизмов, таких как Всемирная торговая организация и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, расширять влияние многосторонних правовых механизмов, таких как БРИКС и ШОС, и усиливать представительство стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в глобальных процессах. Приверженность многостороннему подходу, стремление к взаимовыгодному сотрудничеству и продвижение сотрудничества в области верховенства права — это последовательные принципы участия Китая в глобальном управлении, в том числе и в цифровом управлении.

На саммите Китай — Центральная Азия 19 мая 2023 г. Китай и главы других государств совместно выступили с инициативой подчеркнуть важность построения мирного открытого безопасного, основанного на сотрудничестве и упорядоченного киберпространства в рамках Глобальной инициативы по обеспечению

безопасности данных и совместной работы по устранению угроз и вызовов, стоящих перед глобальной информационной безопасностью. Для поддержания многосторонности в области цифрового сотрудничества необходимо отказаться от традиционного мышления государствоцентризма, активно направлять и координировать участие различных негосударственных субъектов в цифровом управлении и построить модель управления с совместным участием множества субъектов.

Также необходимо в полной мере использовать активную роль правительств, транснациональных организаций, предприятий, занимающихся цифровыми платформами, социальных групп и отдельных лиц и продолжать развивать активную роль негосударственных субъектов в содействии формированию многосторонних правил и дополнении международного права.

Необходимо реализовать объединение национальных интересов, социальных интересов и индивидуальных интересов. Страны всего мира совместно работают над решением цифровых проблем, предоставляют развивающимся странам возможность участвовать в цифровом сотрудничестве, содействуют развитию глобальных цифровых общественных услуг и наращиванию цифрового потенциала.

Следует закрепить главную роль суверенной страны, признать вызовы экономики платформ. Все страны должны сосредоточить внимание на усилении надзора, чтобы контролировать влияние огромных объемов данных на конкуренцию, разъяснять цифровые обязанности компаний-платформ.

Нужно создать глобальную экосистему цифровой безопасности посредством демократических консультаций, чтобы лучше защищать интересы безопасности и развития различных стран; продвигать многодоменную и многоуровневую коммуникацию по вопросам глобальной защиты данных и политики в области безопасности; устранять барьеры для цифровой торговли и, в конечном счете, создать скоординированную модель управления цифровой безопасностью и развитием, по-настоящему реализовать беспроигрышную ситуацию для глобального цифрового управления.

Заключение

С точки зрения глобального управления и практического опыта применения принципов верховенства права применительно к инициативе «Пояс и путь» соблюдение единства принципов и инновационных механизмов является неотъемлемым требованием для построения международной правовой системы цифрового Шелкового пути. В рамках инициативы «Пояс и путь» Китай активно участвует в содействии развитию верховенства права в глобальной цифровой экономике и стремится повысить уровень правового строительства цифрового Шелкового пути.

Чтобы способствовать качественному развитию инициативы «Пояс и путь», Китаю необходимо опираться на глобальную перспективу, уловить требования времени и разработать план верховенства права для продвижения цифровой экономики. Международное участие цифровой торговли в рамках «Пояса и пути» определяет экстраверсию и открытость в процессе достижения верховенства права.

При координации правовых отношений в области цифровой торговли между субъектами — участниками инициативы «Пояс и путь» необходимо следовать Уставу ООН и интернационализации концепции верховенства права, формировать честный и справедливый механизм цифровой торговли, укреплять инновации в области верховенства права в рамках концепции цифрового сообщества единой судьбы, активно продвигать реформу верховенства права глобального цифрового управления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Форума международного сотрудничества на высшем уровне «Пояс и путь» // URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-05/14/c_129604310.htm.
2. *Фан Фан*. Строительство цифрового Шелкового пути: международная среда и выбор пути // Международный форум. — 2019. — Т. 2.
3. *Цюэ Тяньшу, Ван Цзыюэ*. Глобальное управление цифровой безопасностью и стратегия Китая в эпоху цифровой экономики // Исследование международной безопасности. — 2022. — № 1.
4. *Дин Сяодун*. О характеристиках новых типов прав в «цифровых правах человека» // Юридическая наука. — 2022. — № 6.
5. *Ван Чжихуа*. Анализ правового атласа «Пояса и пути» // Университет Янчжоу. — 2018. — № 2.
6. *Гао Цзян*. Развитие цифровой торговли «Пояса и пути»: возможности, вызовы и направления на будущее // Международная торговля. — 2022. — № 11.
7. *Си Цзиньпин*. О настойчивом продвижении строительства сообщества человеческой судьбы. — Издательство центральной литературы, 2018.
8. *Лю Цзиндун*. Исследование по построению системы легализации «Пояса и пути» // Политико-правовой форум. — 2017. — № 5.
9. Си Цзиньпин об управлении. — Издательство иностранных языков, 2022. — Т. 4.
10. *Лю Хунсун и Чэн Хайе*. Глобальное управление трансграничными потоками данных — прогресс, тенденции и путь Китая // International Outlook. — 2020. — № 6.
11. *Ван Гуйго*. Правила и применение международного управления в Киберпространстве // China Law Review. — 2021. — № 2.
12. *Чжоу Ханьхуа*. О бинарном разделении платформы экономического антимонопольного регулирования и надзора // Китайское право. — 2023. — № 1.
13. *Чжао Цзюнь*. Международное верховенство права и инновации: взгляд на нормативные потребности меняющейся системы глобального управления // Китайские общественные науки. — 2021. — Т. 5.

Антисанкционные оговорки в международных контрактах

Предисловие

В условиях санкционных ограничений особую актуальность приобретают инструменты стабилизации трансграничных договорных отношений, а также механизмы митигации санкционных рисков, связанных с заключением, исполнением и расторжением международных контрактов. Эффективную роль в обозначенном контексте играют антисанкционные оговорки, которые представляют собой положения международных контрактов, направленные на минимизацию рисков, связанных с правовыми последствиями санкционных ограничений.

Такие положения могут быть направлены и на освобождение сторон от обязательств, исполнение которых может привести к правовым последствиям, вызванным санкционными ограничениями. Антисанкционные оговорки могут быть действенным инструментом стабилизации международных экономических отношений в условиях санкций, направлены на обеспечение стабильности торгового оборота и отражают в первую очередь интересы граждан, юридических лиц в условиях санкций.

Представляем вниманию читателей сборник антисанкционных оговорок, рекомендуемых к использованию при реализации различных трансграничных отношений.

В зависимости от характера последствий для обязательств сторон в результате введения ограничительных мер выделяются два вида таких оговорок: непосредственно антисанкционная оговорка и санкционная оговорка¹.

Согласно антисанкционной оговорке, стороны обязаны выполнять свои обязательства, несмотря на введение санкций. Исполнение обязательств не приостанавливается и не продлевается. При этом введение санкций не определяется как форс-мажор по общему правилу. В результате виновная сторона несет ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств.

Возможность определения круга обстоятельств, составляющих форс-мажор, предусмотрена общими положениями договорного права, и в частности принципом свободы договора (ст. 1.1 Принципов УНИДРУА), а также нормативными актами применимого права.

Суть санкционной оговорки заключается в том, что в случае применения санкций стороны не приобретают дополнительных обязательств и освобождаются от любой ответственности за ненадлежащее исполнение, если оно вызвано применением санкций. Кроме того, по этому пункту исполнение договора приостанавливается на время действия санкций. В обозначенном контексте формулируются оговорки о форс-мажоре и (или) оговорки о затруднении (*hardship clause*), об

---

¹ См.: *Tserakhau K. and Struzhko A. (Anti)Sanctions Clause: How To Minimize Sanction Risks // URL: <https://www.mondaq.com/contracts-and-commercial-law/1033796/antisanctions-clause-how-to-minimize-sanction-risks> (дата обращения: 09.06.2023).*

урегулировании (adjustment clause), заверения об обстоятельствах и гарантии (representations and warranties)

Целью санкционной оговорки является сохранение баланса интересов сторон и статус-кво в договорных отношениях, несмотря на исходные договорные условия.

1. Универсальные антисанкционные оговорки в международных контрактах

Стороны остаются обязанными исполнять свои обязательства, несмотря на распространение санкций (ограничительных мер экономического характера, введенных каким-либо государством или международной организацией) на одну из них. Всю ответственность за ненадлежащее исполнение обязательства в случае введения санкций несет неисполнившая обязательство сторона, за исключением случаев признания в судебном порядке обстоятельств ненадлежащего исполнения обязательств обстоятельствами непреодолимой силы (форс-мажорными обстоятельствами).

1. Под санкциями стороны понимают любые экономические и неэкономические ограничения, вводимые национальными органами государственной власти и/или международными организациями на основании одностороннего акта и/или многостороннего соглашения, которые влекут за собой неспособность стороны полностью или частично исполнить свои обязательства по настоящему договору.

2. Сторона, против которой введены указанные в п. 1 санкции, обязана уведомить другую Сторону об этом в письменной форме в течение пяти дней после того, как это стало ей известно. Уведомление должно содержать данные об оценке влияния санкций на возможность исполнения обязательств по Договору, о принятии Стороной разумных мер по преодолению таких обстоятельств.

3. Введение санкций может считаться обстоятельством непреодолимой силы. Если введение санкций непосредственно влияет на выполнение обязательств по настоящему Договору, срок для выполнения обязательств по настоящему Договору приостанавливается на период действия санкций.

2. Антисанкционная оговорка в международных контрактах купли-продажи товаров

В обстоятельствах каждой конкретной сделки Продавец гарантирует соблюдение всех законов об экономических санкциях и ограничениях, введенных Организацией Объединенных Наций (ООН), Канадой, Соединенными Штатами Америки (США), Австралией, Швейцарией и государствами — членами Европейского союза (ЕС), в частности, включающих суда, грузоотправителей, экспортеров, владельцев/флаги/операторов/ фрахтователей, получателей грузов, пунктов назначения / стран (в частности, Сирии, Ирана, Северной Кореи, Мьянмы, Йемена), лица, организации, банки и вообще любые другие лица/организации, прямо или косвенно связанные с исполнением настоящего договора. В случае нарушения

продавцом настоящей гарантии покупатель имеет право отказаться от продолжения исполнения по настоящему договору, при этом все расходы/ответственность несет продавец. Продавец соглашается оградить покупателя от ответственности и возместить покупателю любые расходы/ущерб, которые могут возникнуть в результате нарушения продавцом настоящей гарантии.

3. Антисанкционная оговорка в международных лицензионных контрактах

Продукция, в отношении которой реализовано передаваемое по лицензионному договору право использования объекта интеллектуальной собственности, не требует дополнительного разрешения на экспорт/импорт (указать страну) в соответствии с любыми законами об экспортном контроле и экономических санкциях.

4. Санкционная (антисанкционная) оговорка классического типа на основе закона США CAATS Act от 2 августа 2017 г.

Договаривающиеся стороны основываются на гарантиях Контрагента, действующего добросовестно, в пределах уставных правомочий. Они полагают, что хозяйствующие субъекты продолжают вести свой бизнес в строгом соответствии с законодательством страны — места заключения контракта. Исполняя настоящий контракт, стороны обязуются воздерживаться от действий, нарушающих договорные интересы контрагентов, в том числе и те, что устанавливаются по законодательству страны, поддержавшей экономические санкции, на дату заключения данного договора. Однако, если результатом их принятия являются обременения мер экспортного контроля, вплоть до признания формальностей грузоотправления и грузоперевозки акцессорными обязательствами, тогда следует признать наступление гарантийного случая. Исполнение обязательства в натуре несостоятельно, а неустойка, вследствие санкций, заменяется другими релевантными мерами ответственности, например, охранительными процентами.

В рамках концепции устойчивого развития подлежит применению для любого экспортного или импортного сырьевого договора, где получение материалов производится в обмен на готовую продукцию с доплатой контрагенту организационного договора, договора, утверждающего логистику цепочек поставок.

5. Санкционная (антисанкционная) оговорка, рассчитанная на компании, конвертирующие свой долг кредитору по инвестиционному проекту в «зеленых облигациях», но попавшие в один из санкционных списков

Стороны соглашаются, что никакие торговые ограничения и иные подобные меры, каким бы надгосударственным образованием они ни вводились, не изменяют

обязательств по настоящему договору. Между тем, если санкционные ограничения все же распространятся на контрагентов и соответствующие дополнения в актуализированные контрольные списки были внесены, то расчет убытков слабой стороны по предпринимательскому договору включает в себя лишь сумму понесенных убытков. Все остальные затраты, за пределами основного долга, будь то неустойка, мораторные расходы, определяются уже в индивидуальном порядке, тем более, если они создают привилегии для займодавца, в правоотношениях с заемщиками — потребителями.

6. Санкционная (антисанкционная) оговорка, оправданная, если реализация инфраструктурного проекта сталкивается с проблемой нехватки денежных средств

Компания привлекает беспроцентный заем, но надо подчеркнуть, что цели извлечь дополнительную прибыль перед коммерческой структурой не стоят. Поэтому компания, контролирующая задолженность, признается аффилированным лицом. Именно в этом качестве она и попадает под санкции.

Непосредственно сама оговорка выглядит примерно следующим образом: «Контрагенты отдают себе отчет в том, что открытие корреспондентского счета может послужить основанием для введения санкций, которые воспрепятствуют, в конечном итоге, оказанию услуг».

Санкционные рескрипции будут иметь форму перечня специальных условий действительности, списка прав, выделенных в общей массе правомочий заказчиков. Однако сильной стороной в случае введения санкций, препятствующих оказанию услуг, все равно является тот контрагент, которому в случае невозможности исполнения договора начисляется компенсация в долях от общего вознаграждения исполнителя.

*Материал подготовлен
на кафедре международного частного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
авторским коллективом в составе:*

В. А. Канашевский, доктор юридических наук, профессор;
Б. А. Шахназаров, доктор юридических наук, доцент;
Н. Н. Викторова, кандидат юридических наук, доцент;
Н. Г. Скачков, кандидат юридических наук, доцент

**Мария Викторовна
ВАРЛЕН,**

директор Института
«Аспирантура
и докторантура»,
профессор кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
mvvarlen@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Информационный, технологический, экономический и финансовый суверенитет как новейшие типы автономности

Аннотация. В настоящее время существенно расширилась проблематика суверенитета в различных функциональных областях, что закономерно находит свое отражение в современных исследованиях, на которые оказывают влияние процессы цифровизации, развития технологий, стоящие на повестке дня внешнеполитические аспекты. В ходе прогресса и развития выявились новейшие угрозы для Российской Федерации, а именно ее независимости и самостоятельности, которые находятся в неразрывной связи и взаимозависимости с социально-экономическим развитием Российского государства, состоянием защищенности его интересов.

Безусловна взаимосвязь устоявшихся составляющих суверенитета — верховенства и независимости государственной власти на всей территории как статических элементов с функциональной стороной реализации этих компонентов через новые сферы общественных отношений. И этот факт должен быть учтен в актуальной концепции суверенитета.

Выделенные в статье новейшие типы суверенитета объективно весомы, но пока по уровню общетеоретической проработанности отстают от сложившейся в рамках публичного права «классической» теории суверенитета как по масштабу проработанности, так и по правовой регламентации.

Ключевые слова: суверенитет, Российская Федерация, государство, стратегия, безопасность, доктрина, независимость, государственная власть, информация, технологии, финансы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.214-222

Maria V. VARLEN,

Director of the Institute "Postgraduate and Doctoral Studies",
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor
mvvarlen@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Informational, technological, economic and financial sovereignty as the newest types of autonomy

Abstract. Currently, the problems of sovereignty in various functional areas have significantly expanded, which is naturally reflected in modern research, which is influenced by the processes of digitalization, technology development, and foreign policy aspects on the agenda.

With progress and development, the newest threats to the Russian Federation have emerged, namely its independence and interdependence, which are inextricably linked and interdependent with the socio-economic development of the Russian state, the state of protection of its interests.

The relationship between the established components of sovereignty — the supremacy and independence of state power throughout the territory as static elements with the functional side of the implementation of these components through new spheres of public relations is unconditional, and this fact should be taken into account in the current concept of sovereignty.

The newest types of sovereignty highlighted in the article are objectively significant, but so far, in terms of the level of general theoretical elaboration, they are still “lagging” behind the “classical” theory of sovereignty that has developed within the framework of public law, both in terms of the scale of elaboration and in legal regulation.

Keywords: *sovereignty, Russian Federation, state, strategy, security, doctrine, independence, state power, information, technology, finance.*

И. А. Исаев справедливо отмечает: «Суверенитет как понятие и категория уже с девятнадцатого века стал монопольной собственностью международного права. Тем самым он расположился где-то на границе, отделяющей внешний мир от мира внутригосударственного, а его признаки не что иное, как восприятие и реакция на него со стороны внешнего политического и правового мира»¹.

Суверенитет, занимая ключевое место в иерархии политико-правовых ценностей каждого государства, постоянно привлекает внимание как ученых, так и практиков. Подталкивают к научным и общественно-политическим дискуссиям о содержании и типах суверенитета достижения научно-технического прогресса, изменения геополитических интересов государств, а также процессы глобализации. Исследования теории суверенитета в условиях новых вызовов и угроз, выявление правовых пробелов в его регулировании вносят вклад в укрепление стабильности государственной власти и национальной безопасности государства.

Информация довольно просто преодолевает границы государств, и требуются дополнительные механизмы, отличные от традиционной дипломатии и вооруженных сил, призванных защищать территорию и суверенитет государства. В связи с этим ученые начали разрабатывать понятие «информационный суверенитет».

В соответствии с п. «и» ст. 71 Конституции РФ информация, информационные технологии и связь отнесены к исключительному ведению Российской Федерации, что предполагает в первую очередь регулятивную компетенцию федерального уровня публичной власти, с тем чтобы нормативно установить основания и порядок реализации государством и иными субъектами своих прав, в том числе в сфере реализации информационного суверенитета².

¹ Исаев И. А. Суверенитет: закрытое пространство власти : монография. М. : Проспект, 2017. С. 3.

² Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынецев И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10. С. 17.

Государственный суверенитет в информационном пространстве, как определяет А. А. Ефремов, это юридическое свойство (признак) государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование как в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), экстерриториальных режимов, так и при участии в международно-правовом регулировании (глобальное и региональные информационные пространства)³.

В качестве содержательных характеристик информационного суверенитета рассматривается исключительное право государства в соответствии с национальным законодательством и нормами международного права, с соблюдением баланса интересов субъектов безопасности определять и реализовывать национальные интересы в информационной сфере; право самостоятельно и независимо проводить внутреннюю и внешнюю государственную информационную политику, распоряжаться собственными информационными ресурсами, формировать инфраструктуру национального информационного пространства, создавать условия для интеграции в мировое информационное пространство⁴.

В исследованиях по проблематике государственного суверенитета в информационном пространстве анализируются вопросы о соотношения категорий «территория», «пространство», «правовое пространство», «информационное пространство», «киберпространство» в теории права и государства, международном, конституционном и информационном праве, изучаются проблемы международно-правового уровня функционирования информационно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации⁵.

Современные исследователи активно ищут варианты правового регулирования новых общественных отношений, вырабатывают теоретико-методологические подходы к реализации государственной политики в сфере информационного суверенитета. А. И. Химченко указывает, что законодательство должно реализовать ключевые направления информационного суверенитета по территориальному признаку, информационной инфраструктуре и быть направленным на снижение угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети Интернет и сетей связи общего пользования, обеспечение устойчивого и безопасного использования на территории Российской Федерации доменных имен, локализацию персональных данных, организацию выпуска цифровой валюты и др.⁶

Меры безопасности по защите информационного суверенитета, а также наиболее актуальные угрозы такой безопасности закреплены в актах стратегического характера: Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, Доктрине информационной безопасности

³ Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 5.

⁴ Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцева И. М. Указ. соч. С. 17.

⁵ Ефремов А. А. Указ. соч. С. 17.

⁶ Химченко А. И. О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой среды доверия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 87.

Российской Федерации, Национальной государственной программе «Информационное общество»⁷.

Потребность защиты государственного суверенитета в информационном пространстве в соответствии с Доктриной информационной безопасности возникла в связи с расширением областей применения информационных технологий, которые, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождают новые информационные угрозы и вызовы.

Преимущества трансграничного оборота информации, как определено в Доктрине информационной безопасности, все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств.

Стратегическими целями обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности, как установлено в Доктрине информационной безопасности, являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры (п. 20).

Развитие технологий и возможность контролировать глобально их производство вызвало появление понятия «технологический суверенитет».

Исключительно актуальным изучение технологического суверенитета стало в результате возникшего с 2022 г. санкционного давления на Российскую Федерацию, недружественных действий ряда иностранных государств. Как отмечает Д. Б. Трошев, направленность, интенсивность, масштабы, характер и иные параметры недружественных действий существенно разнятся, но можно констатировать, что они затрагивают большинство отношений, возникающих в хозяйственной, социально-культурной, административно-политической сферах, и посягают на суверенитет Российской Федерации⁸.

⁷ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.07.2023) ; Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.07.2023) ; постановление Правительства РФ от 09.11.2021 № 1922 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество» и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.07.2023).

⁸ Трошев Д. Б. Особенности нормативного правового регулирования административно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от недружественных действий

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ еще в 2016 г., указывалось на такие формирующиеся в глобальном мире условия, когда первенство в исследованиях и разработках, высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности, а независимость понималась как достижение самостоятельности в критически важных сферах жизнеобеспечения за счет высокой результативности исследований и разработок и практического применения полученных результатов⁹.

В Стратегии обозначена взаимосвязь угрозы обеспечения безопасности России и негативных факторов и тенденций, создающих риски отставания России от стран — мировых технологических лидеров и обесценивания внутренних инвестиций в сферу науки и технологий, снижающих независимость и конкурентоспособность России в мире. Эти риски, в свою очередь, становятся существенным барьером, препятствующим долгосрочному росту благосостояния общества и укреплению суверенитета России.

1. Усиление заинтересованности государства к проблеме обеспечения технологического суверенитета отражено в распоряжении Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года», которым закреплено понятие технологического суверенитета как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы¹⁰.

2. Обращает на себя внимание не просто закрепление Правительством понятия «технологический суверенитет», но и форм его обеспечения. Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах: 1) исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню); 2) производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях. Технологический суверенитет реализуется в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами.

В связи с усилением тенденций перехода к многополярному миру и неустойчивости по этой причине мировой экономики возникла объективная необходимость теоретической разработки и правового оформления понятия «экономический суверенитет».

Как и иные типы суверенитета, возникшие в связи с возрастающими угрозами в определенных сферах (информационной, технологической), экономический суверенитет выступает предметом изучения публично-правовой науки. В сфере

иностранных государств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11. С. 90.

⁹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁰ URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.08.2023).

научного интереса конституционалистов находятся проблемы понятийного аппарата и определения места экономического суверенитета в традиционной классификации суверенитетов, выделение его элементов, а также отграничение от иных типов суверенитета¹¹.

Экономический суверенитет, определяет О. В. Танимов, представляет собой свойство государства, при котором оно способно самостоятельно принимать решения в сфере экономики и проводить экономическую политику¹².

А. В. Корнев и Е. В. Королева аргументируют вывод, что экономический суверенитет является условием существования и развития России. Нельзя быть суверенным государством, не имея достаточных экономических оснований¹³.

Что касается правового оформления понятия «экономический суверенитет», то следует отметить уровень его закрепления в актах стратегического характера и взаимосвязь с понятием «экономическая безопасность». Меры по защите экономического суверенитета были закреплены Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», в соответствии с которым экономический суверенитет Российской Федерации закрепляется как объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств (пп. 2 п. 7), а экономическая безопасность, в свою очередь, понимается как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации (пп. 1 п. 7)¹⁴.

В научных исследованиях и правоприменительной практике получает развитие и проблема финансового суверенитета. В конструкции социально-экономического и научно-технологического развития Российской Федерации самостоятельность публичной власти выступает одним из важных элементов проводимой государственной финансовой политики. Отправной точкой, условиями формирования финансовой политики государства, как определяет Р. В. Ткаченко, являются текущая экономическая ситуация в стране и мире, а также стратегические национальные задачи, детерминирующие векторы социально-экономического развития государства и общества¹⁵.

3. Формирование инновационной модели экономики, справедливо указывает Е. Ю. Грачева, ставит перед наукой новые задачи осмысления

¹¹ См., например: *Балдырев О. Ю.* Конституционно-правовые проблемы обеспечения экономического суверенитета: Россия, зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

¹² *Танимов О. В.* Правовая охрана экономического суверенитета России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 174.

¹³ *Корнев А. В., Королева Е. В.* Экономический суверенитет в контексте современных моделей экономики // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 11 (192). С. 98.

¹⁴ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

¹⁵ Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография / колл. авт. ; под ред. Е. Ю. Грачевой.. М., 2021.

предназначения, социальной ценности права как регулятора общественных отношений, требует анализа изменений предмета правового регулирования, связанных с появлением новых видов общественных отношений, регулируемых финансовым правом¹⁶.

4. Акцентирование внимания на финансовом суверенитете связано и с тем, что сегодня все больше государств поддерживают идею смены приоритета в международной платежной сфере от использования единой международной валюты (например, доллара США) на использование национальных валют во взаимных расчетах. Такое положение дел в значительной мере также является следствием кризиса 2008—2010 гг., показавшего ненадежность американской валюты.

5. Научные изыскания в сфере международных финансовых отношений свидетельствуют о том, что использование формально-юридического понятия государственного суверенитета составляет одну из проблем международного финансового права. Современная концепция суверенного равенства государств в области международных финансовых отношений нередко доказывает лишь формальное следование принципу суверенного равенства государств и допускает фактическое нарушение данного принципа. Более того, некоторые примеры реализации суверенных прав государств в международных финансовых отношениях, таких как отказ от национальной валюты в пользу общей (коллективной) валюты, создание наднациональных механизмов контроля за национальной финансовой системой, включая вопросы эмиссии, свидетельствуют о создании государствами ограничительных условий реализации суверенных прав в международном финансовом праве¹⁷.

6. В академической литературе высказывается точка зрения, в соответствии с которой финансовая глобализация размывает внешний суверенитет, поскольку сопровождающая ее универсализация монетарных отношений превращает любые попытки обретения монетарной самостоятельности, предпринятые какой-либо частью международной системы, в серьезную угрозу для других частей, заинтересованных в сохранении взаимозависимости и ради этого готовых на полноценную интервенцию. Подобные попытки лишают государства, эмитирующие фиатные мировые валюты, мощного инструмента политического влияния, вызывая с их стороны крайне негативную реакцию, игнорирующую суверенные права¹⁸.

В финансово интегрированном мире именно финансовая среда становится одним из важнейших факторов, генерирующих трансформационные импульсы для международной системы. Финансовая глобализация меняет структуру международной системы, задавая иные критерии для группировки частей международной системы, формирующих новые политические альянсы и иерархии. Она же меняет

¹⁶ Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики.

¹⁷ *Остроухов Б. А.* Суверенитет государств в международном финансовом праве: проблемы реализации суверенных прав и международного правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

¹⁸ *Шлюндт Н. Ю.* Международно-политическая система в финансово интегрированном мире: влияние глобализации на различные типы суверенитета // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 75.

свойства отдельных частей международной системы, прежде всего ослабляя все типы их суверенитета — внутренний, внешний, статусный и функциональный¹⁹.

Подготовленный Банком России совместно с Правительством РФ среднесрочный документ — Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов, раскрывающий главные направления, ключевые задачи и благоприятные условия политики по развитию финансового рынка, определяет, что важным фактором развития финансового рынка является взвешенная и последовательная макроэкономическая политика, в основе которой лежат ценовая и финансовая стабильность, а также устойчивость государственных финансов²⁰.

В свою очередь, под финансовым суверенитетом как разновидностью суверенитета следует понимать прежде всего независимость и верховенство власти государства в финансовой сфере.

Объектом финансового суверенитета выступают финансы государства в целом и его финансовая система. Финансы как социальный институт, понимаемый в широком смысле, имеют экономическую, политическую и правовую составляющие. Правовая составляющая обусловлена повышенной значимостью института финансов для реализации задач и функций любого государства, а также поддержания его суверенитета. В связи с этим любое государство не только признает финансы правовым институтом, но и имеет собственную финансовую систему, которую следует определять как совокупность, с одной стороны, финансовых институтов, каждый из которых способствует образованию и использованию соответствующих денежных фондов, а с другой — всех государственных органов и учреждений²¹.

Во всех анализируемых видах суверенитета — информационного, технологического, экономического и финансового, с одной стороны, прослеживается их взаимосвязь, а с другой — активно проявляется функциональная сторона суверенитета государства. Функциональная составляющая суверенитета детерминирована современными функциями государства, обусловленными сущностью и содержанием основных направлений деятельности государства, а также стоящими перед ним на конкретном историческом этапе целями и задачами.

Сущностно функции государства основаны на сферах деятельности и его социальном назначении, но проблема кроется именно в способности государства в ходе реализации своих функций в условиях транснациональности и глобальности ключевых для государства ресурсов — информационных, технологических, экономических и финансовых — обеспечить при этом суверенитет государства.

¹⁹ Шлюндт Н. Ю. Указ. соч. С. 76.

²⁰ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов: подготовлено Банком России [Текст не опубликован] // URL: <https://demo.garant.ru/#/document/403296145/paragraph/75/docclst/153/1/0/0/финансовый%20суверенитет:2> (дата обращения: 29.08.2023).

²¹ Ильин И. М., Харитонов И. К. Конституционные основы финансового суверенитета России // Казанская наука. 2015. № 11. С. 218.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография / колл. авт. ; под ред. Е. Ю. Грачевой. — М. : Проспект, 2021. — 256 с.
2. *Болдырев О. Ю.* Конституционно-правовые проблемы обеспечения экономического суверенитета: Россия, зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. — М., 2017. — 35 с.
3. *Ефремов А. А.* Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13. — М., 2021. — 37 с.
4. *Ильин И. М., Харитонов И. К.* Конституционные основы финансового суверенитета России // Казанская наука. — 2015. — № 11. — С. 218—222.
5. *Исаев И. А.* Суверенитет: закрытое пространство власти : монография. — М. : Проспект, 2017. — 160 с.
6. *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву / под ред. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2004. — 312 с.
7. *Корнев А. В., Королева Е. В.* Экономический суверенитет в контексте современных моделей экономики // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11 (192). — С. 90—99.
8. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм — М. : Норма, 2008. — 544 с.
9. *Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцева И. М.* Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. — 2022. — № 10. — С. 15—22.
10. *Остроухов Б. А.* Суверенитет государств в международном финансовом праве: проблемы реализации суверенных прав и международного правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. — М., 2011. — 30 с.
11. *Танимов О. В.* Правовая охрана экономического суверенитета России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4. — С. 174—182.
12. *Трошев Д. Б.* Особенности нормативного правового регулирования административно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 11. — С. 88—96.
13. *Химченко А. И.* О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой среды доверия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 4.
14. *Шлюндт Н. Ю.* Международно-политическая система в финансово интегрированном мире: влияние глобализации на различные типы суверенитета // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2017. — № 9 (88). — С. 75—78.

Исполнение иностранного судебного решения в рамках исполнения судебного поручения

Аннотация. В статье представлено освещение доктринальных подходов и правоприменительной практики российских судов в вопросе исполнения иностранного судебного решения с использованием механизма исполнения иностранного судебного поручения. На основе анализа правовых и доктринальных источников ставится вопрос о нормативном регулировании исполнения иностранного судебного решения с использованием механизма исполнения иностранного судебного поручения. Указанная возможность закреплена в качестве исключения в Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса от 01.03.1954 относительно взыскания судебных расходов на территории иностранного государства, а также в некоторых договорах о правовой помощи. Однако тенденция правоприменительной практики отечественных судов отстает от положений международных договоров. В процессе исследования установлено, что происходит подмена правовых механизмов. Такое предположение обусловлено сложностями перевода юридических терминов, которые могут надеяться дополнительным содержанием, помимо того, которое предусмотрено международными договорами.

Ключевые слова: Гаагская конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г., международный гражданский процесс, иностранные судебные поручения, исполнение иностранных судебных решений, признание и исполнение.

**Наталья Николаевна
КАРАНДАШЕВА,**

аспирант кафедры
международного
частного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
[nnkarandasheva@
gmail.com](mailto:nnkarandasheva@gmail.com)

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.223-230

Nataliia N. KARANDASHEVA,

Postgraduate student of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
nnkarandasheva@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Enforcement of a Foreign Judgment within the Framework of the Execution of a Letter Rogatory

Abstract. The article presents the coverage of doctrinal approaches and law enforcement practice of Russian courts in the issue of execution of a foreign judgment using the mechanism of execution of a foreign letters rogatory. On the basis of analysis of legal and doctrinal sources the question of normative regulation of execution of foreign judgment with the use of mechanism of execution of foreign letters rogatory is raised. The mentioned possibility is stipulated as an exception in the Hague Convention on the Civil Process

© Карандашева Н. Н., 2023

of March 1, 1954 on the issue of recovery of court expenses in the territory of a foreign state, as well as in some legal assistance treaties. However, the trend of law enforcement practice of domestic courts deviates from the provisions of international treaties. In the course of the research, it has been established that there is a substitution of legal mechanisms. This assumption is due to the complexities of translating legal terms that may be given additional content beyond that provided for in international treaties.

Keywords: *The Hague Convention on Civil Procedure of 1954, international civil procedure, foreign letters rogatory; enforcement of foreign judgments, recognition and enforcement.*

Иностранное судебное поручение как механизм передачи полномочий представляет собой делегирование части официальных обязанностей судьи одного государства судье другого иностранного государства. При этом права и обязанности исполнителя поручения ограничены рамками задач, указанных в самом поручении. Механизм исполнения иностранных решений в рамках судебных поручений осуществляется на международной основе. Порядок взаимодействия судебных органов разных государств по поводу вручения судебных документов и выполнения за рубежом других процессуальных действий регулируется международными договорами.

В соответствии со ст. 18 Гагской конвенции по вопросам гражданского процесса от 01.03.1954 (далее — Гагская конвенция 1954 г.), исполнительные документы о взыскании судебных расходов могут передаваться компетентным органам соответствующих иностранных государств и приниматься арбитражными судами РФ по просьбам, передаваемым в дипломатическом порядке¹. Это означает, что если истец или третья сторона были освобождены от оплаты судебных издержек и расходов в государстве, в котором проходило судебное разбирательство, то другие договаривающиеся государства должны бесплатно привести эти решения в исполнение по просьбам, принимаемым в дипломатическом порядке. Предполагается, что в данном случае судебное решение об уплате судебных расходов реализуется в соответствии с механизмом исполнения иностранного судебного поручения.

Положения ст. 18 Гагской конвенции 1954 г. справедливо оценивают в отечественной доктрине как своего рода гарантию уплаты истцами денежных сумм в возмещение судебных расходов² и как «санкцию за соглашение об освобождении от обеспечения процессуальных расходов» в зарубежной доктрине³.

¹ Конвенция по вопросам гражданского процесса [рус., англ.] (заключена в г. Гааге 01.03.1954) (с изм. от 25.10.1980) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.06.2023).

² *Марышева Н. И.* Гагская конвенция 1 марта 1954 года по вопросам гражданского процесса и ее применение в СССР // Ученые записки / ВНИИСЗ. 1969. Вып. 17. С. 110—136.

³ *Réczei L.* Internationales Privatrecht. Budapest : Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1960. P. 453.

Аналогичная возможность исполнения иностранных судебных решений закреплена и в двусторонних договорах, например, с Италией (ст. 29: «решения о судебных расходах, вынесенные на территории одной из Договаривающихся Сторон, признаются и исполняются на территории другой Договаривающейся Стороны в соответствии с нормами ст. 18 и 19 Гаагской конвенции 1954 г.»)⁴, Австрией (ст. 9: «ходатайства об исполнении решения об уплате судебных издержек и расходов (ст. 18 и 19 Гаагской конвенции 1954 г.) направляются в дипломатическом порядке»)⁵ и Испанией (ст.16: «Договаривающиеся Стороны направляют друг другу по просьбе копии вступивших в законную силу судебных решений, касающихся гражданского состояния граждан другой Договаривающейся Стороны через компетентные центральные органы»)⁶.

Просьбы об исполнении решений в соответствии с Гаагской конвенцией 1954 г. передаются в дипломатическом порядке, что не исключает того, чтобы два государства — участника Гаагской конвенции 1954 г. договорились о передаче просьб непосредственно сторонами (см., например, договоры об оказании правовой помощи СССР с Чехословакией⁷ и Венгрией⁸). Иностранное судебное поручение, скрепленное гербовой печатью суда, не требует дополнительного удостоверения и принимается на территории всех государств — участников договоров о взаимной правовой помощи как официальные документы.

Исполнение иностранного судебного решения возможно при наличии международного договора, установившего механизм взаимной правовой помощи (гл. 45 ГПК РФ и гл. 31 АПК РФ, ч. 3 ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»⁹), или, в отсутствие международных договоров, в исключительных случаях — в соответствии с правилом взаимного

⁴ Конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой о правовой помощи по гражданским делам (заключена в г. Риме 25.01.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Австрийской Республикой по вопросам гражданского процесса (заключено в г. Вене 11.03.1970) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Договор между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам (подписан в г. Мадриде 26.10.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Договор между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 12.08.1982) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 15.07.1958) (ред. от 19.10.1971) (вместе с Протоколом к Договору об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанному между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой в Москве 15 июля 1958 года от 15.07.1958) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

признания (в российском праве данный принцип не закреплен и встречается только в практике¹⁰).

Порядок исполнения решения иностранного суда, условия, категории решений, подлежащие признанию и принудительному исполнению решений, вынесенных за пределами государства, устанавливаются в каждом государстве самостоятельно. Большинство международных договоров (исключение — Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20.03.1992) исходят из необходимости специальной судебной процедуры принятия ходатайства и предоставления разрешения на исполнение решения суда одного договаривающегося государства на территории другого с выдачей исполнительного документа.

В России процедура исполнения судебного решения, вынесенного иностранным судом, включает следующие этапы (согласно гл. 45 ГПК РФ и гл. 31 АПК РФ, а также большинству договоров о правовой помощи):

1. Взыскатель обращается в компетентный суд по месту нахождения должника с заявлением (ходатайством) об исполнении решения иностранного суда.

Следует отметить, что именно на этом этапе, согласно международным договорам (Гаагской конвенции 1954 г. или названному выше двустороннему договору о правовой помощи), заявление (ходатайство) может быть подано через суд, который вынес решение, в министерство юстиции для последующей передачи в иностранное государство в порядке, предусмотренном международным договором.

2. Проводится открытое судебное заседание с установлением оснований для признания и приведения в исполнение решения иностранного суда (без пересмотра дела по существу). По результатам заседания суд выносит определение о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда либо об отказе. Основания для отказа изложены в ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ.

Исполнение иностранного судебного решения в рамках исполнения судебного поручения происходит в соответствии с законодательством страны, на территории которой данное судебное поручение должно быть исполнено. Для этого необходимо соблюдать процедуры, установленные местным законодательством, а также требования, предъявляемые к самому судебному решению. Суд общей юрисдикции или арбитражный суд в соответствии со ст. 407 ГПК РФ и ст. 256 АПК РФ исполняет поручения иностранных судов и компетентных органов иностранных государств о выполнении отдельных процессуальных действий в порядке, установленном международным договором Российской Федерации.

Основания к отказу в исполнении судебного поручения закреплены как в АПК РФ, так и в ГПК РФ, однако они имеют небольшие отличия.

¹⁰ См., например: определение Верховного Суда РФ от 07.06.2002 № 5-Г02-64 //СПС «КонсультантПлюс».

Согласно данному определению судам общей юрисдикции подведомственны дела по ходатайствам заинтересованных лиц о признании и исполнении на территории России решений иностранных судов независимо от наличия или отсутствия соответствующего международного соглашения или договора.

Статья 407 ГПК РФ предусматривает следующие основания для отказа:

1) исполнение поручения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает ее безопасности. Положения такого же характера закреплены и в п. 1 ч. 2 ст. 256 АПК РФ (исполнение поручения нарушает основополагающие принципы российского права или иным образом противоречит публичному порядку Российской Федерации);

2) исполнение поручения не входит в компетенцию суда (ст. 256 АПК РФ).

Еще одна причина отказа для неисполнения поручения иностранного суда изложена в ч. 3 ст. 256 АПК РФ, а именно: не установлена подлинность документа, содержащего поручение о выполнении отдельных процессуальных действий. При этом, несмотря на то, что в ГПК РФ нет подобного закрепления, из анализа п. 2 ст. 407 ГПК РФ можно предположить, что суд также откажет в подобном запросе.

Основания для отказа в исполнении судебного поручения закреплены в ст. 11 Гаагской конвенции 1954 г. и полностью повторяют положения ст. 256 АПК РФ. К тому же основания для отказа в исполнении поручения, предусмотренные в Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам (г. Гаага, 18.03.1970), согласно ст. 12 которой «исполнение поручения не входит в компетенцию судебной власти; запрашиваемое государство находит, что оно может нанести ущерб его суверенитету и безопасности»¹¹, близки к тем, что предусмотрены Гаагской конвенцией 1954 г., однако не содержат положения о невозможности установления подлинности документа.

Если обратиться к правоприменительной практике, то можно отметить, что п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.06.1999 № 8 (далее — постановление ВАС РФ № 8)¹² относит процедуру признания решения иностранного суда и его исполнение к судебным поручениям. Следует отметить, что в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее — постановление ВС РФ № 23)¹³, п. 16 утратил силу. Однако, несмотря на это, отечественное восприятие заложенного в Гаагской конвенции 1954 г. алгоритма исполнения решений иностранных судов о взыскании судебных расходов предполагает оформление в правоприменительной практике в виде одной из процедур исполнения поручения иностранного суда, которая имеет все признаки подмены юридических механизмов.

Отметим, что в российской доктрине приведенная выше правоприменительная практика возможности организации процедур признания и исполнения решения иностранного суда подвергается критике. Так, например, В. В. Ярков, указывая на

¹¹ Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам (Гаага, 18.03.1970) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.06.1999 № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // СПС «КонсультантПлюс».

постановление ВАС РФ № 8, говорит о том, что сама конструкция судебного поручения как механизма передачи полномочий противоречит подобному толкованию предмета поручений и принципу диспозитивности. Автор обращает внимание на то, что возможность подавать ходатайство о реализации решения зарубежного суда в России имеется только у взыскателя. Суд, рассматривающий ходатайство об экзекватуре, действует исключительно в рамках собственных автономных полномочий и не связан прямо с процедурой в иностранном государстве¹⁴.

Российское законодательство не содержит единого перечня отдельных процессуальных действий, которые по своей природе являются судебными поручениями. Тем не менее отнесение возможности исполнения иностранных судебных решений к процедуре исполнения иностранных судебных решений считается необоснованным. Возможность исполнения иностранного судебного решения в рамках исполнения судебного поручения носит исключительный характер в случаях взыскания судебных расходов с должников и наличия нормативных оснований для такого взыскания.

Поручение о процессуальных действиях на территории иностранного государства должно проходить два основных этапа: направление (передача компетентному органу иностранного государства) и, соответственно, исполнение. Как показывает российская практика, этап направления иностранного судебного решения о взыскании судебных расходов, предусмотренный ст. 18 Гаагской конвенции 1954 г., не соблюдается¹⁵. Представляется, что сложившаяся практика российских судов по данному вопросу складывается исходя из следующих причин:

- 1) длительный срок исполнения иностранных судебных поручений (в среднем 6—9 месяцев);
- 2) отсутствие нормативного закрепления на международном уровне (например, запрашивающая страна не участвует в Гаагской конвенции 1954 г., положения о взыскании судебных расходов с использованием механизма судебных поручений отсутствуют в двустороннем договоре или договор о правовой помощи не подписан между странами);
- 3) высокий риск отказа по причине несоответствия внутреннему законодательству запрашиваемого государства;
- 4) неоднородная правоприменительная практика в данном вопросе.

¹⁴ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2011.

¹⁵ Физическое лицо обратилось в суд с заявлением о признании и приведении в исполнение определения суда Федеральной земли Берлин о взыскании с российского юридического лица судебных расходов и процентов, начисляемых по день полной оплаты взысканных судебных расходов. Требования основаны на ст. 18 и 19 Гаагской конвенции. Российский суд удовлетворил заявление (проценты взысканы в части с учетом погашения части задолженности), а также взыскал судебные расходы, понесенные заявителем в российском суде в рамках рассмотрения заявления о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда. Заявление о взыскании судебных расходов подлежит удовлетворению на основании ст. 18 и 19 Гаагской конвенции. См.: Обзор российской судебной практики по вопросам арбитража и трансграничных судебных разбирательств (Boes A., Абу Салех Р., Авакян С., Агабалян М. [и др.]) // СПС «КонсультантПлюс».

Предполагается, что применение норм Гаагской конвенции 1954 г. осложняется особенностями перевода международных договоров, в процессе которого возможна подмена юридических конструкций международного частного права на юридические понятия национального права. Одной из возможных причин возникновения подмены юридических понятий можно назвать содержание специфических терминов, не имеющих эквивалентного института или понятия в стране, которая переводит документ, а также ввиду принадлежности государств к разным правовым семьям.

Так, например, понятие судебного поручения в международных договорах и национальных законодательствах зарубежных стран употребляется как *letter of request* и *letters rogatory*. Понятие *letter of request* употребляется в Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 18.03.1970)¹⁶ и обозначает формальную просьбу, которую отправляет суд или другой компетентный орган одного государства органу другого государства с целью получения судебной помощи в определенном деле. *Letter of request* может включать запросы на получение доказательств, проведение допросов свидетелей и т.д.

Обращаясь к толкованию понятия *letters rogatory* (или *rogatory letter*), можно заключить, что это еще одно название для *letters of request*. Зачастую оно используется в различных системах права, где толкуется как «письма, направленные посыльными особами от суда одной страны к суду другой страны и содержащие просьбу в судебных вопросах». Этот термин также может использоваться для обозначения официальных документов, которые отправляются между государствами для запрашивания помощи в судебных делах. Таким образом, понятия *letters of request* и *letters rogatory* (*rogatory letter*) являются синонимами и обозначают одно и то же юридическое явление — запрос на международную судебную помощь.

Так, например, американский ученый П. С. Рабинович указывает, что рогаторий в наибольшей степени соответствует такому российскому процессуальному инструменту, как судебное поручение¹⁷.

Исходя из вышеизложенного, следует обратить внимание на текст ст. 18 Гаагской конвенции, в которой употребляется понятие *request*, переводимое как просьба. Представляется, что конкретно в данном упоминании просьбы речь идет о правовой помощи, в рамках которой предполагается исполнение судебных поручений. Важной составной частью оказания правовой помощи является признание и приведение в исполнение решений судов одного государства на территории другого государства. Следовательно, одна и та же конструкция в международных текстах документов употребляется в разных формулировках, что может привести к неодинаковому содержанию или интерпретации понятия в различных правовых системах.

Таким образом, рассматривая возможность исполнения иностранного судебного решения в рамках исполнения судебного поручения, следует заключить:

1. Применение норм международных универсальных договоров относительно исполнения иностранного судебного решения с использованием механизма исполнения иностранного судебного поручения усложняется особенностями перевода,

¹⁶ Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам.

¹⁷ *Rabinovich P. S. Obtaining evidence in the USSR in inheritance cases // New York Law School Journal of International and Comparative Law. 1986. Vol. 7. № 3 & 3. Fall. P. 424.*

который может привести к подмене юридических конструкций. Возможными причинами такой замены являются наличие специфических терминов, которые не имеют эквивалентного правового института в стране, где осуществляется перевод, а также принадлежность государств к разным правовым семьям.

2. Предполагается, что отнесение процедуры признания решения иностранного суда и его исполнение к процедуре исполнения судебных поручений, отраженной в отечественной правоприменительной практике до разъяснений постановления ВАС РФ № 23¹⁸, было необоснованным и послужило причиной подмены юридических механизмов. Исполнение иностранного судебного решения и исполнение иностранного судебного поручения предполагают различные правовые механизмы международного частного права и международного гражданского процесса, отличающиеся по своей правовой природе и правовому регулированию. Исполнение иностранного судебного решения в рамках процедуры исполнения судебного поручения ограничено и является исключительным в тех случаях, когда требуется взыскание судебных расходов с должников и имеются соответствующие нормативные основания для такого взыскания.

3. Несмотря на наличие отечественной судебной практики, подтверждающей отступление от положений международных договоров, которые позволяют исполнить иностранное судебное решение в рамках исполнения иностранного судебного поручения в случаях взыскания судебных расходов с должников, сложившаяся практика можно оценить как позитивную, ввиду того, что суды принимают к рассмотрению заявления о признании и приведении в исполнение решений о взыскании судебных расходов, поскольку оснований для отказа в силу несоблюдения механизма в соответствии со ст. 18 Гаагской конвенции 1954 г. в российском национальном законодательстве не предусмотрено. Однако стоит отметить и негативный фактор, который проявляется в непоследовательном отношении отечественных судов к положениям международных договоров.

БИБЛИОГРАФИЯ

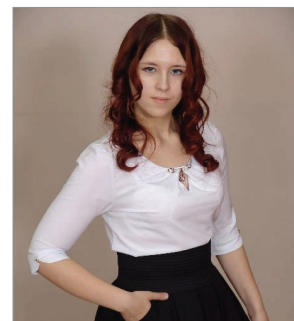
1. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 1112 с.
2. *Марышева Н. И.* Гаагская конвенция 1 марта 1954 года по вопросам гражданского процесса и ее применение в СССР // Ученые записки / ВНИИСЗ. — 1969. — Вып. 17. — С. 110 — 136.
3. *Rabinovich P. S.* Obtaining evidence in the USSR in inheritance cases // New York Law School Journal of International and Comparative Law. — 1986. — Vol. 7. — № 3 & 3. Fall. — P. 423—443.
4. *Réczei L.* Internationales Privatrecht. — Budapest : Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1960. — 478 p.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // СПС «КонсультантПлюс».

Влияние санкций на формирование российского подхода к правовому регулированию трансграничной несостоятельности

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния санкционных и контрсанкционных мер на формирование подхода российских судов к рассмотрению споров по делам о несостоятельности. Под влиянием интеграционных процессов мирового и регионального масштаба происходит интенсификация внешнеэкономических связей хозяйствующих субъектов разных стран, формируется взаимозависимость юридических лиц в рамках международного экономического процесса. Активное развитие международной экономической деятельности приносит с собой не только большую прибыль, возможности для снижения издержек и развитие международной коммуникации, но и тяжелейшие кризисные явления, большой риск не удержаться «на плаву», в результате возникает сравнительно новое явление трансграничной несостоятельности. Автором отмечены проблемные аспекты влияния санкций на рассмотрение споров о несостоятельности, среди которых иницирование процедуры банкротства, включение иностранных кредиторов в реестр требований кредиторов, признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений. Автором исследованы кейсы из последней практики российских судов, отмечены особенности рассмотрения дел о несостоятельности с участием кредиторов и должников недружественных стран, сделаны выводы и предположения о дальнейшем развитии судебной практики.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, трансграничная несостоятельность, иностранный элемент, санкции.

**Екатерина Ивановна
СКОПЦОВА,**

магистрант
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
[skoptsova.ekaterina@
yandex.ru](mailto:skoptsova.ekaterina@yandex.ru)
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.231-240

Ekaterina I. SKOPTSOVA,

Undergraduate of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

skoptsova.ekaterina@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Impact of Sanctions on Formation of the Russian Approach to the Legal Regulation of Cross-Border Insolvency

Abstract. This article is devoted to the analysis of the impact of sanctions and counter-sanctions measures on the formation of the approach of Russian courts to the consideration of disputes in insolvency cases. under the influence of integration processes on a global and regional scale, there is an intensification of foreign economic relations of economic entities from different

© Скопцова Е. И., 2023

countries, the interdependence of legal entities is formed within the framework of the international economic process. the active development of international economic activity brings with it not only great profits, opportunities for cost reduction and the development of international communication, but also the most severe crisis phenomena, a great risk of not staying afloat, resulting in a relatively new phenomenon of cross-border insolvency. The author noted the problematic aspects of the impact of sanctions on the consideration of insolvency disputes, including the initiation of bankruptcy proceedings, the inclusion of foreign creditors in the register of creditors' claims, the recognition and enforcement of foreign judgments. The author studied cases from the latest practice of Russian courts, noted the features of the consideration of insolvency cases involving creditors and debtors of «unfriendly» countries, made conclusions and assumptions about the further development of judicial practice.

Keywords: *insolvency, bankruptcy, cross-border insolvency, foreign element, sanctions.*

Сложность и специфичность правового регулирования трансграничной несостоятельности обусловлена несколькими возможными аспектами:

- а) наличие иностранного элемента;
- б) возможность инициирования судебного производства в отношении юридических лиц, осуществляющих свою деятельность с привлечением иностранного элемента, в судах иностранного государства, либо одновременно в судах нескольких стран,
- в) сложность признания и исполнения судебных решений о трансграничной несостоятельности ввиду того, что, как правило, кредиторы и имущество банкрота-должника находятся в разных государствах.

Помимо этого, необходимо отметить и отсутствие специального регулирования трансграничной несостоятельности в Российской Федерации. Система правового регулирования данного явления крайне слабо проработана и не структурирована, регулирование трансграничной несостоятельности осуществляется с помощью ст. 1189, 1193 ГК РФ и Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (п. 3 ст. 29, п. 5 ст. 1, п. 6 ст. 1), который до относительно недавнего времени даже не содержал термина «трансграничная несостоятельность».

Тем временем на международной арене все большую популярность набирает такой механизм воздействия, как санкции, в связи с чем возникает множество вопросов как в части организации политического взаимодействия, так и в части развития международных торговых отношений. В 2022 г. отмечалось, что влияние санкций в отношении России имеет двойственный характер. Так, эксперты МВФ еще в 2019 г. отметили, что санкции лишь на 0,2 % замедляют экономический рост России¹. С другой стороны, санкции, несомненно, являются фактором риска

¹ International Monetary Fund European Department, Russian Federation Staff Report, 02.08.2019 // International Monetary Fund. 13.01.2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/> (дата обращения: 06.04.2022).

для торговых субъектов РФ, в частности организаций, осуществляющих активное международное взаимодействие в рамках торговых контрактов с иностранными акторами. В этой связи крайне важным представляется анализ существующих механизмов нормативно-правового регулирования в сфере защиты и поддержки российского бизнеса для обеспечения устойчивого развития российской экономики и бесперебойной работы ее акторов.

Для традиционной модели правового регулирования Российской Федерации характерно использование доктрины территориальности, принципа «одно право — один суд — одна страна». Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» крайне фрагментарно охватывает вопросы регулирования несостоятельности с иностранным элементом. В случае с несостоятельностью юридических лиц данным законом предусматривается лишь один случай иностранного элемента — участие в процедуре банкротства иностранного кредитора.

В рамках исследования деформации традиционной модели правового регулирования под влиянием антикризисных мер, введенных Российской Федерацией в ответ на санкционные ограничения западных стран, важно прояснить следующие вопросы:

1) влияние санкций на возможность открытия производства по делу о несостоятельности иностранных юридических лиц в России и инициирования процедуры банкротства российских юридических лиц со стороны иностранных контрагентов;

2) изменения в части участия в российском банкротстве иностранных кредиторов, которые сейчас в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» участвуют в российском банкротстве должника на общих основаниях;

3) возможность риска возникновения сложностей по признанию и исполнению российских иностранных решений по делам о несостоятельности в иностранном государстве, и наоборот.

Актуальность данных вопросов на сегодняшний день несомненна, так как прогнозируется значительный рост банкротств в связи с отменой моратория на банкротства, действовавшего с 01.04.2022 по 01.10.2022.

Перед тем как перейти к раскрытию проблемных вопросов, отметим, что одним из механизмов, введенных в ответ на санкции в отношении Российской Федерации, стал банкротный мораторий. Основанием для введения данного механизма, ранее использованного в период пандемии коронавирусной инфекции, согласно постановлению Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников», стала необходимость преодоления экономического спада в период кризисных процессов международного характера и нивелирования негативных последствий влияния этих процессов на российскую экономику, российских юридических и физических лиц, деятельность которых была сопряжена с иностранным элементом или зависима от него (будь то иностранный контрагент, иностранные материалы и товары или иное).

В ответ на недружественную санкционную политику западных государств публикуется постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами». Эффективность внедрения данного механизма подтверждается

статистикой корпоративных банкротств 2021 г. Благодаря введению моратория удалось значительно сдержать рост банкротных процессов — по сравнению с 2020 г. их количество увеличилось лишь на 3,9 %.

Введение моратория не стало панацеей и средством решения проблемного вопроса, возникшего в сфере трансграничной несостоятельности в 2022 г. Однако он позволил организациям воспользоваться небольшой паузой и договориться о новых условиях исполнения обязательств со своими иностранными контрагентами. Вместе с тем исследователи отмечают и негативные последствия введения повсеместного банкротного моратория: риск ущемления прав кредиторов, препятствие для оздоровления экономики и устранения с рынка неэффективных компаний, увеличение периода оспаривания сделок должника, злоупотребления со стороны должников².

Порядок применения банкротного моратория описывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»». Согласно данному постановлению в рамках введенного моратория юридическим и физическим лицам предоставляются некоторые преимущества, такие как освобождение от уплаты неустойки и иных финансовых санкций, в целях поддержки их экономического состояния и снижения негативного воздействия явлений, послуживших причиной введения моратория.

Вместе с тем в период действия моратория предполагаются и особые ограничения, например запрет на выплату дивидендов, распределение прибыли, чтобы пресечь возможность использования моратория для прикрытия противоправных действий. Использование банкротного моратория допускается при соблюдении единственного минимального условия — принадлежности должника к списку лиц, подпадающих под его действие. В рамках банкротного моратория 2022 г. под это условие попадали практически все организации, что обусловлено, как представляется, сложностью выявления наиболее пострадавших под влиянием санкционных мер сфер российской экономики. При этом стоит упомянуть, что должник имеет право заявить об отказе от банкротного моратория.

В судебной практике сложилось множество прецедентов, когда должнику удалось воспользоваться своим правом на мораторий по банкротству и тем самым удержаться на плаву. Впрочем, и до введения моратория встречались прецеденты решений в пользу российских организаций в связи с риском возникновения банкротства должника, как, например, в деле № А40-149699/2021 по иску российской организации ООО «Кантрева» о приостановке исполнения судебного акта по удовлетворению требований Siemens AG ввиду риска банкротства должника, а также в связи с поддержкой со стороны Siemens AG экономических санкций против Российской Федерации³.

При этом важно отметить и существование судебных решений, в рамках которых должник не получил защиты, сославшись на мораторий. Так, Арбитражный

² Мораторий для всех и каждого // Коммерсантъ. Техническое приложение «Юридический бизнес». 26.04.2022. № 73 (7274). С. 15.

³ Определение Арбитражного суда Московской области от 11.03.2022 по делу № А40-149699/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

суд Москвы отказал должнику в моратории на банкротство, сославшись на п. 13 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021. В данном деле суд пришел к выводу, что наступление неплатежеспособного состояния должника обусловлено иными причинами, нежели предусмотрены банкротным мораторием, в связи с чем данный механизм не может быть применен в отношении должника.

Обратимся подробнее к первому вопросу — изменения в порядке инициирования трансграничного банкротства в Российской Федерации.

В судебной практике можно отметить решения, в рамках которых иностранному лицу было отказано в инициировании процедуры банкротства в отношении российской организации. Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 09.08.2022 № Ф05-4209/2022 по делу № А40-164013/2021 суд на основании ст. 10 ГК РФ отказал иностранному банку (юридическому лицу — нерезиденту из Латвии) признать несостоятельным (банкротом) российское АО⁴.

Предметом иска стали требования об исполнении обязательств по валютному договору. Арбитражный суд, сославшись на Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79, согласно которому с 01.03.2022 запрещены некоторые валютные операции, в том числе передача денег в иностранной валюте нерезиденту по действующему договору займа, заключенному до 01.03.2022. Согласно разъяснениям Минюста РФ такой договор подлежит немедленному прекращению, в связи с чем суд пришел к выводу, что российское юридическое лицо не может исполнить свои обязательства по валютному договору перед заявителем из недружественной страны.

Исходя из данного решения, мы отмечаем, что введение антикризисных мер в ответ на санкции действительно затрудняет для иностранного кредитора доступ к активам и возможности инициирования банкротной процедуры в случаях, когда спорные правоотношения подпадают под действие контрсанкционных ограничений и не зависят от воли и действий самой организации-должника.

Что касается вопроса возможности инициирования процедуры банкротства иностранной организации на территории Российской Федерации, то он представляется актуальным ввиду массового ухода иностранных организаций с российского рынка и прекращения фактической экономической деятельности на территории Российской Федерации в нарушение ранее заключенных договоров.

Известным прецедентом стало дело о банкротстве компании Pandora consulting LC, которое стало, пожалуй, первым подобным делом в российской судебной практике. До знакового дела российские арбитражные суды, как правило, принимали решение об отказе в удовлетворении заявлений о банкротстве иностранных компаний. Основанием для отказа являлось то, что ст. 1202 ГК РФ не предусматривает юрисдикцию российского суда в отношении несостоятельности иностранного должника. При этом доводы в пользу наличия у иностранной организации представительства или филиала на территории Российской Федерации признавались несостоятельными, поскольку ст. 55 ГК РФ не наделяет их статусом самостоятельных юридических лиц. Примерами таких дел являются дело о банкротстве норвежской компании с ограниченной ответственностью

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

«Кларксонс Плато Ас»⁵ и дело о банкротстве кипрской компании с ограниченной ответственностью «Андреас Неоклеус и Ко ЭлЭлСи»⁶.

Фабула дела о банкротстве компании Pandora consulting LC была следующей. В Арбитражный суд Челябинской области 30.08.2021 обратился кредитор с иском против компании Pandora consulting LC о взыскании неисполненных денежных обязательств. При определении правового положения организации суд сослался на личный закон юридического лица (ст. 1202 ГК РФ), которое было зарегистрировано на острове Невис. Суд признал, что действующее законодательство не предусматривает наличие у российского суда компетенции по ведению производства по делам о несостоятельности иностранного юридического лица, однако отказ российскому кредитору повлек бы за собой ограничение его права на получение эффективной судебной защиты со стороны российского суда. Впервые, анализируя сущность дела, суд отдал предпочтение «справедливости» выносимого решения и оценил последствия данного решения с позиции российского гражданина, защита прав и законных интересов которого должна быть первостепенной для российского суда. Представляется, что данное дело может способствовать формированию прецедента к использованию подобного подхода к иным иностранным юридическим лицам, при условии, что в кассационной инстанции не будет принято противоположное решение.

Следующий не менее важный вопрос — изменения в части участия в российском банкротстве иностранных кредиторов, которые сейчас, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», участвуют в российском банкротстве должника на общих основаниях. Указанный проблемный вопрос возникает в практике банкротных споров в связи с утверждением Указов Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» и от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций», распоряжения Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р, закрепляющем перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия.

Несмотря на то, что действующее законодательство содержит закрытый перечень действий, которые не могут совершаться с резидентами недружественных стран (сделки с ценными бумагами и недвижимостью, сделки по предоставлению кредитов и займов лицам иностранных государств, совершающих недружественные действия), в судебной практике наметились некоторые резонансные

⁵ Clarksons Platou AS. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 18.12.2019 по делу № А40-325345/2019 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2020 № 09АП-2602/20 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Andreas Neocleous & Co LLC. Соответствующее дело № А40-15873/2017 прошло все инстанции вплоть до Верховного Суда РФ, в передаче кассационной жалобы на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ было отказано. См.: определение Верховного Суда РФ от 12.03.2018 № 305-ЭС18-552 // СПС «КонсультантПлюс».

решения. Пример — известное дело «Свинки Пеппы», в рамках которого истцу было отказано в удовлетворении требований на основании того, что лицо является резидентом недружественного государства (в настоящее время решение отменено судом апелляционной инстанции)⁷.

Приведенное в пример дело относится к категории споров в сфере интеллектуальной собственности, обращаясь же к практике рассмотрения банкротных споров, отмечаем, что попытки сторон использовать довод о недружественном характере страны кредитора не получают удовлетворения и равенство всех кредиторов в этой части поддерживается.

Так, в деле № А27-9400/2019 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа не исключил из реестра требований кредиторов требование общества, контролирующим лицом которого является в том числе иностранное юридическое лицо из недружественной Швеции⁸. Обосновывая свою позицию, суд указал, что указами Президента РФ не установлен особый порядок для включения или исключения из реестра требований иностранных лиц, связанных с недружественными странами, а следовательно, принадлежность кредитора к недружественной стране не может являться основанием для прекращения обязательства должника и отказа этому лицу в судебной защите.

В другом деле Арбитражным судом Алтайского края принято аналогичное решение, а именно включено в реестр требований кредиторов требование дочернего общества немецкой компании о выплате сумм по кредитному договору. Суд указал, что согласно Указу Президента РФ от 05.03.2022 № 95 РФ, регионы и муниципалитеты, физические и юридические лица РФ, имеющие валютные обязательства перед зарубежными кредиторами из перечня недружественных стран, смогут расплатиться по ним в рублях, но прекращение самого долга не предусмотрено.

Последний вопрос о признании и приведении в исполнение судебных решений по делам о банкротстве в связи с принятием контрсанкционных мер представляется наиболее сложным и противоречивым для анализа. С одной стороны, контрсанкционные и санкционные меры напрямую не касаются вопроса признания и приведения в исполнении иностранных банкротств. Вместе с тем ввиду отсутствия актов, связывающих взаимными обязательствами по исполнению таких решений Российскую Федерацию и иностранные государства, вопрос признания иностранных судебных решений по делам о несостоятельности остается на усмотрение суда.

Нельзя не отметить, что такой аспект, как признание иностранных банкротств, может зависеть не только от норм международной вежливости и наличия заключенного договора, но и от влияния политической и государственной повестки на готовность суда признать акт суда иностранного государства. Так, в практике Канады отмечаются случаи непризнания иностранных решений под влиянием государственной политики и предубеждения в отношении органов иностранного

⁷ Решение Арбитражного суда Кировской области от 03.03.2022 по делу № А28-11930/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.09.2022 № Ф04-4605/2020 по делу № А27-9400/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

государства (например, дело *Re Westinghouse Electric Corporation and Duquesne Light Company et al.*). В результате этого возникает риск того, что в условиях санкционных ограничений, введенных в отношении Российской Федерации в связи с ведением специальной военной операции, российские судебные решения будут все чаще не получать признания за рубежом, а следовательно, удовлетворение требований российских кредиторов при отсутствии у иностранного должника активов на территории России может быть крайне осложнено.

По результатам анализа судебной практики в сфере банкротства автор считает важным отметить, что 2022 год оказал значительное влияние на процесс рассмотрения вопроса признания юридических лиц несостоятельными. Это отмечается как в изменении характера производства (все более частым доводом в рамках процесса становится довод о недружественном характере страны оппонента), так и в изменении подхода судебных органов к рассмотрению дела (теперь суды должны большее внимание уделять стадии толкования нормативных правовых актов, особенно принятых в рамках контрсанкций).

Вместе с тем, несомненно, важным и основным вопросом в рамках судебного производства становится вопрос защиты прав российских граждан, особенно российских граждан последних принятых в состав Российской Федерации субъектов: ДНР и ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. В свете принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о непризнании данных территорий в составе Российской Федерации прогнозируются определенные сложности с признанием юрисдикции российских судов в отношении юридических лиц, действующих на данных территориях, а следовательно, и вынесенных в отношении них решений.

Данный аспект подтверждается и имеющейся судебной практикой после принятия Республики Крым в состав Российской Федерации в 2014 г. Так, в деле ООО «Витмент» Верховным Судом РФ признано наличие «эфффективной юрисдикции» судов Российской Федерации в отношении имущества, находящегося на ее территории, и в отношении ответчика, чья деятельность по извлечению прибыли с территории Российской Федерации тесно связана с ее территорией⁹.

Верховный Суд отметил, что осуществление должником в Российской Федерации, не носящей временного характера экономической деятельности (имеет недвижимое имущество, арендует и использует на ином праве публичные земельные участки) свидетельствует об образовании предприятия должника. Используя термин «предприятие», Верховный Суд РФ счел обоснованным применение ст. 2 Типового закона ЮНСИТРАЛ. Анализируя данное решение, отмечаем, что Верховному Суду РФ с целью обоснования собственной юрисдикции пришлось применять не только нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», но и нормы АПК РФ, а также обращаться к Типовому закону ЮНСИТРАЛ.

В то же время суд первой инстанции, апелляционный и окружной суды, сославшись исключительно на нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», пришли к противоположному решению. В результате одностороннего взгляда на данное дело требования российского кредитора в отношении

⁹ *Мохова Е. В.* Центр тяготения экономических интересов должника-индивида: развитие концепции в практике российских судов // *Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право»*. 2021. № 1. С. 35.

активов, расположенных на территории РФ, могли бы получить неудовлетворения, а самому кредитору пришлось бы принимать участие в иностранной процедуре банкротства, нести дополнительные расходы при риске «непризнания» впоследствии иностранного решения на территории РФ.

Традиционная модель территориализма, действующая в Российской Федерации в отношении банкротных споров, не отвечает в полной мере интересам Российской Федерации также и с учетом существующих в иностранных государствах правовых механизмов возбуждения дел о банкротстве псевдоиностранных юридических лиц (чья регистрация за пределами государства является формальной при ведении постоянной экономической деятельности в ином государстве (офшорная деятельность)).

Автор придерживается следующей позиции: с учетом вышеуказанных аспектов назрела необходимость изменения существующей модели, и в частности — внедрения механизма, позволяющего российским судам расширить свою компетенцию в отношении иностранных юридических лиц при соблюдении, разумеется, определенных условий, а именно наличия тесной связи с Российской Федерацией.

Данное условие уже заложено в ст. 247 АПК РФ и, по мнению автора, может быть успешно применено в отношении банкротных споров. Это нововведение позволит не только расширить компетенцию российских судов в отношении юридических лиц, зарегистрированных в иностранных правовых порядках, но фактически контролируемых российскими гражданами или осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации (речь идет об офшорах, иностранных компаниях с российскими филиалами), но и наделить российских кредиторов возможностью обратиться за взысканием на активы иностранного должника, находящиеся на территории Российской Федерации (в частности, это важно в отношении иностранных компаний, «прекративших» свою деятельность на территории Российской Федерации).

В этой связи автор считает целесообразным внесение изменений в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а именно статью 33 следует дополнить пунктом 1.1 следующего содержания: «Дела о банкротстве юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, рассматривает арбитражный суд по месту жительства кредитора или по месту нахождения активов в случае признания несостоятельным иностранного должника, контролируемого российскими гражданами и (или) деятельность которого тесно связана с территорией Российской Федерации».

Автор не предлагает принять самостоятельный нормативный правовой акт, регулирующий вопросы трансграничной несостоятельности, поскольку в свете сложной политической и экономической ситуации на международной арене, как представляется, существует риск того, что при инкорпорации в национальное законодательство РФ, например, норм Типового закона ЮНСИТРАЛ, юрисдикция российских судов окажется по собственной воле ограничена, а российские суды будут связаны обязательством по исполнению и признанию иностранных судебных решений без гарантий «взаимности» на территории зарубежных государств.

Также представляется маловероятным реализация в ближайшее время инициативы по созданию единого международного договора, способного обеспечить необходимые для Российской Федерации гарантии «исполнимости» российских

судебных решений, такого как Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам, разработанная в 2019 г.

Таким образом, в рамках данной статьи проведен анализ влияния санкционных и контрсанкционных ограничений на традиционную модель правового регулирования трансграничной несостоятельности, сложившуюся в практике российских судов. Автором отмечены наиболее проблемные аспекты, которых могут коснуться изменения. Среди таковых — влияние санкций на возможность открытия производства по делу о несостоятельности, изменения в части участия в российском банкротстве иностранных кредиторов, риск возникновения сложностей при признании и исполнении судебных решений по делам о несостоятельности.

Проанализировав кейсы из судебной практики 2022 г., автор приходит к выводу, что судебный процесс по вопросам несостоятельности значительно усложняется. В этой связи представляются крайне важными выделение экономических сфер, наиболее пострадавших в результате санкционных ограничений (тем более с учетом отмены моратория 2022 г., который на некоторое время способствовал санации негативного влияния санкций на российский бизнес), а также внесение уточнений в действующее законодательство в части регулирования трансграничной несостоятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Дмитриева Г. К.* Международное частное право : учебник. — 4-е изд. — М. : Проспект, 2021. — 690 с.
2. *Мохова Е. В.* Центр тяготения экономических интересов должника-индивида: развитие концепции в практике российских судов // Право и бизнес. — Приложение к журналу «Предпринимательское право». — 2021. — № 1. — С. 31—39.
3. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека : монография / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. — М. : Юстицинформ, 2022. — 203 с.
4. *Ястребова А. А.* Проблема трансграничного банкротства в контексте толкования норм международного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 1—3. — С. 116—118.
5. *Abi Saab G.* The Concept of Sanctions in International Law // United Nations Sanctions in International Law / ed. by V. Gowlland Debbas. — The Hague ; London ; Boston, 2001. — 401 p.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023.

Учебник содержит комплексный научный и учебный материал, раскрывающий новое для юриспруденции явление — право устойчивого развития — через призму его межотраслевого характера. Книга включает аналитику по вопросам нормирования общественных отношений посредством ESG-стандартов. Это первый инновационный российский учебник, нацеленный на популяризацию данного научно-практического направления и формирование юридического взгляда на глобальный тренд, переопределяющий многие мировые процессы. Законодательство приведено по состоянию на 22 мая 2022 г.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, научных работников, законодателей, сотрудников органов государственной власти, международных организаций и корпораций, практикующих юристов, а также всех интересующихся «зеленой» повесткой, проблемами устойчивого развития и ESG.

Глоссарий основных понятий устойчивого развития с комментариями / под ред. М. В. Мажориной, И. Е. Михеевой, Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023.

Настоящий глоссарий подготовлен коллективом авторов, развивающих концепцию права устойчивого развития, правовые основы ESG-повестки в России. Глоссарий как сборник основных терминов и понятий, предложенных авторами к использованию в науке и практике устойчивого развития, предназначен для уяснения смысла отношений устойчивого развития в современном мире, особенностей их правового регулирования. Законодательство приведено по состоянию на 21 июня 2022 г. Книга может быть использована в научной и образовательной деятельности при обучении специалистов по самым различным направлениям подготовки, включая юристов, экономистов, экологов, социальных работников, в законотворческой и правоприменительной деятельности в различных областях отношений, связанных с устойчивым развитием.

Право в условиях санкций : монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023.

Настоящая монография посвящена основам и различным аспектам права в условиях санкций. В современных условиях широкого распространения санкционных ограничений во всем мире одной из основных проблем представляется определение правовых основ введения такого рода ограничений и правовой природы санкций как мер, ограничивающих те или иные права субъектов. Правовые основы здесь необходимы для достижения баланса прав и законных интересов субъектов права в разных государствах, вовлеченных в санкционный процесс, а также в целях сдерживания повсеместного и безосновательного ограничения прав субъектов в контексте санкционных мер.

Авторы рассматривают санкционные и контрсанкционные меры в системе регулирования современных общественных отношений, анализируют международно-правовые, гражданско-правовые, финансово-правовые аспекты санкционной проблематики. Отдельное внимание уделяется торговому, корпоративному, банковскому, экологическому, земельно-имущественным, градостроительным правоотношениям, продовольственной безопасности, правовой охране интеллектуальной собственности в условиях санкционных ограничений, санкционному комплаенсу, разрешению споров.

Законодательство приведено по состоянию на 4 июля 2022 г.

Монография разработана для обучающихся по программам подготовки юристов, включая аспирантов, занимающихся научными исследованиями правового регулирования отношений устойчивого развития. Настоящее издание может быть полезно в практической деятельности юристов, связанной с санкционным комплаенсом и due diligence, с приведением в соответствие и оценкой соответствия той или иной деятельности современным нормативным требованиям, а также должностным лицам органов исполнительной власти, законодателям, сотрудникам международных организаций, осуществляющим деятельность в условиях санкционных ограничений.

Международные и всероссийские конкурсы как новый тренд современного юридического образования: вопросы теории и практики : монография / под ред. Я. О. Алимовой. — М. : Проспект, 2022.

Настоящая монография разработана в честь 90-летия Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) коллективом преподавателей первой в России кафедры правового моделирования, которая непосредственно занимается подготовкой студентов к модельным юридическим процессам, а также студентами — победителями конкурсов.

Монография содержит рекомендации и материалы для подготовки к игровым модельным процессам как на русском, так и на английском языках. В книге проанализированы особенности участия в модельных процессах не только в очном формате, но и в формате онлайн. Авторы поделились с будущими участниками конкурсов своими знаниями, методиками, технологиями и опытом. В книгу включены прикладные схемы и рисунки, которые помогут участникам разработать стратегию и тактику выступления, грамотно составить меморандум и подготовиться к устным выступлениям. В заключении монографии приведены результаты, которые были достигнуты студентами кафедры правового моделирования за время ее функционирования.

Законодательство приведено по состоянию на 1 июля 2021 г.

Книга будет полезна для бакалавров, магистров, аспирантов юридических университетов, которые хотят принять участие в различных модельных процессах по самым разным дисциплинам, таким как международное право, международное частное право, право ЕС, гражданское право, корпоративное право, интеллектуальное право и др.

Луткова О. В., Шахназаров Б. А., Терентьева Л. В. Интеллектуальная собственность в международном частном праве : учебник. — М. : Проспект, 2023.

В учебнике представлена значительная часть проблемных вопросов в сфере материального и коллизионного регулирования авторско-правовых отношений и отношений по поводу объектов промышленной собственности (патентуемые объекты, средства индивидуализации и иные отдельные объекты охраны), а также вопросов охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет. Законодательство приведено по состоянию на 1 июля 2021 г.

Луткова О. В. Авторские права в международном частном праве : учебник. — М. : Проспект, 2023.

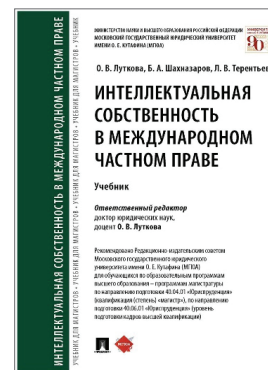
В учебнике представлена значительная часть проблемных вопросов материального и коллизионного регулирования авторско-правовых отношений, а также вопросов из сферы договорных отношений в трансграничном обороте авторских прав. Особенностью книги является ориентация на проблему выбора применимого права в трансграничных отношениях — коллизионное регулирование, тогда как современная доктрина авторского права сконцентрирована в основном на международно-правовом (конвенционном) регулировании авторских прав и авторско-правовом (национальном) регулировании в отдельных государствах, реже — на исследованиях регионального направления, основанных на компаративистском подходе.

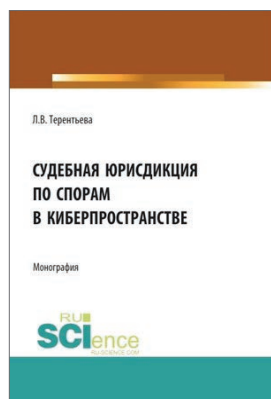
В тексте учебника освещена концепция принципов правового регулирования трансграничных авторско-правовых отношений — основополагающих норм, связывающих в единую систему международно-правовое регулирование в рамках обязательств государств и регулирование на национальном уровне отдельных государств.

Рассмотрены характерные для отдельных институтов авторского права системные особенности материально-правового и коллизионно-правового регулирования трансграничных авторских отношений. Раскрыты современные тенденции коллизионного регулирования основных видов договоров о распоряжении исключительными авторскими правами в контексте эволюции и предсказуемости выбора применимого права к авторско-правовым договорным отношениям. В учебнике затронуты вопросы философии авторского права, а также философии коллизионного регулирования как основы международного частного права. Законодательство приведено по состоянию на 1 июня 2021 г.

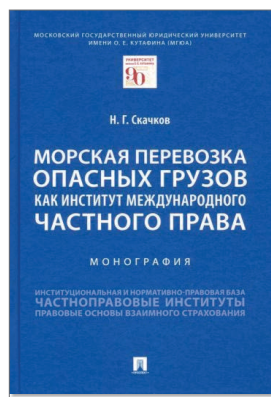
Терентьева Л. В. Судебная юрисдикция по спорам в киберпространстве : монография. — М. : Русайнс, 2021.

В монографии освещаются правовые проблемы, связанные с вопросами разграничения судебной юрисдикции по рассмотрению трансграничных частноправовых споров в киберпространстве. В книге проанализированы принципы судебной юрисдикции по рассмотрению

трансграничных частноправовых споров с принципами юрисдикции государства; сформулирован адаптивный подход к применению оснований установления судебной юрисдикции (юрисдикционных привязок), носящих территориальный характер, в отношении трансграничных частноправовых споров в киберпространстве; исследована специфика проявления территориальной, экстратерриториальной юрисдикции в киберпространстве; выявлены современные тенденции проявления тесной связи, положенной в основу установления судебной юрисдикции по рассмотрению трансграничных частноправовых споров. Автором также проводится анализ процедуры рассмотрения доменных споров в соответствии с Единой политикой и правилами разрешения споров о доменных именах (процедура UDRP) в аккредитованных частной корпорацией ICANN арбитражных центрах и оценка возможности ее квалификации в качестве третейского разбирательства.

Скачков Н. Г. Морская перевозка опасных грузов как институт международного частного права : монография. — М. : Проспект, 2021.

В издании обосновывается порядок формирования института морской перевозки грузов, относящихся к определенной номенклатуре внешне-экономической деятельности, где они и признаются в качестве опасных. Показана системность нового правового института. Содержится анализ коллизионного и материально-правового регулирования юридических отношений трансграничной морской перевозки опасных грузов, их институциональных принципов. Очерчиваются формулы прикрепления, которые приобретают по-настоящему определяющий характер. Рассматриваются и отсылки к тому правопорядку, согласно которому осуществляется правовое регулирование страховых обязательств. Отсюда закономерен вывод о возрастающем значении функции страхования, поскольку отнесение возникающих после выбора права отношений к разряду договорных осуществляется в счет предстоящих компенсирующих выплат, когда затраты возложены на страхователя.

Шахназаров А. Б. Параллельный импорт и исчерпание исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности: сотрудничество в сфере развития национальной промышленности и импортозамещение : монография. — М. : Проспект, 2023.

В монографии освещаются проблемы правового регулирования отношений в сфере параллельного импорта, формирования и модернизации правовых режимов исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в различных экономических условиях, а также меры развития национальной промышленности и импортозамещения.

Исчерпание исключительных прав применительно к объектам интеллектуальной собственности рассматривается как основной механизм, опосредующий регулирование отношений в сфере параллельного импорта, легитимация которого может повысить международную

конкуренцию, а также баланс ценовой политики правообладателей в разных государствах.

Автором в контексте санкционных ограничений в отношении России, а также приостановления деятельности в России ряда иностранных компаний рассматриваются различные траектории введения в законодательство возможности осуществления параллельного импорта в целях обеспечения российских потребителей товарами, которые перестали быть доступными на рынке страны, изучаются релевантные инструменты интеллектуальной собственности, таможенные процедуры, меры по обеспечению качества продукции, поступающей по параллельному импорту. Формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере параллельного импорта, правовой охраны интеллектуальной собственности.

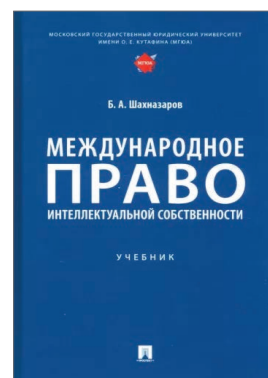
Особое внимание в контексте рассмотрения вопросов обеспечения экономического суверенитета государств, уделяется правовым мерам стимулирования национальных производств через призму международного сотрудничества государств и внутригосударственного сотрудничества предприятий, импортозамещения.

Система правового регулирования отношений по поддержке национальных производств, выработка эффективных правовых мер государственной поддержки промышленности, в том числе с учетом международного опыта, анализируются в качестве основ обеспечения независимости и эффективности национальных отраслей промышленности.

Законодательство приведено по состоянию на 4 августа 2023

Шахназаров А. Б. Международное право интеллектуальной собственности : учебник. — М. : Проспект, 2022.

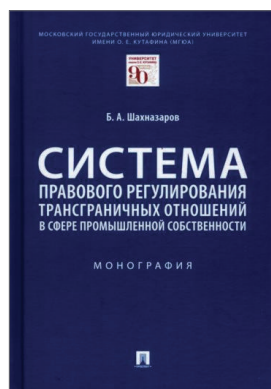
Учебник посвящен основам и различным аспектам международно-правовой охраны интеллектуальной собственности, а также регулированию трансграничных отношений в сфере интеллектуальной собственности. Автором рассматриваются основные объекты международно-правовой охраны интеллектуальной собственности, терминологические проблемы, отдельные актуальные вопросы охраны интеллектуальной собственности в трансграничных отношениях: коллизионно-правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности; вопросы трансграничной передачи прав на объекты интеллектуальной собственности; блокчейн-технология как способ охраны интеллектуальной собственности в трансграничных отношениях. Учебник включает отдельное изучение основ и особенностей международно-правовой охраны объектов авторских, смежных прав и объектов промышленной собственности. В книге исследуются и национально-правовые подходы к регулированию трансграничных отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Шахназаров А. Б. Право и информационные технологии в условиях современных трансграничных вызовов : монография — М. : Проспект, 2022.

Монография посвящена исследованию влияния информационных технологий на правовое регулирование трансграничных отношений в современных условиях. Автором анализируются терминология, основные понятия, различные отношения, реализуемые с использованием информационных технологий. Отмечаются особенности трансграничных отношений, реализуемых с использованием различных информационных технологий в условиях глобализации и современных вызовов. Особое внимание уделяется блокчейн-технологиям и особенностям правового регулирования отношений с использованием блокчейн-технологий. Отдельно исследуются вопросы правовой охраны интеллектуальной собственности в трансграничных отношениях с использованием информационных технологий, в том числе проблематика использования искусственного интеллекта при создании вакцин и иных результатов интеллектуальной деятельности. Сформулированы развернутые комментарии по различным видам правоотношений, реализуемых с использованием информационных технологий (партнерский банкинг и финтех, защита прав субъектов персональных данных). Анализируется трансформация юридического образования в условиях цифровизации, развития информационных технологий и LegalTech проектов.

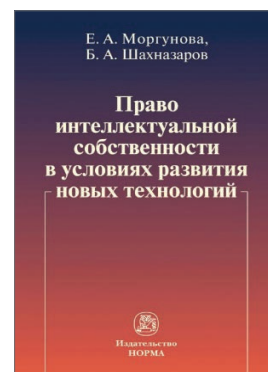

Шахназаров А. Б. Система правового регулирования трансграничных отношений в сфере промышленной собственности. — М. : Проспект, 2022.

Монография посвящена исследованию системы правового регулирования промышленной собственности в трансграничных отношениях. Автором анализируются терминология, основные понятия, объекты охраны промышленной собственности в трансграничных отношениях. Особое внимание уделяется системе принципов, материально-правовому и коллизионно-правовому регулированию промышленной собственности в трансграничных отношениях. Развернутые комментарии, формирование новейших научных подходов к международно-правовой охране промышленной собственности, рассмотрение национального нормативного правового регулирования промышленной собственности в Российской Федерации и в целом ряде иностранных государств дополнены анализом российской и зарубежной судебной практики рассмотрения осложненных иностранным элементом дел по спорам, вытекающим из нарушения прав на объекты промышленной собственности. Книга содержит практический материал и рекомендации по вопросам регулирования промышленной собственности в трансграничных отношениях, в частности по проблемам непосредственного применения правоприменительными органами норм международных договоров, по различным аспектам реализации механизмов защиты прав на объекты промышленной собственности в трансграничных отношениях. Отдельное внимание уделяется вопросам трансграничной саморегулируемой деятельности в сфере охраны промышленной собственности, использованию блокчейн-технологии в целях охраны промышленной собственности, правовой охране промышленной собственности в сети Интернет.

Моргунова Е. А., Шахназаров Б. А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий : монография. — М. : Норма, 2023.

Монография посвящена проблемам предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации, их использования и защиты прав на них в условиях современных вызовов, связанных с развитием новых информационных технологий, искусственного интеллекта, геномных технологий и др. Значительное внимание уделяется сравнительному анализу правового регулирования данных отношений.

Актуальные проблемы международного частного права : II Международный междисциплинарный научно-практический конгресс : сборник работ / под ред. Б. А. Шахназарова. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023.

Сборник посвящен исследованию актуальных проблем международного частного права. Пересмотр вектора и направлений международных отношений в первую очередь отражается на субъектах частного права: гражданах, организациях, объединениях граждан и организаций. Международное частное право в современном мире играет важнейшую связующую роль, позволяя сближать правовые системы разных государств, юрисдикции, правовые подходы к регулированию новейших общественных отношений, судебные системы, выстраивая правовые основы для защиты прав граждан и юридических лиц по всему миру. Трансформация права в контексте санкционных ограничений рассматривается в качестве большого вызова, стоящего перед всем мировым сообществом. Международное частное право здесь имеет преимущественный потенциал преодоления возникающих коллизий и формирования нормативных основ санкционного права, предотвращения и разрешения конфликтов.

Конгресс изначально задумывался как площадка для объединения профессионалов, правовых идей и выработки эффективных правовых решений. Международный статус Конгресса, работа в рамках Конгресса полностью англоязычной панельной площадки и секции подчеркивает важнейшее для юристов, молодых ученых значение международного частного права как эффективного набора инструментов для разрешения коллизий права, упорядочивания трансграничных общественных отношений, сближения правовых систем.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

**Андрей Анатольевич
ШУЛАКОВ,**

кандидат юридических
наук,

доцент кафедры
международного
частного права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

Международное частное право: от прошлого к настоящему

Международное частное право (МЧП), поэтически определенное одним из классиков этой науки французским коллизиионистом **Э. Бартемом** (Étienne-Adolphe Bartin, 1860—1948), как «проекция идеи родины в частноправовые отношения», под видом коллизий законов разрешает коллизии цивилизаций и культур, коллизии справедливости у разных народов. Причиной коллизии законов является коллизия суверенитетов¹.

Указанные коллизии выражаются в нормах, сталкивающихся в трансграничном правоотношении правопорядков (публичных порядков). Выбор права того или иного из коллидирующих в трансграничном правоотношении публичных порядков составляет суть международного частного права.

Характеризуя историю науки МЧП, выдающийся советский правовед профессор **В. М. Корецкий** (1890—1984) указал на две сталкивающиеся в этой сфере тенденции. С одной стороны, это *рационализм*, выражающийся в желании ученых различных эпох создать универсальную для всех стран абстрактную коллизиионную систему, представляющую собой, по сути, единое международное частное право. На этой почве возникает многообразие логических комбинаций, приводящее к необходимым результатам такими зигзагами, что «полезное действие» буквально теряется в массе затраченной для него схоластической работы.

С другой стороны, это *необходимость учета фактора целесообразности*, основанного на том, что «единого международного частного права быть не может, ибо, регулируя участие каждого государства в мировом хозяйстве, характеризующемся конкурентной борьбой, международное частное право должно отражать в себе *интересы и политику отдельных государств*»².

Этот взгляд В. М. Корецкого на природу международного частного права в полной мере подтвержден современной наукой. Доказательством верности той или иной правовой концепции, высказанной в доктрине, является апробация ее во времени и последующее повсеместное закрепление ее в законодательстве и судебной практике. С учетом этого критерия история науки МЧП может быть разбита на следующие четыре основных этапа.

Этьен Бартен

В. М. Корецкий

¹ Бартен Э. Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике / пер. с франц. Д. В. Тариканова. М. : Статут, 2019. Т. 1. С. 7, 9, 50.

² Корецкий В. М. Савиньи в международном частном праве (К 65-летию со дня смерти) // Вестник советской юстиции. Харьков, 1926. 15 февр. № 4. С. 154.

Этап 1. Глосса Аккурсия

Главным вопросом, давшим начало МЧП, был вопрос о том, простирается ли действие закона за пределы территории, на которой он издан, или действие его строго территориальное. Этот вопрос был решен итальянскими юристами.

Комментируя текст Конституции 380 года императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия об утверждении веры в святую Троицу³: «Мы желаем, чтобы все народы, коими правит власть нашей милости (*cunctos populos quos clementiae nostrae regit imperium... volumus...*), обретались в той вере, которую божественный Петр передал римлянам», — неизвестный глоссатор записал на полях этого документа следующий вывод: «...если житель Болоньи был привлечен к суду в Модене, он не должен быть судим на основании статутов Модены, которым он не подчинен»⁴.

Умозаключение глоссатора было построено на выводе, вытекающем из двух посылок: если, по мысли императоров, закон обязателен для тех народов, которыми они правят, следовательно, для тех, кто им не подвластен, закон не обязателен. А потому и болонский гражданин не может подлежать действию статута Модены.

Указанная глосса вошла в сборник трудов глоссаторов *Glossa ordinaria*, составленный известнейшим итальянским юристом Средних веков **Франциском Аккурсием** (*Accursius*, 1182—1254)⁵. Значение данной глоссы, вошедшей в историю МЧП как «глосса Аккурсия» таково, что в течение нескольких последующих столетий большинство юристов, подходивших к решению коллизионных вопросов, оперировали именно ею. Выведенный глоссатором из текста Конституции 380 года понятный для всех силлогизм был «освящен» римским текстом.

В течение последующих нескольких столетий все юристы, приступая к изучению конфликтных вопросов, начинали с цитирования отрывка текста Конституции о Святой Троице по ее начальным словам *cunctos populos* и с глоссы *quod si Bononiensis*⁶. Таким образом, создание глоссы Аккурсия, по существу, стало моментом рождения международного частного права⁷.

Франциск Аккурсий

Студенты Болонского университета (Болонья, Средневековый музей)

Этап 2. Голландская доктрина «международной вежливости»

Появление голландской доктрины «международной вежливости» (*comitas gentium*) и признание в силу этой вежливости приобретенных за границей прав стало

³ Конституция 380 г. положила конец номинальной религиозной свободе IV в. и стала важным шагом для превращения христианства в государственную религию.

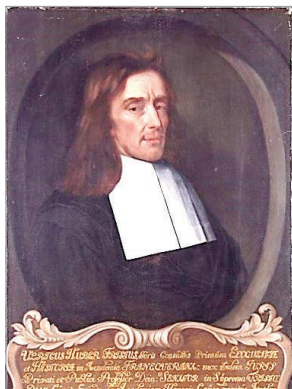
⁴ Цит. по: Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. М.: Книгодел, 2005. С. 35.

⁵ В созданный Ф. Аккурсием сборник *Glossa ordinaria* вошло около 97 тысяч глосс, написанных ко всему тексту *Corpus iuris civilis* (Кодификации Юстиниана).

⁶ См.: Брун М. И. Очерки истории конфликтного права. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. С. 9—10.

⁷ Богуславский М. М. Зарождение доктрины международного частного права // Международное частное право: современные проблемы. М.: Теис, 1994. С. 36.

Ульрик Губер

возможным только после разработки в XVI—XVII вв. французским юристом и политиком **Жаном Боденом** (Jean Bodin, 1529—1596) и голландским юристом и государственным деятелем **Гуго Гроцием** (Hugo Grotius, 1583—1645) теории государственного суверенитета⁸.

Суть голландской доктрины была подытожена в третьей заключительной аксиоме (axiomata) работы **Ульрика Губера** (Ulrik Huber, 1636—1694) «О коллизии законов в различных государствах» (De conflictu legum diversarum in diversis imperiis): «3) суверены государств в своих действиях руководствуются уважением (comiter agunt) к тому положению, что *законы каждого народа, после того как они были применены в пределах границ его собственной страны («приобретенные права»⁹), сохраняют свою силу повсюду, при условии, что они не наносят ущерб власти или правам другого суверена или его подданных*»¹⁰.

Значение голландской доктрины заключается в том, что, опираясь на концепцию суверенитета, она не только ответила на главные вопросы МЧП, сформулированные в глоссе Аккурсия, но и установила, до каких пределов вообще действует иностранное право на территории другого государства. В случае нарушения иностранными законами государственного суверенитета они не могут быть применимы даже в силу «международной вежливости».

Следовательно, основным критерием допуска иностранного закона на территорию другого государства (мерилом «международной вежливости»), лежащим в основе всей голландской коллизионной конструкции, является уважение к приобретенным за границей правам только при условии отсутствия ущерба суверенитету, правам другого суверена или его подданных, т.е. отсутствия ущерба тем ценностям, которые в современном праве входят в состав публичных (конституционно значимых) интересов (public interests). Указанные интересы (ценности) являются в праве США основой публичной (государственной) политики (Public Policy)¹¹, а в странах романо-германского права составляют содержание публичного порядка по смыслу МЧП.

В дальнейшем принцип, базирующийся на ущербе/последствиях для интересов публичного порядка от применимого права (принцип У. Губера), был закреплен в европейском законодательстве в качестве оговорки о публичном порядке (например, ст. 30 Германского гражданского уложения, 1896)¹².

⁸ См.: *Вольф М.* Международное частное право. М.: Иностранная литература, 1948. С. 43.

⁹ Указанное У. Губером положение о «законах каждого народа, после того как они были применены в пределах его собственной страны» американский ученый Э. Лоренцен определил как *приобретенные права (rights acquired)* (см. подробно: *Lorenzen E. G. Huber's De Conflictu Legum.* Yale Law School, 1-1-1919. P. 200).

¹⁰ См.: *Lorenzen E. G.* Op. cit. P. 200; *Вольф М.* Указ. соч. С. 42—43.

¹¹ Определенные в третьем принципе У. Губера пределы, за рамки которых не должно выходить признание иностранного права, Э. Лоренцен называет Public Policy («Публичная (государственная) политика») (см.: *Ernest G. Lorenzen.* Op. cit. P. 202).

¹² Г. К. Дмитриева отмечает, что представление об институте оговорки о публичном порядке, начало которому положила голландская школа международного частного права, совершенствовалось, но суть его осталась неизменной (см.: *Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой.* М.: Проспект, 2000. С. 160).

В законодательстве США правило об учете ущерба интересам публичного порядка было положено в основу всего механизма коллизионного регулирования, что определило тем самым содержание принципа наиболее тесной связи (Второй свод законов о конфликтах законов, 1971 г.¹³; ст. 3515 «Определение применимого права; общее и остаточное правило» Гражданского кодекса Луизианы, 1825 г. в ред. Закона 1991 г.).

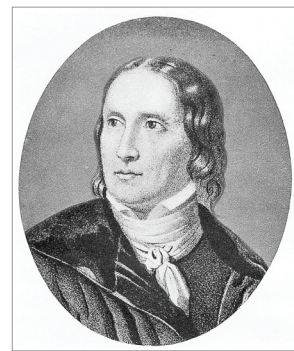
Этап 3. Доктрина Савиньи

Говоря об исходном вопросе МЧП, связанном с поиском применимого права, выдающийся немецкий ученый **Ф. К. Савиньи** (Friedrich Carl von Savigny, 1779—1861) отмечал, что для каждого правоотношения должен быть выявлен тот закон, к которому это правоотношение по своей природе относится, под который оно подпадает. Тем самым, отмечал ученый, можно установить, где это правоотношение имеет «свое место» (Sitz), «оседлость или домициль правоотношения»¹⁴.

В конечном итоге формула Савиньи (Sitz) в интерпретации английского юриста Джона Вестлейка (proper law — «надлежащее (свойственное) право» или «наиболее тесная связь с правом») была воспринята американскими правоведами и через них получила свое закрепление в качестве основного начала МЧП в Единообразном торговом кодексе США в 1952 г., а затем и во Втором своде законов по МЧП США 1971 г. Вскоре принцип наиболее тесной связи в различных его вариациях был законодательно закреплен в ряде стран, в том числе и в России (п. 2 ст. 1186 ГК РФ).

Как и голландские коллизионисты, Савиньи считал, что существуют ситуации, когда следует отказать в применении иностранного закона, несмотря на правовую общность. Пределы применения иностранного права Савиньи ограничивал двумя группами норм: нормами строго принудительных законов и нормами добрых нравов (морали). Выявленное Савиньи наличие в МЧП двух видов императивных норм (уступающих и не уступающих места иностранным нормам), позволило в дальнейшем разграничить в доктрине и законодательстве (Броше, А. Бустаманте, М. Вольф, М. Брун, Г. Баттифоль, П. Лагард) публичный порядок государства на две сферы: по смыслу гражданского и по смыслу международного частного права.

Савиньи считал, что подняться над интересами отдельных стран возможно лишь под влиянием общей христианской цивилизации/морали (christlichen Gefittung) и порождаемых ею реальных выгод для всех, кого это касается (как для государства, так и для отдельных лиц). В этой связи целесообразно, писал Савиньи, чтобы по делам, содержащим иностранный элемент, «одни и те же отношения могли ожидать одинакового решения, независимо от того, в каком государстве будет вынесено решение». Поэтому очень важно иметь в виду существование

Ф. К. Савиньи

¹³ *Kermit Roosevelt and Bethan Jones*. What a Third Restatement of Conflict of Laws Can Do. Part of : Third Restatement of Conflict of Laws. Published online by Cambridge University Press. 20 January 2017. P. 141.

¹⁴ *Savigny F. C. von*. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. S. 51.

«международного сообщества взаимозависимых наций» / «международной общности народов, поддерживающих отношения друг с другом»¹⁵.

Этап 4. Современные тенденции в международном частном праве

Учение Савиньи в полной мере было востребовано только тогда, когда для этого появились все условия, в период после Второй мировой войны. Установление в Уставе ООН (1945 г.), Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и других международных договорах единых публичных ориентиров — ценностей (основных принципов международного права), присущих общности цивилизованных государств, способствовало закреплению в международном частном праве учения Савиньи.

Установленные в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека ценности позволяют государствам провести общепризнанную границу между признанием прав иностранцев («уважением к приобретенным за рубежом правам») и интересами публичного порядка. Большинство частных прав, претендующих на публично-правовую защиту, не только получили ее, но и были объявлены в демократических государствах главными публично-правовыми приоритетами (ценностями). Гармонизация и унификация современных коллизионных принципов, касающихся признанных прав человека, в значительной степени связана с той «международной общностью народов, поддерживающих отношения друг с другом», о которой мечтал Фридрих Савиньи.

Новейшей тенденцией в международном частном праве является правило, в соответствии с которым правоприменитель для установления применимого права должен вначале выявить и взвесить интересы политики государства (материально-правовые факторы), связанные с правоотношением, и только затем подобрать из набора коллизионных презумпций соответствующую выявленным факторам привязку. В отличие от традиционного, классического коллизионного подхода, основанного только на коллизионных (отсылочных) нормах, данный подход получил в доктрине название «материально-правового (смешанного)»¹⁶.

В полной мере материально-правовой подход реализован в книге IV ГК Луизианы (редакции 1991 г.). Из 35 статей Книги IV «Коллизии законов» 27 статей содержат коллизионные нормы, ориентированные на учет материально-правового результата¹⁷. Автор и разработчик Книги IV (Коллизии законов) ГК Луизианы профессор **Симеон С. Симеонидес** (Symeon C. Symeonides).

Так, например, в соответствии со ст. 3519 ГК Луизианы «Статус физического лица; общий принцип», судья обязан определять применимое право на основе интересов, связанных с поддержкой действительности добровольно принятых

¹⁵ См.: Savigny F. C. von. A. a. O. S. 27 ; Вольф М.. Указ. соч. С. 50—51 ; Корецкий В. М. Указ. соч. С. 155—156.

¹⁶ См. подробно: Асосков А. В. Основы коллизионного права. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 306—307.

¹⁷ См.: Symeon C. Symeonides. Private International Law at the End of the 20th Century: Progress or Regress? XV International Congress of Comparative Law. P. 37.

обязательств, защитой детей и других лиц, нуждающихся в защите, а также с защитой семейных ценностей и стабильности. При выборе конкретной жесткой коллизионной привязки, фигурирующей в статьях Титула II (законы места заключения и расторжения брака, закон места жительства супругов и др.), суд обязан учитывать эти важнейшие и общие для государства, общества и частных лиц интересы (публичные интересы).

В европейской и американской доктринах (Фр. Кан, М. И. Брун, Ф. Вишер, Я. Нойак, У. Риз, Р. Крамер, М. Цепенфельд, С. Симеонидес и др.), отмечается, что интересы публичного порядка не только диктуют законодателю создание на их основе сначала односторонних, а затем и двусторонних коллизионных норм, но и позволяют правоприменителю корректировать с помощью защитных оговорок о публичном порядке это коллизионное регулирование.

В отечественной доктрине указывается, что в основе законодательной политики лежат общие, фундаментальные интересы государства. Цель нормы — выражение законодательной политики в свете конкретных фактических обстоятельств дела¹⁸. Очевидно, что создание новых норм МЧП, коррекция действующего коллизионного регулирования осуществляются на основе сверки с интересами публичного порядка, чему в значительной степени способствует и доктрина, основанная на ценностях отечественного правопорядка¹⁹.

Поворот в сторону признания важности материально-правового (смешанного) подхода в международном частном праве наметился в Европе после принятия в странах Евросоюза в 2007—2008 гг. Регламентов «Рим I» и «Рим II» о договорных и внедоговорных обязательствах.

Принятый в КНР Закон о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям (2010 г.), также учитывает современные тенденции. Это выражается не только в закреплении в ст. 2 Закона принципа наиболее тесной связи, но и в применении в ряде случаев материально-правового (смешанного) подхода в регулировании. Так, например, по вопросам содержания получателя алиментов в целях лучшей защиты его интересов судья обязан выбирать между правом обычного местопребывания стороны, правом государства, гражданство

Симеон С. Симеонидес
(Symeon C. Symeonides)

¹⁸ Ерпылева Н. Ю. Международное частное право : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2012. С. 185.

¹⁹ Так, например, публичный интерес защиты нравственности, закрепленный в п. 3 ст. 55 Конституции России, диктует законодателю политику, в том числе и в сфере международного усыновления. С этой целью в Семейный кодекс РФ в 2015 г. была внесена сверхимперативная норма, исключающая из числа усыновителей лиц, состоящих в однополых союзах (ч. 13, п. 1 ст. 127 СК РФ). Указанная формулировка справедливо была признана в доктрине (В. А. Канашевский) неполной и в связи с этим некорректной и неудачной. Допуск к усыновлению, отметил ученый, должен быть запрещен не только лицам, состоящим в однополых союзах, но и лицам, состоящим в однополых партнерствах, даже если согласно иностранным законам они вправе усыновлять детей (Канашевский В. А. Вопросы публичного порядка и квалификация при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 61—62).

которого сторона имеет, или правом места нахождения основной части имущества (§ 29 Закона)²⁰.

В ГК РФ материально-правовой подход закреплен, в частности, в п. 3 ст. 1199: «Отношения между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством), определяются по праву страны, учреждение которой назначило опекуна (попечителя). Однако, когда лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства в Российской Федерации, применяется российское право, если оно более благоприятно для этого лица».

Важнейшей проблемой современного МЧП является разграничение внутренних и трансграничных правоотношений. Решение этой проблемы возможно на основе выявления интересов, фигурирующих в указанных правоотношениях. Трансграничным правоотношением становится только тогда, когда в нем появляется существенный (релевантный) иностранный элемент — элемент, который при определении права невозможно проигнорировать без ущерба публичным интересам, обеспечиваемым нормами коллидирующего в правоотношении иностранного правопорядка.

Существенность (значимость), тому или иному элементу правоотношения придает не сам по себе тот или иной территориальный контакт, а наличие существенного публичного интереса, обеспечиваемого правом, тесно связанным с территориальным контактом.

Существенные публичные интересы иностранных правопорядков, связанные с тем или иным территориальным контактом, указывают на то, что данное правоотношение является трансграничным (романо-германская доктрина), коллизия — истинной (американская доктрина).

При отсутствии в правоотношении существенных иностранных публичных интересов такое правоотношение является внутренним (романо-германская доктрина), коллизия — ложной (американская доктрина). Для выбора применимого права и во внутреннем, и в трансграничном правоотношении следует руководствоваться принципом наиболее тесной связи, предусматривающим применение судом права страны, которое связано с наименьшим ущербом для публичных интересов (ценностей), затронутых этим отношением.

Давая характеристику публичным интересам (политикам), оказывающим влияние на определение применимого права, не только американские, но и современные европейские авторы признают, что, помимо экономических интересов, заложенных в антимонопольном законодательстве или законах о налогообложении, *публичные интересы / политики* охватывают еще и традиционные частноправовые области, такие как контракты, брак, развод, собственность и т.д.

Это признание проявляется в большинстве из 84 кодификаций международного частного права, принятых в мире за последние 50 лет. Исследование указанных документов показывает, что при создании этих кодификаций современные законодательные органы использовали целый комплекс механизмов (сверхимперативные нормы, односторонние коллизионные нормы и др.), предназначенных

²⁰ Научно-учебная группа «Современная конструкция международного частного права» // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/> (дата обращения: 21.08.2019).

для защиты конкретных ценностей или интересов государства-участника на международной арене²¹.

Таким образом, главной особенностью метода разрешения коллизий в современном международном частном праве является консеквенциальный подход — оценка *последствий* (лат. *consequentia*) для интересов публичных порядков, затронутых трансграничным правоотношением. Не только *запрет* применения иностранного права, выраженный в оговорке о публичном порядке, но и *предписания* сверхимперативных материальных норм, односторонних и двусторонних императивных коллизионных норм, а также *дозволения* двусторонних диспозитивных коллизионных норм, — все составные части метода правового регулирования основаны на учете *последствий* применения того или иного права для интересов публичного порядка страны суда и интересов других коллидирующих в правоотношении правопорядков.

²¹ См.: *Symeon C. Symeonides*. The Choice-of-Law Revolution Fifty Years after Currie: An End and a Beginning. To be published in 2015 University of Illinois Law Review. Is. 2 (2015). P. 15—17.

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор журнала
«Вестник Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

Русь крепостная, или История крепостного права в России¹

Распалась цепь великая,
Распалась и ударила —
Одним концом по барину,
Другим — по мужику.
Н. Некрасов

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»

На протяжении большей части мировой истории существовала та или иная форма ограничения свободы человека, будь то рабство или крепостное право.

В России крепостное право, или закрепощение (прикрепление к земле) крестьян, складывалось постепенно, на протяжении столетий и было следствием специфики землевладения.

До правления Иоанна Грозного помещики наделялись правом иметь землю, а крестьяне могли у землевладельца ее «арендовать». Под арендой понимались оброк с барщиной, которые крестьяне были обязаны платить помещику. При этом бедняки, выплатив денежный сбор, могли переходить от одного землевладельца к другому без ограничений. Такая система действовала с XI в.

Однако 1497 год стал переломным в отношениях крестьян и помещиков — он положил начало закрепощению первых. Царь издал новый судебник. Это был свод законов, установивший конкретные сроки перехода крестьян от одного хозяина к другому. Речь шла о Юрьевом дне², а также о неделе до и неделе после него. Теперь только в этот период крестьяне могли при желании уйти от ненавистного помещика, чтобы попытаться счастье в другом месте.

С. Иванов. Крестьяне уходят от своего помещика в Юрьев день

Но и это было неудобно помещикам. Сохранились сведения о том, как помещики придумывали уловки, помогающие им удержать крестьян. Одна из них — угощение крепостных крепким пивом. Начинался такой праздник как раз за неделю до Юрьева дня, продолжался обычно две недели. Охмелевшие крестьяне забывали о своем праве. Когда же попойка заканчивалась, выяснялось, что Юрьев день уже прошел.

Одним из первых документов, в котором были закреплены основные положения

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

² Суть этого праздника заключается в том, что этот день знаменовал середину перехода крестьян от одного хозяина к другому.

крепостного права, была Указательная грамота Иоанна Грозного, изданная в 1550 г. В этом документе были даны порядок и условия, по которым появилась крепостная зависимость. Итогом стала временная отмена Юрьева дня и введение понятия «заповедные лета».

Однако самым известным и значимым стал Указ царя Феодора Алексеевича (1597 г.). Этим указом был введен в действие Устав о крепостных правах, которым была установлена «неприкосновенность» крестьян, что заметно снизило мобильность крестьянского населения и приблизило их статус к крепостному.

Устав устанавливал жесткий контроль государства над сельским населением, особенно над крестьянами. Крестьяне были принудительно прикреплены к земле и передавались вместе с ней при смене владельца. Устав также определял обязанности и права крестьян, устанавливал порядок судебного преследования и наказания крестьян, а также регулировал их экономическую деятельность.

Спустя почти 50 лет вышел в свет Указ царя Алексея Михайловича «О крестьянах» (1649 г.). Согласно указу, крестьяне были признаны зависимыми от помещиков и обязаны были работать на земле помещиков без права смены места жительства. Они обязаны были платить помещику дани и сборы как в деньгах, так и в натуральной форме, а также вносить ежегодное подушное налоговое обложение.

Указ также устанавливал порядок разбирательства судебных дел крестьян. Крестьяне могли подавать жалобы на злоупотребления помещиков и обращаться в суды для защиты своих прав. Однако реальный доступ к правосудию был ограничен, так как суды были подконтрольны помещикам и нарушения их интересов редко преследовались. Становление крепостного права завершилось податной реформой Петра Великого. Прежде всего Указом Петра I (1701 г.) были введены специальный паспортный режим для селян, а также воинская повинность и обязанность личных крестьян «предоставлять принадлежности» для армии.

Согласно указу, вне своей деревни крестьянин мог передвигаться только на основании паспорта, выданного им его помещиком. В паспорте указывалась причина, по которой он мог находиться вне места жительства. Обычно это было: «отпущен на оброк», т.е. на побочные заработки с целью выплаты оброка владельцу. Указывался и срок, на который барин отпускал своего крестьянина. Если что-то не совпадало или не было паспорта, то крестьянин считался беглым.

Отпущенные на оброк крестьяне могли, как правило, только наниматься в работники. Заниматься собственным ремеслом в городе, открывать там свою лавку они не имели права. Однако иногда крестьяне имели возможность зарабатывать мелким предпринимательством.

Надо отметить, что царь-реформатор Петр Великий неоднократно думал об изменении положения крепостных крестьян. Но император быстро осознал: проводить такую реформу в ситуации, когда у бояр и дворян и так отобраны многие права и привилегии, опасно. Это может спровоцировать мощное противостояние, тем более что крепостничество в России существовало уже не одно столетие и держалось на традиции.

Определенную лепту в формирование правовой базы крепостного права внесла Екатерина II. Принятое в 1785 г. Законодательное уложение урегулировало

крепостные отношения, закрепив личную зависимость крестьян от помещиков и предоставив последним широкие права и полномочия³.

Согласно Уложению, крестьяне были собственностью дворян и не имели права на свободный выбор места жительства. Они жили в деревнях и обязаны были выполнять работу на земле дворян. Крестьяне не имели возможности выкупить себя из крепостной зависимости и оставались привязанными к земле.

Уложение также закрепило повышение доли крестьянской земли, которую давали дворянам. Теперь каждый дворянин имел право на землю в размере «50 десятин и 4 бровки» для каждого крестьянина. Это привело к увеличению численности крепостных крестьян и усилению их зависимости от дворянства.

Правнук Петра Алексеевича император Павел I ограничил барщинную повинность до трех дней в неделю. Но многие помещики не подчинялись царской воле, заставляя крестьян горбатиться и по пять, и по шесть, и по семь дней.

Первый шаг к отмене крепостного права сделал император Александр I. В 1807 г. был опубликован Манифест «О сжигании крепостной зависимости», который стал важным документом, закрепившим процесс освобождения крестьян от крепостного права.

Манифест, состоящий из 40 статей, предлагал постепенное освобождение крестьян от крепостной зависимости и устанавливал конкретные этапы реформы. Он призывал к справедливому и гуманному обращению с крестьянами и созданию условий для их постепенного освобождения.

Главными положениями манифеста были:

- освобождение крестьян от крепостной зависимости должно происходить постепенно в течение 20 лет;
- владельцам поместий предоставлялось право расторгнуть крепостное право крестьян раньше предусмотренного срока, за что им предоставлялись особые привилегии;
- крестьяне могли выкупить свою свободу, выплатив сумму, которая была определена исходя из стоимости обслуживания этого крестьянина и его семьи;
- крестьянам предоставлялось право на заключение гражданских браков и др.

Несбывшаяся «воля»

До сих пор историки спорят о возможности отмены в России крепостного права после окончания войны 1812 г. Почему?

Принято считать, что поражение Наполеона было вызвано целым рядом факторов: избранной Александром I и Кутузовым верной стратегией «заманивания» неприятеля; ошибочным решением французского императора идти на Москву; странством и климатом России; «народной войной». Однако многие современные историки, особенно российские, указывают еще одну причину: несбывшаяся «воля».

В 1812 г. Российская империя являлась феодально-крепостнической державой. Подавляющую часть населения ее европейской части составляли крепостные крестьяне, находившиеся в собственности дворянских помещиков. Еще до

³ Этот документ оставался действующим до отмены крепостного права в 1861 г.

начала войны среди простых людей ходили слухи, что Наполеон несет «волю», а старообрядцы добавляли, что он — предсказанный еще в XVII в. «царь Развей».

Есть малоизвестный факт, что в составе французской армии имелся Русский легион численностью в 8 тысяч человек, набранный в основном из пленных, взятых французами в ходе кампаний 1805 и 1806—1807 гг. Эти люди жили в Европе свободно, воевать их никто не заставлял, но они отправились с Наполеоном, надеясь, что он отменит у них на родине крепостное право.

В советское время исследователи войны 1812 г. делали акцент на то, что она вызвала патриотический подъем в русском обществе, который способствовал «взрослению нации». Это во многом так. Однако накануне войны даже прославленные русские полководцы сомневались в том, что крестьяне сохранят верность своему Отечеству. Вопрос «воли» (отмены крепостного права) вышел тогда на первый план в народном сознании. Претензий к господам накопилось к тому времени немало, и нередко были случаи, когда крестьяне грабили брошенные хозяевами имения.

Но во время войны с Наполеоном русские крестьяне стали объединяться в небольшие отряды, чтобы защищать свои села от иноземных захватчиков. Ярчайшая фигура среди партизан того времени — Василиса Кожина, женщина, ставшая легендой войны 1812 г. Для борьбы с французами Кожина организовала собственный отряд из женщин и подростков. Орудовали партизанки тем, что имелось в крестьянском хозяйстве: вилами, косами, лопатами и топорами. Отряд Кожина сотрудничал с русскими войсками, часто передавая им пойманных вражеских солдат.

Со временем вокруг отважной партизанки стало появляться множество баек — Василиса Кожина превратилась в собирательный образ русского крестьянства, боровшегося против захватчиков. Кроме того, она стала героиней многочисленных лубков, самый известный из которых был написан Венециановым.

«Патриотизм» же многих дворян заключался в том, что они бросали свои имения и уезжали в Поволжье и на Урал, чтобы там отсидеться. А из тех, кто остался «на милость победителя», некоторые даже пошли служить в органы французской администрации, собирали реквизиции в пользу захватчиков. Были, конечно, и те, кто организовывал партизанские отряды из своей дворни и уходил в леса. Но таких было немного. Большинство из оставшихся держали своеобразный нейтралитет: с оккупантами не сотрудничали, но и сопротивления не оказывали.

Император Александр I понимал, что в руках Наполеона Бонапарта имеется «серьезный козырь» — отмена крепостного права, и очень этого боялся.

Существует много гипотез, почему Наполеон не отменил крепостное право на оккупированных территориях.

А. Венецианов. Французы — голодные крысы в команде у старостихи Василисы (лубок)

Во-первых, было сомнение, что Наполеон Бонапарт был бы встречен в России подневольным крестьянством не как антихрист-поработитель, а как долгожданный освободитель. И совсем нереальной была мысль, что в России французская армия испытала бы на себе не безжалостные удары дубины народной войны, а всенародную любовь и поддержку. Сравнить Россию и Европу было сложно. Если Наполеон Бонапарт в Польше сразу привлек на свою сторону освобожденных от крепостной неволи польских крестьян, то в России это могло и не работать, учитывая ее огромную территорию.

Именно поэтому 1 июля 1812 г. Наполеон воссоздал Великое княжество Литовское в составе Виленской, Минской и Гродненской губерний и Белостокского округа и отменил на его территории крепостное право. Но через считанные недели «отыграл» назад.

Так, комиссар при временном правительстве Великого княжества аббат Биньон объявил: «Впредь не предполагается никакой перемены в отношениях между господами и подданными». Французский маршал Даву на встрече с дворянами Могилевской губернии заверил: «Крестьяне останутся в повиновении помещикам своим».

Во-вторых, Наполеон долго думал о том, что может дать ему подобный шаг. В конце концов он решил, что позволить разбушеваться стихии крестьянской войны — дело опасное. «Пугачевщина», которая еще не забылась в начале XIX в., была яркой тому иллюстрацией. Наполеон понимал, что русское крестьянство в конце концов повернет вилы уже против иностранцев, так как бесконечно терпеть оккупацию в благодарность за отмену крепостного права оно не станет. Так, находясь в Москве, Наполеон приказал найти в городских архивах и перевести на французский язык для него материалы по пугачевскому восстанию. Изучая их, он только укрепился во мнении, что крестьяне в России не готовы к свободе.

Именно поэтому Наполеон сделал ставку на дворянство, которое ему ментально, естественно, было ближе. Он рассчитывал и на «французскую партию» среди русской элиты. В нее входили, например, такие влиятельные люди, как дипломат Николай Румянцев, адмирал Николай Мордвинов, хотя позиции этой группы были не очень сильны. Однако Наполеон считал, что после первых поражений русских войск французская партия в окружении царя Александра I усилится и склонит царя к миру.

Во-третьих, существовал и экономический фактор. Наполеон Бонапарт на оккупированных землях России всячески старался пресекать попытки крепостных крестьян выйти из подчинения своих помещиков (из тех, кто не пожелал эвакуироваться с занимаемых французами территорий, а стал тихо и мирно ждать окончания войны в своих имениях).

Масштабные перемены могли временно дезорганизовать экономические отношения в России. Неизвестно, когда бы возник рыночный фермерский уклад, а продовольствие и фураж для французской армии были необходимы сегодня.

В-четвертых, крестьяне в 1812 г. должны были выбрать между классовым инстинктом и национальным чувством. Последнее оказалось сильнее. Они понимали, что врага надо сначала прогнать, а потом уже разбираться с «внутренними проблемами». Кроме того, велика была надежда, что царь в награду за то, что народ поднялся и прогнал Наполеона, отменит крепостное право.

В-пятых, просвещенные русские были для Наполеона военными противниками, но людьми одной с ним цивилизации, носителями европейской культуры и менталитета, говорившими по-французски, в каком-то роде «социально близкими», а бородатые мужики — кем-то вроде бедуинов, с которыми он имел дело во время египетского похода. Он слишком хорошо помнил, что творили во Франции якобинцы, и представлял, какой хаос мог случиться в «дикой России».

Русские в Париже

В 1817 г., когда русская армия покидала Францию, крепостные рекруты, надышавшись воздухом свободы, массами дезертировали. Привычные к сельскому труду, они нанимались в работники к фермерам, многие женились на их дочерях (сказывалась во Франции нехватка мужчин после войны).

На запросы русского правительства французские власти отвечали, что не могут вернуть этих людей, потому что «жители скрывают их». По некоторым данным, русская армия за три года недосчиталась около 40 тысяч «нижних чинов».

«Суди сама, до какого падения дошла наша армия, если старик унтер-офицер и простой солдат остаются во Франции, а из конногвардейского полка в одну ночь дезертировало 60 человек с оружием и лошадьми», — писал жене бывший московский градоначальник граф Федор Ростопчин. При этом сам Ростопчин, выйдя в отставку, до конца своих дней жил в Париже.

Александр I всю жизнь думал об отмене рабства, но накануне большой войны и после блестящей победы не решался задеть интересы главного военного сословия — дворянства. В высочайшем Манифесте от 30 августа 1817 г. крепостные удостоились одного предложения: «Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду свою от Бога».

Можно предположить, что следующему российскому императору Николаю I упразднить крепостное право в какой-то степени помешало восстание декабристов. Император опасался, что после случившегося предоставление крестьянам свободы может иметь опасные последствия для государства и посчитал наилучшим для себя оставить вопрос на решение своим потомкам.

Крестьянская реформа 1861 года

К середине XIX в. стало окончательно ясно, что без отмены крепостного права дальнейшее развитие страны уже невозможно. На решительные действия Александра II подтолкнули поражение в Крымской войне и участвовавшие крестьянские восстания. «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, пока оно само собою начнет от-

Б. Кустодиев. «Чтение Манифеста об освобождении крестьян»

меняться снизу», — сказал как-то сам император на приеме у предводителя московского дворянства.

Занимаясь подготовкой к проведению реформы, Александр II использовал наработки, сделанные его отцом. За несколько лет до выхода Манифеста 1861 г. указом императора был создан Тайный комитет⁴, который занимался подготовкой исторического документа.

По поручению Александр II чиновники побывали в рядке стран, изучали отношения между государством и крестьянами, между крестьянами и владельцами земли и набравывали предложения о возможности использовать зарубежный опыт в России.

Однако подготовка манифеста не могла быть полностью тайной, в обществе начались бурные дискуссии. Против реформы выступали весьма влиятельные лица. Даже многие члены правительства, большинство из которых были помещиками, выражали свое несогласие достаточно жестко. Среди них был министр внутренних дел Петр Валуев, который, по его же выражению, был «пером оппозиции», т.е. «оппозиции делу освобождения крестьян».

Ярым сторонником реформы отмены крепостного права выступал генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф Александр Строганов.

Манифест 1861 г. и последующая реформа были результатом компромисса различных сил. Основные положения реформы заключались в следующем.

Крестьянам даровалась личная свобода, а помещики сохраняли все принадлежащие им земли, но обязаны были предоставить первым в пользование земельные наделы. За пользование ими крестьяне должны были по-прежнему отбывать барщину или платить оброк — до тех пор, пока не выкупят свою землю. А когда выяснилось, что крестьяне не имеют средств на выкуп, деньги за них внесло государство, обязав погасить долг в течение 49 лет из расчета 6 процентов годовых (высокий по тем временам процент). В таких условиях многие крестьяне попросту отказывались от земли.

Не желая вызывать сильного недовольства у помещиков, площади земель, выделенных бывшим крепостным, сделали меньше, чем было необходимо для рентабельности крестьянского труда. В среднем каждое крестьянское хозяйство получало по 3,5 десятины земли, а для получения хотя бы какой-то прибыли нужно было иметь как минимум 5—6 десятин. То есть хозяйства обрекались на постепенное разорение.

Да и далеко не все помещики оказались готовы вести капиталистическое хозяйство. По замыслу идеологов реформы, лишенные бесплатной рабочей силы помещики начнут думать над тем, как повысить эффективность сельскохозяйственного производства. В действительности же вышло по-другому. Одни разорялись, другие

Карикатура 1860-х гг.

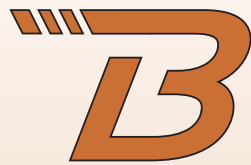
⁴ Комитет был назван Тайным, потому что император опасался недовольства ожидаемыми реформами дворян.

просто предпочитали отдавать землю в аренду. Вкладывали средства, чтобы повышать эффективность хозяйств, мало кто хотел.

Таким образом, реформой, отменившей в России крепостное право, были не особенно довольны как помещики, так и крестьяне. Это хорошо подметил А. П. Чехов в пьесе «Вишневый сад», где его герой слуга Фирс с сожалением говорил, мол, раньше был порядок, «мужики при господах, господа при мужиках».

В дальнейшем судьбы освобожденных от крепостной зависимости крестьян складывались по-разному. Кто-то смог добиться больших успехов, некоторые остались на земле, сумели приспособиться к новым условиям труда и постепенно налаживали свое хозяйство. Но многие разорялись и уезжали в города, где далеко не всегда могли найти применение своим силам. В России в одночасье не появились эффективные собственники, зато резко возросло число обездоленных.

Однако в целом крестьянская реформа в 1861 г. все-таки стала важным шагом к модернизации российского общества. Она оказала значительное влияние на развитие Российской империи, позволила улучшить социальную мобильность, ускорила экономическое развитие государства.

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >